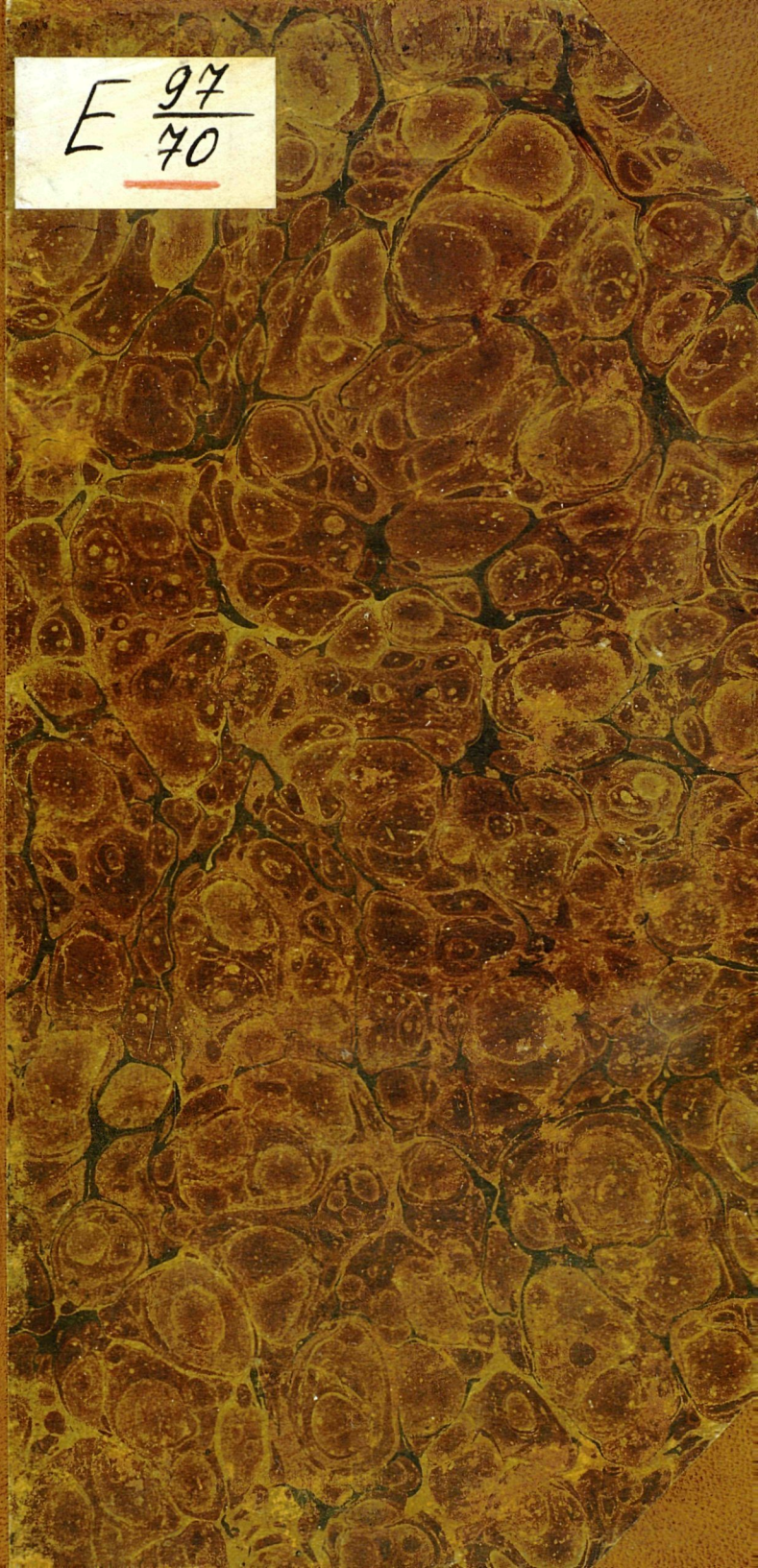

E $\frac{97}{70}$

ЭБ

Лича
Ростована

97
70
НОВОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХЪ
АНЕКДОТОВЪ,

или

НЕ КОПИРОВАТЬ

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ПЯТИ ЧАСТЯМЪ
РУССКИХЪ АНЕКДОТОВЪ,

ИЗДАННЫХЪ

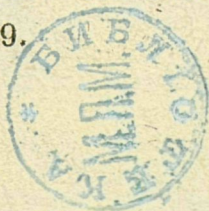
СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Семена Селивановскаго.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по ошпечашаніи предсшавлены были
въ Цензурный Комишешъ шри экземпляра. Москва, 1828 го-
да Генваря 14 дня. Въ должнoshi Предсѣдателя Цензоръ
Сергѣй Аксаковъ.

2007111482

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

Историческое изображение добродѣтелей и славы Россіянокъ древнихъ и но- выхъ временъ	1.
Черты изъ жизни Петра Перваго	57.
Способъ первоначальнаго ученія, предло- женный Екатериною Вшорою	62.
Послѣднія слова Амвросія, Архіепископа Московского	64.
Жертва, принесенная Москвѣ Графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ	65.
Смерть Генерала Вейсмана	68.
Умный ошвѣтъ Адмирала Чичагова	71. ✓
Юность Ломоносова	72.
Сила наблюденія	73. ✓
Соображеніе опроверческаго наблюденія съ опытами зрѣлыхъ лѣтъ	74.
Спращъ къ ученію и постепенные успѣ- хи Ломоносова	75.
Ломоносовъ достигаетъ 17-ти лѣтъ и оставляетъ опцовскій домъ	77.
Нравственные черты, почерпнутыя изъ жизни и сочиненій Ломоносова	79. ✓
Любовь къ человѣчеству	80.
Сосраданіе къ ближнимъ	81.
Сила ободрѣнія	82. ✓
Усердіе къ добрымъ иностранцамъ	—
Истинное просвѣщеніе украшается скро- мностію	84.
Терпѣніе	86.
Личное достоинство	88.
Сыновняя любовь	90.
Опроверскія лѣта Ивана Ивановича Дми- тріева	93.
Чувствованія Николая Михайловича Ка- рамзина къ памяти нѣжной матери	98.

Суворовъ-наставникъ юныхъ воиновъ и любитель воспитанія.	100..
Обновленный памятникъ Боярину Арше- мону Сергѣвичу Матвѣеву	106.
Степанъ Юрьевичъ Храповицкій. . . .	111.
Обозрѣніе жизни Генерала Рекешмей- стера Аркадія Ивановича Терскаго . .	113.
Анекдоты о Екатеринѣ Вшорой	122.
Снисхожденіе Екатерины Вшорой	124.
Великодушное безпристрастіе Екатерины	126.
Проницательность Екатерины Вшорой.	—
Уваженіе Екатерины къ заслугамъ	127.
Довѣренность Екатерины	128.
Милость Монаршая.	129.
Отрывокъ изъ письма Суворова къ Графу Петру Ивановичу Панину	132.
Письмо Князя Николая Васильевича Реп- нина къ Князю Пошемкину	—
Подлинное извѣстіе о взятіи Измаила, изъ бумагъ Князя Пошемкина-Таври- ческаго	135.
Диспозиція Генерала Суворова къ сраже- нію съ верховнымъ Визиремъ 11-го Сентября 1789	140.
Извѣстіе о покореніи Варшавы	142.
Письмо Ивана Ивановича Бецкаго къ Кня- зю Пошемкину	145.
Московское гостепріимство	155.
Похвальный обычай нашихъ предковъ . .	156.
Смерть юнаго Графа Строгонова	157.
Поле Бородинское	159.
Родственный судъ	162.
Памятникъ сыновней любви	164.
Мининъ, или слава и добродѣтель не умираютъ.	168.
Экспедиція подъ командою Подполковни- ка Зигрода	177.
Новый благотворительный подвигъ Ва- силья Васильевича Варгина	195.

Стран.

Благодѣшительный Венгерскій уроженецѣ	
Албертъ Фишеръ	198.
Спихи на кончиву Генералѣ-Адъютанта,	
Графа Павла Андрѣевича Шувалова .	204.
Графѣ Левѣ Кириловичѣ Разумовскій .	209.
Восторгѣ Россіянина при лицезрѣніи	
Государя.	214.
Описаніе праздника, даннаго Екашеринѣ	
Второй Львомѣ Александровичемѣ	
Нарышкинымѣ 29 Іюля 1772 года, въ	
приморскомѣ его домѣ Левендалѣ. .	217.
Московскія ямскія слободы	228.
Взяшіе крѣпости Ланкорана	238.
О благоустройствѣ и вѣбликолѣпніи двора	
царя Алексѣя Михайловича	242.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ДО- БРОДѢТЕЛЕЙ И СЛАВЫ РОССІЯНОКЪ ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Воспоминаніе о добродѣтеляхъ есть лучшая дань, приносимая добродѣтели и славѣ.

И какъ не вспоминать о тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя охраняютъ и колыбель младенца и дни опроческіе! Какъ не вспоминать о чувствованіяхъ супруговъ и матерей! Нѣжная ихъ длань устилаетъ цвѣтами всѣ пупы жизни нашей; сердечные ихъ взоры проясняютъ туманъ, не рѣдко наносимый заботами и горестями, неизбѣжными въ сей лепящей жизни; душевныя слова ихъ придаютъ новыя прелести радости и вливаютъ новую жизнь въ сердце скорбное; дальновидная заботливость ихъ и нѣжная дружба отдаляютъ все горестное и сближаютъ съ будущими отрадами.

Жизнь лепитъ съ быстротою молнии; но добродѣтели и слава, не раздѣльная съ ними, въ неизмѣнномъ существованіи своемъ переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ и все переживаютъ.

Сбылись въ наше время слова незабвеннаго Пѣснопѣвца: Россіянки дѣли-

жребію незабвенному. „По природному своему остроумію,“ говоритъ Екашерина Вторая въ Запискахъ своихъ касательно Россійской Исторіи: „Ольга убѣдилась въ превосходствѣ той Вѣры, или вѣспницы безсмертія, которая освѣтляетъ жизнь надеждою, сіяющею въ небесахъ, и соединеніемъ душъ и сердецъ подкрѣпляетъ на тернистыхъ путяхъ жизни. Душа ея опдалилась отъ праха земнаго и устремилась въ небеса. Многіе странствуютъ для любопытства, или желая видѣть разнообразную красоту природы, или блескъ Дворовъ великолѣпныхъ; Ольга отправилась въ Царьградъ, чтобы навсегда покориться смирению. Тамъ сочелась она душою съ Вѣрою и вѣчностью.“

Ольга была *Матерью-Наставницею*; но сынъ ея Святославъ родился во тьмѣ язычества: пагубныя привычки лѣтъ отроческихъ навсегда укоренились въ его сердцахъ. Тщешно убѣждала она его перейти отъ мрака къ свѣту; упорный сынъ, поработясь землѣ, какъ будто бы невидѣлъ небесъ.

Для мгновенныхъ странниковъ сего міра нѣтъ и не было совершеннаго счастья. Не слышала Ольга изъ устъ сына своего изреченія, ожидаемаго ея сердецъ; на краю гроба не слышала она отъ Святослава: *И я Христіанинъ!*

„Но.“ говоритъ *Несторъ*: „какъ заря утренняя предшествуетъ солнцу, такъ Ольга была предшественницей свѣта въ обласяхъ земли Руской. Подобно безмятежной лунѣ, сіяла она во мракѣ ночи: первая изъ Россіянокъ перешла она въ горнія селенія и проложила шуда степи сынамъ Россіи.“

Блистала красою *Рогнеда*; но что значилъ красота безъ добродѣтели? Достойна она была слезъ въ печальной участи своей, когда отецъ и братья ея пали отъ мстительнаго меча Князя Владиміра, еще не Христіанина; но ревность все изстребила въ ея сердцѣ, неживляемомъ Вѣрою, копорая училъ терпѣть и надѣяться. Современники *Рогнеды*, видѣвшіе, какъ быспро угасаетъ и красота и слава и все то, чѣмъ обольщаетъ насъ невѣрное счастье земное, называли ее *Гори-славою*. Часпо, очень часпо горе нераздѣльно со славою; но никогда любовь и надежда не оплучаются отъ Вѣры.

Такою славою ознаменовались имена прехъ дочерей Князя Ярослава: *Елисаветы*, *Анны* и *Анастасіи*.

Для Елисаветы, юный Норвежскій Принцъ Геральдъ отвергъ любовь Греческой Императрицы; для нее плавалъ онъ на быстрыхъ корабляхъ по морямъ дальнимъ; для нее пускался въ неизмѣримость Океана, за предѣлы земель оби-

таемыхъ. Воспоминаніе о Елисаветѣ вездѣ ему сопутствовало. Н. М. Карамзинъ весьма справедливо замѣчаетъ, что Елисавета не презирала Рыцаря своего; но она желала, чтобы имя его гремѣло повсемѣстно подвигами славы необычайной; она желала, чтобы и въ дальнихъ земляхъ и въ землѣ Руской сказали, *что женихъ достоинъ невесты*. Слава и постоянство увѣнчались любовью. Опѣ брачныхъ алтарей юный Принцъ и счастливый супругъ поспѣшилъ въ Отечеству и тамъ владѣлъ съ Елисаветою подвѣ именемъ Короля. Долго ожидалъ онъ дней блаженныхъ; быстро пролепали они: блеснули и угасли. Не стало Королевы Норвежской.

Престолъ Франціи украшался другою дочерью Князя Рускаго. Анна Ярославовна была супругою Короля Генриха *Перваго*. Хотя и полагаютъ, что во дни вдовства своего Анна возвратилась въ край родной и умерла въ странѣ отечественной; но въ бурю мятежа Французскаго опысканъ ея молишвенникъ.

Третія дочь Ярославова Анастасія дѣлила Престолъ съ Андреемъ, Королемъ *Венгерскимъ*. Приверженность къ Анастасіи привлекла нѣкоторыхъ Кіевскихъ уроженцевъ съ береговъ Днѣпра на берега Дуная. Сердце во слѣдъ за собою ведетъ сердца.

Нравственное воспитаніе учредилось въ Россіи подѣищомъ Вѣры Евангельской. Въ Исторіи своей Тапищевъ предполагаетъ, что *Анна*, дочь Всеволода, была у насъ первою основательницею училища для дѣвицъ. Въ мирномъ уединеніи, въ удаленіи отъ свѣта и въ сближеніи съ небесами, юныя Россіянки привыкли къ трудолюбію, копорое отклоняетъ отъ празности и мечтаній, волнующихъ воображеніе. Тамъ питали онѣ души свои подвигами милосердія и добродѣтели: тамъ помогали трудами рукъ своихъ бѣднымъ спрадальцамъ. Истинная чувствительность живетъ благошвореніемъ.

Часто, весьма часто, къ несчастію нашего Опечесства, Рускіе Князья поражали *Россію Россіей*. Въ сіи дни горестныя великія Россіянки являлись въ видѣ *Ангеловъ-примирителей*. Сильно пораженъ былъ Владиміръ Мономахъ, когда коварство и насиліе лишили очей юнаго племянника его Васильку, за то, что онъ былъ доспойнѣе другихъ наслаждаться и сіяніемъ солнца и присутствіемъ людей, любившихъ Князя за любовь его. Въ скорби душевой Владиміръ Мономахъ воскликнулъ: „Отъ раздоровъ нашихъ погибнетъ земля Руская; впоргнутся хищные иноплеменники; возстанутъ братья на братьевъ. Обнажимъ ме-

чи свои въ зашщипу невиннаго спрадальца!“

Уже засверкали мечи булатные; вся Руская земля гошова была возсташъ и двинушъся по голосу Князя добродѣтельнаго. Является Анна, второя супруга Князя Всеволода. Уста ея вѣщають о мирѣ, и мечъ выпадаетъ изъ рукъ Князя Владиміра, но не отъ страха, а отъ жалосни сердечной, и онъ въ горкихъ слезахъ восклицаетъ: „Опцы наши и дѣды берегли землю Рускую, а мы губимъ ее и разоряемъ!“

Добродѣтель, подобно солнцу, все радуетъ и животворитъ. Добродѣтель Анны разсѣяла грозную пучу, скоплявшуюся надъ землею Рускою. Незабвенна пемять *Ангеловъ-примирителей* и въ лѣтописяхъ и въ сердцахъ!

За то и тѣнь подозрѣнія, навлекаемая на имя добродѣтели и невинности, почиталась ужаснѣйшимъ оскорбленіемъ. Вѣра смиряется передъ Богомъ, но никому не отдаетъ той чести и той славы, копорыя съ лица праха земнаго переходятъ за блестящій сводъ лазореваго неба. Слава Россіянковъ есть первое ихъ украшеніе. Легкомысленный Князь Ярославецъ, смущаясь собственнымъ беспокойствіемъ своего сердца, отважился изгнать супругу свою, дочь *Мстислава*, названнаго *Великимъ* за

добродѣтель. Опца уже не было въ томъ мірѣ, гдѣ часто спраждеѣ добродѣтель, но гдѣ и не всегда торжествуетъ насиліе. Дядя злополучной жертвы, *Владимірѣ Мономахѣ*, вступился за нее. Два раза опрекался отъ Престола и простилъ дерзновеннаго Ярославца, когда онъ покушался поколебать его Державу; но не могъ сдержѣть и не могъ простить оскорбленія, нанесеннаго невинности. Преклонность лѣтъ не охлаждаетъ жара сердца добродѣтельнаго. „Не потерплю,“ сказалъ *Владимірѣ*: „не потерплю, чѣобы передъ лицомъ земли Руской посрамлена была честь дочери моего брата и слава моей племянницы. И чѣмъ же спанемъ дорожить, если не будемъ вступаться за славу невинности и добродѣтели?“ Грозно возспалъ и двинулся *Владимірѣ Мономахѣ*. Силенъ защитникъ невинности; робокъ и малодушенъ оскорбитель добродѣтели. Ярославецъ бѣжалъ изъ земли Руской. Прахъ Великаго Мстислава успокоился. Дланъ брата опдалила отъ могилы брашней укоризну и нарѣканіе: слава его въ полномъ оспалась блескъ и снова ожила въ лицѣ брата, защитника и друга добродѣтели.

И въ вѣкахъ прошедшихъ Россіянки чувствовали разнообразныя красоты природы; и тогда радость сердечная все

освѣпляла, а скорбь сердечная все освѣ-
 няла мракомъ. Не всегда тогда болѣе
 живутъ сердцемъ, когда чаще о немъ го-
 ворятъ; и въ горести и въ радости
 сердце само собою изливается. Для пред-
 ковъ нашихъ существовало то же ясное
 солнце, тошъ же свѣплый мѣсяцъ, тѣ
 же источники журчащіе, тѣ же нѣжныя
 пѣсни соловья и тошъ же горестный
 стонъ горлицы. Знали они и разлуку и
 свиданіе: грустили, плакали въ разлукѣ
 и передавали чувствованія свои всему,
 что видѣли, всему, что касалось ихъ
 слуха. Дуновеніе вѣтра, печеніе рѣки
 казались имъ посредниками между ими
 и отсутствовавшими душевными ихъ
 друзьями. Примѣръ тому встрѣчаемъ въ
 Историческомъ и Спихотворческомъ
 повѣствованіи о походѣ и битвахъ Князя
Игоря Святославита. Быстро переле-
 тѣлъ онъ за славою тудѣ, гдѣ еще не
 бывала нога Рускихъ; сильно сразился
 съ Половцами; былъ бы можетъ быть и
 побѣдителемъ, если бы жалость сердеч-
 ная не заставила его поворошить пол-
 ки на помощь милаго его брата *Всево-*
лода. Бились они два дни, а на третій
 при палящемъ зноѣ полуденномъ распла-
 лись на берегахъ быстрой рѣки *Каялы*.
 Игорь попался въ плѣнъ. Донеслась о
 томъ скорбная вѣсть къ супругѣ его
Ярославонѣ. Стонетъ она, какъ горли-

ца печальная, какъ горлица осиротѣвшая
и вопіетъ:

„Скорбной горлицей, печальной
Съ родины я полечу;
Полечу стрѣлой въ край дальней, —
Тамъ оспраду получу,
Прилечу къ брегамъ Дуная;
Горько плача и стоная,
Буду волны я просить:
„Слейтесь, слейтесь съ слезами!
Другъ мой пораженъ врагами;
Дайте раны мнѣ омыть!

„Вбѣри! за чѣмъ такъ сильно вѣешь,
Для чего ты стрѣлы мчишь?
Ахъ! ты храбрыхъ не жалѣешь;
Милыхъ сердцу ты разишь. . . .
Мало ль горъ подъ облаками?
Вѣй, носися надъ морями;
Быстрыя суда лелѣй, . . .
Какъ пустынное растѣнье,
Мчишь мое ты утѣшенье:
Нѣтъ ужъ радости моей!

„Величавый Днѣпръ и славный:
Горы шверды ты пробилъ;
Ты свидѣтель былъ недавный,
Какъ тобой строй Руской плылъ:
Принеси опять супруга,
Дай еще взглянуть на друга!

Съ ранней утренней зарей
 Видишь ты мое здѣсь горе;
 И съ собой уносишь въ море
 Слезы скорби ты моей.

Солнце! ты для всѣхъ сіяешь
 Весело, а я грущу;
 Ты поля шѣ пожигаешь,
 Гдѣ я милаго ищу.
 Ты условилось съ врагами:
 Жажду шлешь передъ полками;
 Скорбь безводна ихъ помитѣ;
 Ты колчаны ихъ сирѣпило,
 Ты ихъ стрѣлы изсушило;
 Ихъ швой гнѣвъ — не врагъ разитѣ.

Но уже Игорь изпоргся изъ плѣна:
 вмѣстѣ съ нимъ возвратились къ нѣж-
 ной супругѣ и жизнь и радость. Снова
 въ очахъ ея разцвѣла природа.

Наступили дни грозные, дни небы-
 валые въ землѣ Руской со времени ея
 существованія; наступило *второе на-*
шествіе Татарѣ подъ предводитель-
 ствомъ *Батгя*.

Быстро припекли къ стѣнамъ Вла-
 димира безчисленные сонмы враговъ. Князь
 Юрій уже отправился съ мужественною
 дружиною на берега Вогли; отправился
 для смерти, а не для защиты. Что сдѣла-
 етъ горсть Рускихъ противъ несмѣп-

наго ополченія? Она падетъ съ оружіемъ въ рукахъ, падетъ со славою: шакъ и сбылось.

Между тѣмъ столицу Княжескую объяла повсемѣстная гибель.

Беззащитная супруга Князя злоплучнаго, съ горестнымъ своимъ семействомъ и въ сопровожденіи пасыря церкви, спѣшитъ въ священный храмъ; спѣшитъ и удаляется въ верхніе терема, гдѣ въ счастливые дни жизни своей молилась за супруга, за дѣтей, за всѣхъ людей Рускихъ. Тапарты вламываются во внутренность храма. Матери и супругѣ предстоитъ смерть, если не покорится, и спасеніе жизни, если сойдетъ къ врагамъ съ семействомъ своимъ. Она видитъ смерть неминуемую, но видитъ и небеса. При буйспивенныхъ кликахъ поклонниковъ Алкорана, изъ глубины душевной возносится въ чертогъ вѣчности голосъ Вѣры, голосъ сперва причастныхъ, а потомъ молитвъ отходныхъ. За Вѣру, за добродѣтель, за славу земли Руской Россіянки вживъ себя погребаютъ. Раздраженные враги зажгли храмъ ограбленный. Изъ пламени пожарнаго, изъ облаковъ густаго дыма, души праведницъ осплѣтели къ свѣплымъ небесамъ, къ престолу Бога любви и милосердія.

На грудахъ тѣлъ великодушныхъ Россіянъ смерть повсюду ликовала; но

въ то же время вездѣ блистала и слава Россіянокъ.

Батый слышитъ о красотѣ *Евпраксіи*, Княгини Рязанской. Онъ спѣшитъ къ стѣнамъ Рязани. *Евпраксія* съ младенцемъ всходитъ на башню; она видитъ шоржесство враговъ и гибель сыновъ Россіи. Прижимаетъ младенца къ сердцу, возводитъ взоры къ Творцу небесному и свергается съ башни.

Вскорѣ палъ подъ мечами враговъ Ростовскій Князь *Василій Константиновичъ*. Блисталъ онъ юностью, блисталъ всѣми прелестными качествами душевными. Сердце его силою любви покорило всѣ сердца жителей области Ростовской: имъ они жили и безъ него жить не хотѣли. Тапары предлагали ему и жизнь и владычество и все очарованіе мірское, чтобы онъ явилъ въ землѣ Руской примѣръ отрѣченія отъ Вѣры предковъ. „Богъ,“ отвѣчалъ онъ: „любилъ и миловалъ меня въ дни счастья моего; Онъ и въ дни скорбные меня не оставляетъ, — Онъ не отдаляетъ отъ Себя моего сердца: Имъ я жилъ, съ Нимъ и умру.“

Уже смертоносное оружіе сверкало надъ его главою, и вдругъ мыслямъ его представилась супруга его *Марія* и сыны ея *Борисъ* и *Глѣбъ*. „Боже!“ воскликнулъ онъ: „храни супругу мою и ея

сыновѣ!“ Последнее напоминаніе о нѣжной супругѣ слилось съ послѣднимъ воздыханіемъ Князя Ростовскаго. Онѣ увѣнчался славною смертію подѣ тѣнію лѣса *Шерейскаго*. Одна жительница Ростовская отыскала бездыханное его тѣло (*). Супруга Князя великодушнаго и весь Ростовъ двинулись навстрѣчу спсрадальца. Онѣ погребенѣ подлѣ матери своей.

И такѣ лучшею считали наградою, чтобы другѣ и благопріятель народа, чтобы супругѣ и отецѣ примѣрный, чтобы сынѣ нѣжный и во мракѣ могилы чувствовалѣ присущіе матери. Честь, воздаваемая праху матерей, есть покровство добродѣтелей общественныхъ.

Не рѣдко и въ участи безвѣстной обладали Россіянки добродѣтелями, способными украшать чреду блестящую. Ксенія, извѣ дочерей церковнаго служителя, учинилась супругою Князя *Ярослава Тверскаго*. Предчувствіе сердечное не обмануло юнаго Князя: простая уроженка области Тверской водворила съ собой въ чертоги Княжескіе и нѣжность супружескую и попечительность материнскую и умѣ, способный содѣлывать счастье народа. Мудрою наставницею была она сына своего *Михаила* и заслужила сіе общіе одобреніе. Князь Ми-

(*) Имя ея *Марія*

хвилѣ удостоился имѣть матъ, которая во всеміѣ предшесствуетъ ему своимъ примѣромъ. За вниманіе къ каждому изъ людей Рускихъ и за благопование къ страдальцамъ наименовали ее *утѣшеніемъ града, и всего Отечества надеждою и покровомъ*.

Незабвенна также по добродѣтелямъ своимъ супруга Нижегородскаго Князя *Андрея Константиновича*. Душевною кропосію улаждала она всѣ заботы и попеченія супруга своего о счастіи народа; по смерти его отпеклась отъ міра подъ именемъ *Теодоры*. Съ супругомъ сошли во гробъ всѣ отрады ея жизни; но онъ жилъ еще по добродѣтелямъ супруги своей. Всѣ прежнія сокровища роздала она бѣднымъ, а сама рѣшилась питаться трудами рукъ своихъ. Сіе величественное самоотрѣченіе отъ всего блеска земнаго есть живое предчувствіе безсмертія и новой жизни въ небесахъ. Къ нимъ Ольга указала первый путь; къ нимъ отъ колыбели Россіянки ведутъ дѣшій своихъ. А предъ жизнію наднебесною что значить все очарованіе земное?—Призракъ, мелькающій среди бурь ненастныхъ.

Во мракъ порабоженія разоралось Отечество, но слава Россіянокъ не угасала. Около половины чепырнадашаго столѣтія и Смоленскъ отъ внутрен-

нихъ неустройствъ перешелъ въ руки Липовцевъ. Послѣдній его Князь *Юрій* удалился сперва въ Новгородъ, попомъ въ управление свое получилъ Торжокъ. Неразлучнымъ его спутникомъ былъ Князь Семенъ Ивановичъ *Вяземскій*. Пылкій Юрій плѣнился его супругою. Тщелны были всѣ его уловленія. Супругъ и супруга погибли для праха земнаго и увѣковѣчились вѣрносью и добродѣтелью. Юрій пережилъ и себя и всѣ опрады души невинной. Въ волненіи совѣсти бѣжалъ онъ въ *Орду*; но развратъ Ордынскій его не успокоилъ. Ошпуда спѣшилъ онъ оживиться роднымъ воздухомъ: онъ прибылъ въ область Смоленскую. То же солнце сіяло тамъ, тѣми же прелестями цвѣла природа: но Юрій не узнавалъ уже ни себя, ни края опечесвеннаго. Гонимый самимъ собою, злополучный Князь пришелъ въ спрану Рязанскую. Благочеспивый пуспынникъ *Петръ* принялъ Юрія, отвергшагося и отъ себя и отъ вселенной. Крошкимъ вѣщаніемъ Вѣры устремилъ онъ сердце его къ Небесамъ. Съ прахомъ вѣрныхъ супруговъ Юрій примирился разкаяніемъ: въ послѣдній часъ жизни, своей къ Богу и къ нимъ переносился онъ душею, испомленною спраданіемъ.

Быспро проходишь, быспро исчезаешь все то, что мы называемъ тор-

жесшвомѣ земнымѣ. Гремѣлъ на полѣ *Задонскомѣ* Князь *Димитрій*: казалось, что вся земля Руская ожила и возспала въ лицѣ его къ низверженію вѣковаго ига. Но Россія снова оспалась въ цѣпяхъ, а Князь побѣдоносный палъ на одрѣ смершній. Умолкли клики радостныя; слышанъ одинъ только стонъ супруги его *Евдокіи*. По словамъ лѣтописца, она проливала *огненныя слезы* и вопіяла „Для чего я тебя пережила? Уже взоръ твой не обращается ни на меня, ни на осиротѣлыхъ дѣшей. Мы зовемъ тебя, зовемъ съ рыданіемъ, а ты молчишь. Сомкнулись уста твои, оледѣло твое сердце. Еще юность не уходила отъ насъ, еще старость не приближалась къ намъ, а ты сокрылся во мракъ, и все въ очахъ моихъ померкло. У Престола Божіяго молись обо мнѣ; молись, чтобы та супруга, кошорая жила шобою, въ слѣдъ за шобою перешла бы и въ могилу. Горестъ вдовства люшійшее бѣдствіе!“

Имя *Анастасіи*, дочери Романовыхъ и первой *Руской Царицы*, напоминаетъ всѣ тѣ прелестныя качества, кошорыя въ сердцѣ супруга поселяющъ новое бытіе. Тринадцать лѣтъ *Іоаннъ* и *Россія* счастливы были Анастасіей; тринадцать лѣтъ супругъ первой Царицы былъ и другомъ добродѣтели и ошцемъ наро-

да. Не спало Анаспасіи, не спало и прежняго Іоанна. Уже шумѣла буря опдаленная! Жителямъ Московскимъ не милы спали и жизнь и свѣтъ. Въ день погребенія Анаспасіи, *нищии*, по свидѣтельству лѣтописцевъ, не принимали *милостыни*.

Какъ сонъ исчезаетъ счастье! дни безмятежные, дни мимоходные, подобно скоропечнымъ днямъ весеннимъ блеснутъ и угасаютъ.

Вступилъ на Престолъ Годуновъ для пагубы своего семейства. Но онъ не видѣлъ сей бѣды; онъ мечталъ только о возвышеніи рода своего. Власнолюбецъ гналъ и истребить хотѣлъ съ лица земли всѣхъ родственниковъ Царицы Анаспасіи. Добродѣтельнаго *Филарета Никитита* принудилъ онъ поспричься; супругу его *Ксенію* сослалъ въ *Занежскіе погосты* и ввергнулъ въ пещицу на голодную смерть. Ксенія всегда жила Богомъ и для Бога: Богъ укрѣпилъ ея душу. Въ лицѣ Священника *Егорьевскаго погоста* (*) небесное Провидѣніе послало ей Ангела утѣшителя. Сей ревностный служитель Вѣры и челоуѣчества снабжалъ Ксенію пищею, и къ доспавленію ей отплады, не щадя жизни, нѣсколько разъ провѣдывалъ о суп-

(*) Имя его: *Ермолай Герасимовъ*.

ругѣ ея въ предѣлахъ *Архангелскихъ* и приносилъ радостную вѣсть, что онъ живъ еще для счастія ея и для счастія Россіи.

Не стало Годунова, и Ксенія переведена была въ Кострому въ обитель *Ипатскую*. Въ кельѣ уединенной въ присутствіи одного небеснаго Творца людей, воспывала она юнаго сына Михаила и учила его не желать величія и жалѣть о гонителяхъ невинности.

Много видѣла Россія горя; видѣла она и прехлѣпнее междоусобице, когда Пресполъ *вдовствовалъ*, а Опечесство наше *сиротѣло*. Изчезли бури; увѣковѣчишь Вѣра, вѣрность и добродѣтель: безъ нихъ все гибнетъ; ими все подкрѣпляется.

Не только по описаніямъ нашихъ Стихотворцевъ, но и сама истина подтверждаетъ, что Россіянки явили тогда зрѣлище непримѣрное. Для существованія Россіи отрекались онѣ отъ имуществъ, отъ всѣхъ наслажденій жизни и оставались при одномъ украшеніи, все переживающемъ—при великодушныхъ пожертвованіяхъ. Общественному казначеисеству *Минину* отдали онѣ всѣ драгоценности; въ дань Опечеству вели сыновъ своихъ. . .

„Какъ часть самихъ себя отъ персей отрывали,
„И шрепешной рукой на брань благословляли.“

Дивны и непоспѣжимы судьбы Провидѣнія! Мимо всѣхъ людей совершаетъ Оно опредѣленія свои. Очистилась Москва отъ враговъ, а *ласкатели жи* не преспавали разсѣивать недоумѣніе и въ войскѣ и въ народѣ. Но щещно! Богъ опрѣделилъ увѣнчать смиреніе и дланью Своей вывести юнаго *Михаила* изъ кельи безмятежной и посадить на Престолъ Державы Руской. Учредились постъ и молитва. Въ скорби сердечной Россія воззвала къ Творцу небесному, и силою Его всѣ души слились въ одну душу и всѣ умы въ одинъ умъ. Троицкій Келарь *Авраамъ Палицынъ* торжественно свидѣтельствуемъ, что въ избирабельныхъ грамотахъ общее рукоприкладство утвердило имя *Михаила*, сына *Филарета* Никишича. Быстро напечатлѣлось имя сіе въ сердцахъ и возгласилось устами. Уже спекающа на мѣсто Лобное Рязанскій Архіепископъ *Теодоритъ*, Троицкой обители Келарь *Палицынъ*, Новоспасскаго монастыря Архимандритъ *Іосифъ* и Бояринъ *Василій Петровичъ Морозовъ*. Громогласно вопрошаютъ они: *Кого избрать Царемъ?* Мгновенно гремитъ кликъ едиnodушный: *Михаилъ Теодоровичъ да будетъ Царь и Государь Московскому Государству и вся Рускія Державы.*

Сногны Престольнаго града оглашались сими торжественными воскищаніями; а юный Михайлъ вмѣстѣ съ Матерью своею въ уединенной кельѣ горкія проливалъ слезы о незабвенномъ родителѣ, спрдавшемъ тогда въ започеніи въ области Польской.

Опецъ въ темницѣ, мать въ кельѣ, сынъ провозглашенъ Царемъ!.. И такъ повторимъ еще свидѣтельство *Авраамія Палицына*, что не людьми, но Богомъ избранъ былъ Михайлъ.

Духовные и мірскіе Послы изъ града Престольнаго отправляются въ *Кострому* умолять мать Михаила, чтобы она отдала сына на царство. Они останавливаются въ селѣ Новоселкахъ, куда спѣшатъ *Градодержатели* и многочисленные сонмы народа.

Назавтра Архіепископъ *Теодоритъ* со всѣмъ соборомъ облекся въ ризы; Бояринъ *Теодоръ Ивановичъ Шереметевъ* и всѣ его сопутники нарядились въ свѣтлыя Боярскія одежды. Куда направятъ они путь? Въ великолѣпные ли черпоги Царя сильнаго? Нѣтъ! къ безмолвной кельѣ обители *Ипатской*, къ юношѣ беззащитному, хранимому только матерью и Богомъ! Туда идущъ они и съ честными крестами и съ чудотворнымъ образомъ Пресвятыя Богородицы и съ другими священными иконами.

Уже Послы у устья рѣки *Костромы*. Тушѣ присоединяется къ нимъ все Костромское духовенство въ торжественномъ облаченіи, съ крестами и иконами и въ сопровожденіи народа, и женъ и дѣтей, продолжаяшѣ путь съ Послами Московскими.

Двинулась Россія со всею святынею своею къ умоленію матери юнаго Михаила; и ни матери, ни сыну, ни спрадальцу отцу, никому изъ нихъ и въ мысль не приходили ни Царство, ни власть, ни утѣшенія превратнаго міра.

Смиренно и съ одною Вѣрою Михаилъ и мать его выходятъ на встрѣчу святыни Господней. Съ благоговѣніемъ принимаютъ они благословеніе и присоединяются къ народу богобоязненному. Въ священныхъ стѣнахъ храма, въ присудствіи Творца вселенной, Послы читаютъ избирашельныя грамоты, наименовавшія Царемъ юнаго Михаила. Ужаснулась родительница его: она и слышатъ о томъ не хотѣла. „Не отдамъ на Престолъ сына моего,“ вѣщала она: „мы забыли и величіе и счастье земное; мы привыкли къ бѣдствіямъ жизни проходящей. Не оставимъ мирной нашей кельи; не желаемъ вѣнца и Престола: наша отрада плакать и рыдать. Нѣтъ съ нами супруга и отца.“

Много еще, по свидѣтельству очевидцевъ, возражала нѣжная мапъ и много проливала слезъ о помѣ, чпо сынъ обреченъ царствовать. Испощивъ всѣ словесныя усилія, Архіепископъ *Ееодоритъ* взялъ чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, а Троицкій Келарь Авраамій Палицынъ подпалъ чудотворныя иконы Пешра, Алексія и Іоны. Съ сими небесными знаменіями, представъ передъ мапью юнаго Михаила, боговдохновеннымъ голосомъ воскликнули: „Зрише, Благовѣрная и Великая Государыня Марфа Ивановна и Благовѣрный и благородный Государь Михаилъ *Ееодоровичъ*! зрише, для чего шествовали съ нами въ дальній путь Пречестная и Чудотворная сія икона и Великіе Свящители. Вамъ не лзя ослушаться сихъ ликовъ небесныхъ; шворите повеленное вамъ ошъ Бога: вы истинно Богомъ избраны; не раздражите Владыку всего сущаго.“

Слезно возрыдала провозглашенная Царица передъ образомъ Богоматери; взяла за руку сына и вѣщала передъ всѣмъ собраніемъ: *Се Тебѣ отъ Бога, Мати Пресвятая Богородица, и въ твои претистыя рцѣ, Владычице, гадо мое предаю, и яко же хоцши, цстрой ему полезная и всему православному Христіанству.*

Повинуясь одному Богу, великодушная мать отдала сына своего на подвигъ трудный—на Царство.

И сей юный воспитанникъ матери, по изрѣченію *Ломоносова*: выпрошенный слезами и рыданіемъ народа, принявъ вмѣстѣ съ вѣнцемъ тяжкое бремя поверженной Россіи, обновилъ и устроилъ Отечество.

Какое шоржество для Матери-наставницы!

Вступилъ Михаилъ на Престолъ Рускаго Царства и вскорѣ узналъ неизбежную превращенность того, что мы называемъ *земнымъ счастіемъ*. 1625 Года сочепался онъ бракомъ съ Марьей Владиміровной Долгорукою. Какъ заря упренная, блеснула она на Престолъ и сокрылась въ нѣдры могилы. Ни юность, ни красота, ни добродѣтели, ничто не защишило ее отъ ранней смерти. Но гробъ ея орошенъ былъ сердечными слезами: любовь къ ея добродѣтелямъ не хотѣла вѣрять, чтобы она оставила свѣтъ по произволу Провидѣнія.

Приступя ко второму браку, Михаилъ по влеченію сердца своего избралъ *Евдокію*, дочь бѣднаго Можайскаго, или, по сказанію другихъ, Мосальскаго Дворянина. Евдокія по крайнему неимуществу воспитывалась у богатой родствен-

ниці, льсшившейся доспичь того, о чемъ скромная пишомица и помышлять не смѣла. Всѣ дѣвицы, а вмѣстѣ съ ними и высокобѣрная родственица устремилась къ цѣлованію руки нареченной Царицы, которая и сама ихъ цѣловала. Смущенная родственица поверглась на колѣни и воскликнула: „Государыня! не попомни о моей къ тебѣ *неласкѣ*; прости меня ради Бога!“ Евдокія, проливая слезы, низменно поклонилась родственицѣ и ошвѣчала: „И меня прости, если я чѣмъ-нибудь тебя прогнѣвала: а тебя пусть Богъ прости!“

Отецъ Евдокіи, Лукіянъ Степановичъ *Стрѣшевъ*, услыша подѣ кровомъ соломеннымъ вѣсть о избраніи въ Царицы дочери его, преклонилъ колѣна передъ образами Божиими и съ душевнымъ умиленіемъ произнесъ сіи слова: *Боже! Ты сотворяешь все по волѣ Своей!*

Никогда, никогда въ Ошечествѣ нашемъ не узаконяли ненависти къ уроженцамъ странъ чужихъ; Вѣра поручала ихъ всегда и Князьямъ и Боярамъ и всѣмъ людямъ Рускимъ, какъ братьямъ и гостей. И не всѣ ли мы *гости* на прахѣ земномъ; не всѣ ли мы странники скоротечные на родинѣ и на чужбинѣ? Да и за что намъ не любить, за что ненавидѣть другъ друга? Жизнь есть *мгновен-*

ный даръ *Небесъ* (*): едва ли и для любви доспанетъ времени!...

Въ неоправданныхъ бѣдствіяхъ войны Россіянки не только обращали вниманіе на своихъ раненыхъ, но и на иноземцевъ раненыхъ и плѣнныхъ. Первая супруга Царя Алексѣя Михайловича, Царица *Марія Ильинична*, изъ рода *Милославскихъ*, препоручила *Феодору Ртищеву*, бывшему наставникомъ Царевича Алексѣя, дары для вспомошествованія спржаждущему человѣчеству отъ грома и силы оружія. „Для лѣченія больныхъ иноземцевъ, для вспомошествованія имъ одеждою и пищею,“ говоритъ лѣтопись: „*Ртищевъ* творилъ подаваніе отъ казны Царской, имѣя на то серебро, врученное ему отъ благочестивыя Царицы и Великія Княгини *Марьи Ильиничны*.“

При имени Царицы *Наталии Кириловны* воспоминаемъ имя *Матери Рускаго народа*, имя, данное ей общою любовью сердечною.

Бѣденъ былъ состояніемъ отецъ ея *Кирилъ Полуехтовичъ Нарышкинъ*, но богаче былъ вельможъ сановитыхъ несравненнымъ даромъ небеснымъ: дружбою Боярине *Артамона Сергѣевича Маш-*

(*) *Державинъ*.

вѣва, близкаго къ Царю Алексѣю Михайловичу и по зазлугамъ и по сердцу. Съ Бояриномъ Матвѣевымъ дружба перешла въ черпоги Царскіе.

Дружба въ лицѣ Царя Рускаго *запросто* посѣщала домъ Матвѣева. Тамъ увидѣлъ онъ *Наталію*, воспитанницу благодѣтельного Боярина, увидѣлъ ее въ невинности жизни семейственной и отдалъ ей свое сердце: а Наталія, хранящая Небесами, дала Россіи Петра, Перваго и именемъ и дѣлами.

Съ нѣжнымъ супругомъ сокрылись въ гробъ всѣ прежнія радости Наталіи; но Богъ, покровитель вдовъ и сиротъ, послалъ ей новое бытіе въ благошвореніи и въ попеченіяхъ о сынѣ.

„Царица наша,“ говорили жипели преспольнаго града: „не для себя живемъ, но для бѣдныхъ, для спрадальцевъ. Болѣе насъ шрудился она: темная ночь заспаетъ ее за работою; шьетъ она собственными руками одежды и разноситъ ихъ по темницамъ. Сама, какъ Ангелъ Божій, посѣщаетъ и заключенныхъ и больныхъ спрадальцевъ: она родная мать всѣхъ бѣдныхъ; она *мать Рускаго народа*.

Такъ говорили свидѣтели добродѣтелей Наталіи; тоже самое и потомство повторяетъ. Не за одно, за

всѣ столѣтія переносится голосъ любви и благодарности.

Отъ начала бытія сего міра добродѣтель въ борьбѣ со злобою человѣческою. Неукротимая зависть грозно возспала и на Царицу Напалію. Гибли въ очахъ ея родные братья: смерть въ присудствіи ея приступала къ отроку Петру. На истребленіи ея дома гордая и високомѣрная *Софія* домогалась утвердити владычество свое.

Дивное явилъ Богъ зрѣлище и небываемое во вселенной! Не сонмы тѣлохранищелей послалъ Онъ къ оборонѣ Напаліи: Онъ послалъ къ защитѣ матери десятилѣтняго ея сына. И сей отрокъ, оберегаемый Провидѣніемъ для изумленія всѣхъ странъ земныхъ, однимъ взоромъ, однимъ реченіемъ успѣ своихъ разсѣявалъ неисповѣдныя толпы убійцъ, и какъ посланникъ небесный, осѣнялъ мать свою щитомъ непобѣдимымъ. Силою любви материнской, внушенной Богомъ, крѣпилась Напалія подъ шумомъ свирѣпыхъ бурь; силою любви небесной вдохновенной Небесами, укрѣплялся Пётръ прошивъ злоумышленій, угрожавшихъ нѣжной матери. Съ сообразностью сихъ событій оспалось у насъ безпримѣрное свидѣтельство и единственное въ лѣтописяхъ материнской и сыновней любви. „Въ попеченіяхъ о сынѣ,“ говоритъ зна-

менишый *Феофанъ* : „Напалія забывала Царя, а помнила только сына; въ покорности и заботахъ о матери Пётръ забывалъ санъ Царскій и помнилъ только, что онъ сынъ Напаліи.“

Не въ блистательной родилась участи Напалія, мать Петра Перваго; не въ блистательной участи узрѣла свѣтъ и Екашерина Первая, супруга Петра Великаго. Въ жизни сего Государя все было необычайно. Мать охраняла отрочество его; супруга услаждала всѣ волненія душевныя его скорби. Сердце Екашерины понимало сердце Петра; душа ея умѣла уравниваться съ его душою. Съ нимъ была она въ походахъ дальнихъ, съ нимъ дѣлила опасности грозныхъ битвъ; для него гошова была жертвовашъ и спокойствіемъ и жизнью. „Никакое вѣщанство,“ говорилъ *Феофанъ*, „не могло столь сильно одушевлять воиновъ, сколь оживлялъ ихъ примѣръ Екашерины. Ей сладостны были труды для Петра и для Россіи.“ Умъ ея, воспламененный любовью къ супругу и усердіемъ къ славію Россіи, подалъ Герою Полтавскому мудрый совѣтъ, извлекшій его изъ обстоятельствъ, которые самъ Пётръ сравнивалъ съ обстоятельствами, постигшими *Карла Двенадцатаго* подъ Полтавою.

Не спало Петра; но душа его неразлучна была съ душою Екашерины. Во

дни *стенанія* и *воздыханія* своего она все то исполняла, что началъ Пётръ, и все то старалась совершить, что преждевременная кончина не допустила его привести къ окончанію. Словомъ, продолжалъ Теофанъ, *не познало Россійское оружіе женской руки, и не ощутило море Петровой смерти.*

Но безъ благоспи душевной и слава мужества и величіе духа удивляющъ умъ, а не привлекающъ сердецъ. Екатерина и при Пётрѣ и послѣ него всегда проспирала руку помощи и вдовамъ и сиротамъ и всѣмъ, кому нужна была благодушельная ея подпора.

Вънцемъ душевныхъ качествъ Екатерины Первой было то, что среди многочисленнаго Царскаго семейства, она, и какъ *невѣстка* и какъ *тетка* и какъ *бабка*, соединяла всѣ сердца съ своимъ сердцемъ и по праву дѣяній своихъ заслужила наименованіе *общей матери Царскаго семейства.*

Царствованіе Петра Втораго и начало царствованія Анны Іоановны было зрѣлищемъ быстрой превращенности жребія человѣческаго. Меншиковъ, соудникъ, другъ и шоварищъ Петра Великаго, палъ съ вышины исполинскаго величія, палъ какъ будто бы для того, чтобы къ славѣ гремѣщихъ побѣдъ прибавить славу непоколебимой покорности къ судь-

бамъ Провидѣнія. Въ первыя мгновенія его паденія, Нашалія, супруга его, изъ рода Арсеньевыхъ, поспѣшила въ чертоги; но соперники Менщикова, заградившіе отъ него сердце юнаго Императора, заградили и супругъ его входъ во дворецъ. Не оставила она супруга, всѣми оставленнаго. Не устращилась, когда одежды царедворческія должна была обмѣнятъ на одежды крестьянскія; съ состраданіемъ сердечнымъ смопрѣла на юную дочь, недавно обреченную Императору и потомъ перешедшую на простую повозку. Но Вѣра и чувствованіе любви супружеской все побѣждали. Она желала только бытъ съ супругомъ и дѣлила съ нимъ все, чѣмъ угодно было испытывать ихъ непоспѣжимоу Провидѣнію небесному. Съ мужествомъ услышала она приговоръ о вѣчной ссылкѣ въ Сибирь на отдаленныя *острова Березовы*. Ссылка и пустыня не ужасали ее: взоры душевные вездѣ могутъ обращаться къ Богу; сердце вездѣ можетъ спремиться къ Творцу любви и милосердія. Вѣра и надежда и мракъ шемницы превращаютъ въ обитель небесную; безъ Вѣры и надежды, и присіяніи всего украшенія небеснаго, все въ мракъ все во мглѣ; Вѣра освѣтляетъ вселеную.

Но силамъ человѣческимъ положенъ предѣлъ. Нашалія Менщикова скончалась въ прехъ спяхъ верспахъ отъ Мо-

сквы. Въ послѣднія мгновенія жизни, прощаясь съ супругомъ, она вѣщала ему: *забудь гоненія враговъ!* Прощаясь съ нареченную невѣстою юнаго Петра Впорого, она сказала ей: „Богъ не опредѣлилъ тебѣ бытъ Императрицей; но ты можешь утѣшать опца: живи для него и молись обо мнѣ Богу.“

Новыя превращенія постигли соперниковъ Менщикова, едва только взглянувшихъ на возвышеніе свое. Не спало Петра Впорого, угасла радостная надежда Россіянъ, а вмѣстѣ съ нею угасло и счастье Долгорукихъ. Юному любимцу его Князю Ивану Михайловичу *Долгорукову* обручена была Напалія Борисовна, дочь знаменитаго Бориса Петровича *Шереметева*; не наименоую гонителя ея. Напалія въ Запискахъ своихъ говоритъ: „Я воспоминаю горе свое, а никого не хочу обличать.“ Императрица Анна Іоановна предлагала ей и другаго жениха и милость; но новымъ любимцамъ счастья предпочла она изгнанника, а блеску Двора и всѣмъ очарованіямъ свѣта предпочла ссылку и бѣдность. „Во имя Бога и Бѣры,“ сказала она, „обрекла я одному руку и сердце; никогда не опдамъ ихъ другому.“ Для друга и съ милымъ другомъ рада она была жить и въ Сибири и на краю свѣта и вездѣ, гдѣ только могла его видѣть, могла слы-

шасть его голосъ и вмѣстѣ съ нимъ пла-
касть. Люди и вселенная исчезли для нее.
„Самъ Богъ,“ говоритъ она въ Запи-
скахъ своихъ: „выдавалъ меня за мужъ,
а больше никто.“

Нѣжная супруга не мечтала о сча-
стїи: лучемъ быспрошечнымъ промель-
кало оно въ глазахъ ея. „Завидують зна-
тымъ,“ пишетъ она въ гореспныхъ сво-
ихъ воспоминанїяхъ, „а не знаютъ ихъ
участи злополучной. Двадцать только
видѣла я радостныхъ или благополуч-
ныхъ дней.“ Ей сладостно было спра-
дать съ супругомъ и дѣлить съ нимъ
спраданїя; ей сладостно было знать и
чувствовать, что спрадаетъ для него;
ей сладостно было вспоминать, что все
въ жертву принесла другу своему, даже
—и надежду на счастье. На островахъ
Березовыхъ разлучена была сія чепа,
единственная въ лѣтописяхъ нѣжности
и любви. Съ двумя младенцами оспалась
безпримѣрно злополучная супруга и
мать; и она даже не знала, что другъ ея
съ лобнаго мѣста перешелъ за предѣлы
жизни—туда, гдѣ ожидаетъ награда чис-
тую и свящую любовь супружескую. Из-
вѣстилась она о томъ, когда минова-
лась ея ссылка, при вступленїи на Прес-
полъ Императрицы Елисаветы. Въ чер-
тахъ лица ея цвѣли еще прелести при-
родныя, украшенныя величїемъ добродѣ-

пели. Снова предлагали ей все то, что обольщаетъ и увлекаетъ въ свѣтъ блестящемъ; но Напалія не жила уже на землѣ, не жила для свѣта: къ супругу переселилась она за предѣлы міра; съ нимъ неразлучна была мыслію, сердцемъ и всѣмъ бытіемъ души своей. Для него единственно занималась воспіваніемъ двухъ сыновъ своихъ; и оконча подвиговъ матери, для нераздѣльнаго воспомина- нія о единственномъ другѣ, оставила ихъ въ буряхъ того свѣта, гдѣ очамъ ея одинъ разъ въ жизни представлялся призракъ *двадцати-дневнаго* счастія! Для супруга—опреклась Напалія опъ все- ленной; для Бога—опреклась даже и опъ воспоминаній о другѣ.

Уже она переселилась на вершины горъ Кіевскихъ, уже обрекла себя Богу; память о другѣ и опреченіе опъ него, раздѣлялись печеніемъ одной ночи. Богу самому сознавалась нѣкогда Напалія, что *Онъ далъ ей знатъ такого теловѣка, которій стоилъ, чтобы за любовь его жизни заплатила.* И завтра должна забыть того, кто былъ для нее милѣ собственной жизни—завтра!... Быстро сняла она съ руки перстень обручальный, взглянула на небо, повергла въ Днѣпръ сей задушевный залогъ и воскликнула: „Волны быстрого Днѣпра! унесите съ собою въ море залогъ вѣрности и любви

къ другу и супругу моему ! Въ послѣд-
ній разъ произношу его имя.“

Грозныя шумѣли бури при Аннѣ, но не опѣ нее: Дщерь *Іоанна*, который по словесному завѣщанію опца своего уступилъ спаршинство брату своему Петру, обладала добрымъ сердцемъ. Скорбь о невинномъ спрадалѣцѣ испомила ее смертельнымъ уныніемъ : въ сердцѣ безчувственномъ не можетъ обитать такая скорбь.

Первые дни царствованія Елисаветы убѣдили снова въ мечтѣ и недально-видности честолюбія. „Судьба,“ говоритъ Князь *Шаховской* въ Запискахъ своихъ : „какъ будто бы нарочно избрала меня, чѣобы я еще разительнѣе видѣлъ, какъ падають люди, одаренные превосходными способностями и занимавшіе блистательныя степени Государственныя.

Пали Графы *Головкинъ* и *Остерманъ*; палъ *Минихъ*—сей Герой, съ которымъ Рускіе взлещали на укрѣпленія *Перекопскія*, котораго въ битвѣ *Ставугинской* Рускіе войны назвали *Соколомъ*, который первый научилъ битъ Опшоманцевъ *кареями*. На полѣ битвѣ онъ самъ дѣйствовалъ; въ полишкѣ имъ управляли. Онъ не устоялъ. По препорученію новой Императрицы, Князь *Шаховской* спросилъ у супруговъ вельможъ,

назначенныхъ въ ссылку: желаютъ ли онѣ ихъ сопровождать? Онѣ отвѣчали: *охотно слѣдцелъ за нашими мужьями.*

Графиня Головкина, блиставшая и красотою и умомъ, сопровождала супруга, страдавшего тогда и тѣломъ и душою. Всѣ прежнія веселія промѣняла она на скорбь съ супругомъ.

Сильно поражена была Графиня Минихъ въ душѣ своей, но лице ея было спокойно. Она была въ дорожномъ платьѣ и держала въ рукъ чайникъ съ приборомъ. Словомъ, прибавляетъ Князь Шаховской: *она какъ будто бы въ желаемый путь собиралась.* Первое желаніе нѣжной супруги—дѣлать съ супругомъ и дни радостные и дни ненастные.

Минихъ и въ мракѣ шемничномъ подкрѣпилъ славу свою. Съ набожнымъ умиленіемъ, поднявъ руки и возведя взоры къ небу, онъ громко воскликнулъ: „Боже! благослови Ея Величество и государство Ея!“

Сбылось желаніе Героя.

Вступила Елисавета на престолъ Великаго опца своего Петра Перваго и возвѣстила: „Не хочу побѣдъ, покупаемыхъ кровію человѣческой: не промѣняюсь счастіемъ Россіяны на всѣ страны вселенной.“

Миролюбіе Императрицы Елисаветы подтверждается письмомъ Французс-

каго Короля Людовика XV. Елисавета предложила себя посредницею между воевавшими Державами; Людовикъ между прочимъ писалъ къ ней:

„Съ восторгомъ вижу, что Монархиня, къ которой привыкъ я писать особенное уваженіе, желаетъ быть благошворительницею народовъ. Цари могутъ домогаться той только славы, чтобы содѣлывать счастливыми своихъ подданныхъ: и Вы, Государыня! Вы доставите счастье и Царямъ и ихъ народамъ; а подданные Вашего Величества, видя, что Вы дѣлаете для счастья другихъ народовъ, почувствуютъ къ Вамъ, если только то возможно, еще болѣе благоговѣнія. Ваше царствованіе еще болѣе превознесется, когда общія хвалы Европейскихъ Державъ усугубятъ благословенія, воздаваемые Вамъ въ Вашей Державѣ.“

И такъ Елисавета, съ полною увѣренностію въ правоту своей, могла вѣщать къ Богу сіи слова:

„Меня ошарленну судьбою

Ты крѣпкою возвелъ рукою

И на Престолъ посадилъ.

Шеснаццать лѣтъ нося Порфиру,

Европу я склоняла къ миру.“

Подъ Державою крошкой Елисаветы цвѣла природа, цвѣла словесность и ушвердились науки.

Въ устахъ ея было всегда *прощеніе*,
а въ сердцѣ *Богъ*.

Путешествіе Ея по счастливымъ
областямъ Россіи Ломоносовъ изобра-
жаетъ въ сихъ стихахъ:

Въ пуши, копорымъ пролетаешь
Какъ быстрый въ высотѣ орелъ,
Куда свой взлядъ ни обращаешь,
По множеству градовъ и селъ,
Отъ всѣхъ къ тебѣ простершы взоры,
Тобой всѣхъ полны разговоры.
Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ трудъ.
Дитя родившихъ вопрошаетъ:
Не та ли здѣсь на насъ взираетъ,
Кого всѣ матерью зовутъ? 6

Тотъ же Пѣснопѣвецъ, по случаю
путешествія Елисаветы, сказалъ:

„Ощущствуя—ты будешь съ нами!“

Не стало Елисаветы; но напоми-
наніе о той Царицѣ, копорой *душа бы-
ла зефира тише*—напоминаніе о ней
живетъ въ сердцахъ.

Не умирающъ слава, добродѣтель
и любовь къ народу. Не стало и Ека-
перины Второй; но она, перешедъ и за
предѣлы гроба, присутствовала въ Опе-
чествѣ. Сынъ ея Павелъ Первый, къ без-
смертнымъ ея подвигамъ прибавилъ под-
вигъ великодушнаго желанія избавле-
нія Царствъ Европейскихъ: слава ея въ
новомъ еще блескѣ возсіяла въ дѣяніяхъ

Внука ея АЛЕКСАНДРА Перваго. Всѣ благодѣтельныя ея намѣренія, все рвеніе ея къ облегченію жребія страждущаго человѣчества вполне ознаменовались въ лицѣ двухъ Ангеловъ благошворенія: въ лицѣ Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ и МАРИИ; и сіе поприще милосердія часъ отъ часу распространяется.

Имя Екашеріны Второй гремѣло повсемѣстно. Встрѣчало оно любовь, встрѣчало и непріязнь: въ удѣлъ земнороднымъ не досталась безпристрастная справедливость.

Я пишу не Исторію Политическую, но предлагаю одно начертаніе славы, основанной на любви и милосердіи;—одно изображеніе добродѣтелей, которыя пераживаютъ всѣ измѣненія политическія и переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ къ оправданію и ушѣшенію человечества.

Благость и любовь къ народу были душевною жизнію Екашеріны Второй. Современный ей Писнописецъ, очевидецъ ея благости, сказалъ:

„Ты прежде Трона, Тронъ любовью создала.“

Никого Екашеріна не желала устрашать. „Европа,“ писала она къ *Циммерману*: „напрасно меня спрашиваешь.“

Вскорѣ узнали, что Европа должна была самой себя спрашиваться.

Мудрость Екашеріны извѣстна была только пѣснмъ, которыя, по изреченію

Державина: *цмбли* *взвдшивать* *силу* *Росса* и *духъ* *Екатерины*. Любовь ея всѣмъ была видна.

Необычайныя событія оправдали дальновидность Екатерины.

Краснорѣчивый Историкъ Рюлсеръ получалъ жалованье, чтобы писать про-тивъ Екатерины; но и онъ признавался, что Фридрихъ Второй уважалъ правле-ніе Россійской Государыни. „Фридрихъ,“ говоритъ онъ: „сморѣвшій равнодушно на полишку, волновавшую Дворы Европейскіе, неусыпно спарался поспига-ть намѣренія Екатерины и вмѣнялъ себѣ въ достоинство угождать ей (*).“

Екатеринѣ предлагали наименованія *Великой*, *Мудрой* и *Матери Отечества*. *Мудрость* предоставила она Богу, *величіе* дѣлѣ опдала на судъ по-помспва; по чувствію сердечному приняла названіе *матери*.

Она желала бытъ любимой, и современники именовали ее: *одушевлен-нымъ милосердіемъ*.

Съ именемъ Небесъ и съ именемъ Екатерины, Рускіе воины бросали мол-ніи въ Спамбулъ и буйный Крымъ.

Въ войну на Балтійскомъ морѣ, именемъ ея спасался непріатель изъ волнъ пучины.

(*) Часъ 2, стр. 164 и 166.

„Изъ волиъ зовущъ къ Екатеринѣ,
Спасаясь именемъ ея.“

Подобно солнцу, сіяющему на лазурномъ сводѣ неба, разливала она радость возрѣніемъ крошкихъ очей своихъ.

„Ея возрѣнье—смертнымъ радость,
Улыбка—жизнь! . . .“

Она бессмертна любовью къ Россіи. Она бессмертна вѣщаніями благоспи и любви,—вѣщаніями, не произнесенными до нея устами ни одного изъ Владыкъ земныхъ. Она просила Бога не пережить счастья своего народа.

Вскорѣ послѣ Государя Павла Перваго, угасла на зарѣ прелестной жизни дочь его Александра Павловна. Слава Россіянъ, гремѣвшая на долинахъ Италіи и на вершинахъ горъ Альпійскихъ, современна ея бракосочетанію и опрѣзду изъ Опечества Ею скрѣплялся союзъ Россіи съ обласіями Германскими. Но что можетъ оградить отъ смерти неумолимой? Ни слава, ни очаровательныя надежды человѣческія, ни превосходныя качества души и ума. Всѣмъ надѣлена была дочь Павла и Маріи, всѣмъ—кромѣ обороны отъ смерти. Но нѣдра холодной могилы не скрыли души Ангела Вѣщественнаго. Она жива напоминаніями любви и привержености сердечной. Въ мгновенное пребываніе свое въ предѣлахъ Венгріи, Александра Павловна умѣла по-

корить всѣ души, всѣ сердца. Когда снова возгорѣлась война съ Франціею, помогавшейся воздвигнуть владычество древняго Рима, тогда слышали воины Рускіе изъ устъ жителей Венгріи сіи слова незабвенныя: „Мы лишились доброй своей Государыни! Мы никогда ее не забудемъ; она была матерью народа. Никто при ней не почиталъ себя несчастнымъ. Вдовицамъ и сиротамъ была она впорымъ Провидѣніемъ, для чего мы ее видѣли; для чего мы ее узнали; для чего она насъ такъ скоро оставила? Небеса опозвали ее отъ насъ!“

Между тѣмъ на двухъ отдаленныхъ краяхъ Европы представлялось зрѣлище, необычайное во вселенной. Уже счастливый воинъ, Наполеонъ, вступилъ на степенъ Перваго Консула, и вскорѣ потомъ на чреду Консула пожизненнаго. Великолѣпіе новаго Двора заимило прежній Дворъ Франціи. Родные его, изъ праха возникшіе, ничтожество свое облекли пышностью непомѣрною. Роскошь и великолѣпіе поселились въ чертогахъ, захваченныхъ властолюбіемъ.

Въ самое то время, на берегахъ Невы въ древнихъ Царскихъ чертогахъ, обитали скромность, умѣренность и всѣ добродѣтели, украшающія общества и Державы. 1802 г. уже Бонапарть посягалъ на обладаніе вселенной, а Само-

держецъ Россіи въ томъ самомъ году въ мѣсяцъ Маѣ предписывалъ: *отыскивать несчастныхъ въ собственныхъ ихъ жилищахъ.*

Уже въ стѣнахъ Двора Тюльерійскаго, безсмѣнный Консулъ, пресытившійся новымъ владычествомъ, домогался и Вѣнца и Престола и Порфиры.

Скромность Ангельская и неусыпное благошвореніе продолжали служить первымъ украшеніемъ чертоговъ града Пешрова. Мы и тогда видѣли, и теперь, говоря словами Поэта, видимъ Августѣйшую Матерь вдовъ и сиротъ:

... Въ красѣ благошворенья,
Съдѣющую безъ Царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, пишомницъ Провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ тобою;
Тебя хощахъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшашъ;
Царицы нѣтъ—онѣ ласкаютъ мать!

Само Провидѣніе предложило очамъ народовъ сіи два зрѣлища прошивоположныя. Великолѣпному власполюбію пригошвляло оно паденіе, а скромнымъ добродѣтелямъ и Ангельскому благошворенію назначало славу и шоржесство.

Въ странѣ заграничной, въ странѣ Мекленбургской не спало и другой дочери Павла и Маріи, не спало Елены Павловны. Въ бытность Рускихъ воиновъ

въ сей области, жили Мекленбургскіе, указывая на гробъ, говорили и повторяютъ: *Здѣсь Ангелъ погребенъ; онъ вѣчно будетъ жить въ душахъ нашихъ!*

Наступилъ великій годъ испытанія; наступилъ тысяча восемь сотъ двѣнадцатый годъ. Двинулъ ненасытный власполюбецъ двадцать Царствъ въ одно Царство Руское. Мелькалъ въ очахъ его лучъ обманчивой надежды въ дни лѣтніе; все угасло при шумѣ зимнихъ бурь. Бѣжалъ Губитель чловѣчества!

За предѣлами Отечества развѣялись Рускія знамена подъ предводительствомъ Самодержца Россіи Выступилъ Онъ не для покоренія, но чтобы спасти Царства, потрясенныя и отдавать Царства похищенные.

Но въ нѣдрахъ побѣдоносной Россіи являлись гибельныя слѣды разоренія. Дымились въ пожарномъ пеплѣ и мирныя селенія и города и градъ Престольный. Вмѣстѣ съ кликами торжественными сливались воздыханія и стоны страдальцевъ, всего лишенныхъ и съ родныхъ пепелищъ гонимыхъ всѣми нуждами жизни безпріютной.

Спала на неусыпную стражу благошворенія Императрица ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА, Супруга Защитника Россіи и Героя, устремившагося къ избавленію Державъ Европейскихъ. Соста-

вилось *женское Патриотическое общество*. Воины Рускіе пожинали новые лавры; Россіянки осушали слезы скорби и спраданія.

Съ высоты Небеснаго Престола взиралъ Творецъ любви и милосердія на подвигъ Царя Россіи и на подвигъ Царицы. Тамъ изрекалось спасеніе народамъ; здѣсь возвѣщалось новое бытіе тысячамъ спрадальцевъ. Какая сугубая жертва Небесамъ! Та самая длань, кошорая всегда и невидимо подкрѣпляла и вдовъ и сиротъ и проспиралась повсюду, откуду доносилась вѣсть о скорби — та самая длань продолжала подвигъ свой и предъ лицомъ Бога и въ очахъ человѣческихъ.

Благословило Провидѣніе славу военную и славу благошворенія. Уже возставала Германія въ сіяніи первобышняго своего существованія. Благодѣтельница и утѣшительница спрадальцевъ, съ береговъ Невы, поспѣшила къ супругу въ предѣлы заграничный; поспѣшила, говоря старинною Рускою рѣчью: *собственной рукою стертъ съ тела побѣдоноснаго славный потъ трудовъ великихъ*.

Какія воспоминанія! и онѣ будутъ сіять до полъ неизмѣнно, доколѣ солнце не угаснетъ во вселенной. Съ сими воспоминаніями сочешались и вѣра и слава Опечесивенная и спасеніе человѣчества и подвиги любви и милосердія.

Такая только слава мила современникамъ и любезна потомству.

Съ восторгомъ воспоминающъ Рускіе воины о вниманіи къ нимъ Государыни, Великой Княгини МАРИИ ПАВЛОВНЫ. Въ области заграничной оживотворила она для нихъ страну отечественную. Какъ нѣжная мать, заботясь о раненыхъ, она входила во всѣ подробности ихъ состоянія и всего того, что могло доставить имъ душевную опраду. Она старалась еще, чтобы каждый имѣлъ и пищу, къ которой привыкъ на родинѣ. Воины, поступившіе въ службу изъ Сибири, Украйны и прочихъ Рускихъ областей, воображали, что они перенеслись въ родныя свои семейства. Ангельская благодѣтельность есть подлинное очарованіе: она оживотворяетъ и здоровье и душу и сердце.

Отъ знаменитой *Лейпцигской* битвы, воскресившей Германію въ Германіи, до перваго занятія Парижа союзными войсками, АЛЕКСАНДРЪ Первый, по чувствованію нѣжнаго сына, всѣ военныя извѣстія препровождалъ на имя Августѣйшей Родительницы Своей: за подвиги, предпріятыя ИМЪ и совершенныя къ защитѣ Отечества и освобожденію Европы, Провидѣніе доставило ЕМУ сладоснѣйшую награду, награду—радовать сердце Матери.

Что же дѣлала между шѣмъ чадолюбивая Мать, вездѣ воспоминаемая примѣрнымъ Сыномъ? Къ заботамъ о благошворительныхъ заведеніяхъ, процвѣтающихъ подѣ Ея покровомъ, Она присоединила новое упражненіе: Она приготовляла собственными руками медалы и вручила ее Освободителю Европы, когда возвратился ОНЪ въ Отечествѣ, озаренный славою побѣдъ и увѣнчанный торжествомъ добродѣтели и любви единокрушной (*).

„Блаженный часъ! въ виду Героевъ бранныхъ,
Прославленный силеняется главой
Владыка-Сынъ предѣ Машерью-Царицей;
Да славу ихъ любовь благословишъ.“

Уже два раза Рускія знамена развѣвались въ предѣлахъ Франціи; уже заключенъ былъ миръ, и державы Европейскія воспріяли новое бытіе. Дщерь Павла и Маріи, Екатерина Павловна, учинилась супругою Короля Виртембергскаго. Въ новомъ Государствѣ новая Королева такъ привлекла къ себѣ сердца жителей, какъ будто бы они привыкали любить ее отъ первыхъ дней ея рожденія. Съ любовью нѣжнейшей супруги и съ неупомимостію Королевы, участвовала она во всѣхъ трудахъ Супруга сво-

(*) Смощи Военныя письма, Часть. 2, стр. 380.

его. Отъ сего единодушнаго согласія, Королевство Виртембергское ожидало всѣхъ пользъ, созидающихъ благо общее. Къ довершенію счастія Королевскаго Виртембергскаго Дома, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА уже была на пуши къ *Штутгарду*. Уже по родственному чувствованію заранѣе наслаждалась Она мыслию о радостномъ свиданіи. Но что значатъ всѣ наши оправдныя надежды на семъ прахѣ земномъ? Сонъ и призракъ. Оставался одинъ только переѣздъ, и Императрица ЕЛИСАВЕТА узнала, что нѣтъ Королевы Виртембергской, что нѣтъ той, кошую Она заочно видѣла и обнимала!

Не рѣдко вѣсть скорбная долешаетъ быстрѣе вѣсти радостной. Весь Пешбургъ пораженъ былъ плачевнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Королевы Виртембергской: для одной Матери *мертвая была еще жива*. Недавно насладилась Она свиданіемъ съ нею, недавно получила отъ нее письмо, недавно!... но и одинъ мигъ все уноситъ. Нѣжная дочь, прощаясь съ жизнію, не хотѣла поразишь сердце Матери послѣднимъ прощаніемъ. Ослабѣвшею рукою писала она такъ, какъ будто бы въ полномъ цвѣтѣ бытія своего. Она была въ хладномъ гробѣ, а глаза Матери чипали о жизни ея. Что же

почувствовало тогда сердце Матери, когда разсыялась мгновенная Ея мечта? Никто того не перескажетъ, даже — и сердце материнское.

Такъ за всѣми торжествами земными слѣдомъ идущъ и скорбь и горестъ! Но и смерть, часто разящая внезапно, не можетъ похитить того, что душа величественная передала любви и благодарности. Цѣпенѣлъ въ глубокомъ опечаленіи супругъ у гроба супруги; спонали жилили Виршембергскіе о потерѣ той, которая похитила ихъ надеждою быть неизмѣнною ихъ матерью; оплакивала ее вся Россія, всегда дѣлящая и веселіе и скорби Царей своихъ. Въ Руской *Штутгардской* церкви оспалось все по прежнему, и все осиротѣло безъ Королевы. Въ стѣнахъ сего храма находилъ и Образъ, копорымъ Государь Императоръ въ послѣдній разъ благословилъ Сестру Свою. На немъ изображенъ Святый Александръ Невскій; видны Нева, зимній Дворецъ, и надъ ними радуга—свѣтлое, но минувшее украшеніе здѣшняго неба (*).

Отъ воспоминаній горестныхъ, неизбѣжныхъ въ семъ мірѣ, обратимся къ воспоминаніямъ пріятнѣйшимъ. Если путь не будетъ неразрывной связи исчисле-

(*) Смотри: Стихотворенія В. Жуковскаго Частъ 3, стр.

нія лѣтъ, то не измѣнится продолженіе связи душевной.

Не забудетъ Кремль, сіе древнее и новое жилище нашихъ Царей въ градѣ Пресполюномѣ, что въ стѣнахъ его, въ новомъ блескѣ возникшихъ изъ праха пожарнаго, узрѣлъ первый лучъ свѣта Первенецъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Николая Павловича и Великой Княгини Александры Ѳеодоровны. Москва украшалась тогда присушествіемъ Царскаго Дома; весенняя природа начинала оживотворять прелестныя Московскія окрестности; праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія возносилъ сердца къ Небесамъ. Займемъ описаніе сего незабвеннаго случая изъ Поэта, воспѣваго рожденіе Порфиророднаго младенца.

„Москва жива! въ Кремлѣ семья Царя!
Народъ, тѣсняясь къ ступенямъ Алшаря,
На Праздникъ Великому Воскресенья,
Смирено ждешь надежды совершенья,
Ждешь милаго пришельца въ Божій свѣтъ!...
О! какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!
О, сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, младенецъ, гость желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младый Опецъ предъ Матерью спасенной
Въ жару любви рыдаешь, словъ лишенъ;

Передъ твоей невинностью смиренной
Безмолвная Праматерь слезы льетъ!
Уже Москва своимъ Тебя зоветъ!...“

Привѣщивовалъ въ лѣтніе мѣсяцы того же года возрожденный градъ Престольный наслѣдника Скипетра Фридерика Впорого, Короля Пруссіи, Фридерика Вильгельма Третьяго. Въ селѣ *Кунцовѣ*, возвышающемся на прекрасномъ берегу Москвы рѣки, Ихъ Императорскія Высочества Николай Павловичъ и супруга Его встрѣтили Великаго Госпя. Здѣсь обнималъ онъ зятя своего какъ сына, достойнаго всей сердечной его любви; здѣсь сердце опцовское снова ощутило радостное бѣіеніе сердца нѣжной дочери. Казалось, что и природа участвовала въ семъ восхищительномъ свиданіи. Передъ тѣмъ, погода ненастная ошуманивала живописныя окрестности; на другой день засвѣтилось солнце лѣтнее во всемъ блескѣ, и Москва разцвѣла въ полной своей красотѣ. Съ какимъ радостнымъ чувствомъ вступилъ Король въ древнюю Столицу, въ сопровожденіи Самодержца Россіи! Съ какимъ восхищеніемъ, обозрѣвая великолѣпіе града, какъ будто бы никогда не спрадавшаго, Онъ вопрошалъ: *Какою же прежде была сія столица?* Но что ощутилъ Король-Отецъ, прибывъ въ стѣны Кремля, прибывъ къ колыбели младенца, внука своего? Тутъ

забыты были и власъ и величіе; шупъ
одно родство торжесствовало.

„Союзъ родства, союзъ священный,
Сосѣдство ушверждай Державъ!
Кумиръ, на время вознесенный,
Не разорвалъ законныхъ правъ
Насилъе въ мракъ исчезаетъ;
Но правота всегда сіяетъ.
Палъ властолюбца хитрый ковъ;
Вънецъ Царей—сердецъ любовь!“

Не забудетъ Отечество наше и градъ
Пешровъ, что супруга Его Император-
скаго Высочества Великаго Князя Михаи-
ла Павловича, Ея Императорское Высо-
чество Великая Княгиня Елена Павловна
съ сердцемъ Россіянки вступила въ пре-
дѣлы Россіи, что на привѣтствіе опивѣ-
чала словомъ Рускимъ и что въ нѣдрахъ
Дома Царственнаго, до водворенія еще
въ оный, заключала всю отраду и буду-
щее счастье своей жизни.

Да сіяетъ непомерцаемымъ блескомъ
Домъ нашихъ Царей, обладателей душъ
и сердецъ!

И не померкнетъ никогда сіе солн-
це Россіи, соединенное съ подвигами люб-
ви и милосердія.

Подвиги *милосердія* и *воспитанія*,
послѣ тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго
года, еще болѣе распространили попри-
ще свое. Убѣжище вдовъ въ Москвѣ обя-
зано существованіемъ своимъ ГОСУДА-

РЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДО-
РОВНѢ. Изъ сего Богоугоднаго Дома
исходящѢ *сестры милосердія*, къ вспомо-
моществованію болѣзненному и спраж-
дущему челоувѣчеству.

Сколько новыхъ и общепользныхъ
заведеній учредились на берегахъ Невы
Покровительницею *Женскаго Патріотическаго* Общества ГОСУДАРЫНЕЮ
ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ
АЛЕКСѢЕВНОЮ! Въ годъ испытанія,
сіе общество возстановляло бышіе по-
страдавшихъ отъ нашествія власнолюб-
ца; нынѢ простираетъ оно длань благо-
дѣтельную къ неимущимъ для доставле-
нія имъ нравственнаго бытія. НынѢ
Дома трудолюбія отверзлись для дѣ-
шей, копорыя и въ первые годы жизни
своей исчезлибъ, можетъ быть, подъ
скорбнымъ бременемъ бѣдности.

По сердечному убѣжденію, можно
сказать, что нигдѢ воспитаніе не обла-
гошворено такимъ вниманіемъ, какъ въ
предѣлахъ любезнаго нашего Опечества.

Недавно градъ Престольный наслаж-
дался присущствіемъ Героя *Ватерлоскаго*.
Недавно на берегахъ Невы, ИМПЕ-
РАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА снова
свидѣлась съ супругою сего Героя. Ея
Императорское Высочество Великая
Княгиня Анна Павловна возрасла подъ
надзоромъ нѣжной Матери: Ей служила

она нѣкогда единспвенною опрадою въ разлукѣ со всѣмъ Царскимъ Домомъ. У ней училась она священнымъ подвигамъ благошворенія, соединяющимъ душу съ чловѣчествомъ и Небесами; съ нею въ безмятежномъ уединеніи занималась она трудами и работою, побѣждающими время и созидающими въ уединеніи міръ новый и очаровательный. Въ странѣ иноземной, сблизившейся родственнымъ союзомъ съ Россіей, явила она примѣръ воспитанія, основаннаго на правилахъ Вѣнценосной Матери-Наставницы.

Испинному воспитанію, сему второму бышію чловѣка, вездѣ приносилися дань душевнаго уваженія. Первостепенные Англичане, узрѣвъ въ предѣлахъ своихъ Самодержца Россіи, наименовали ЕГО *благовоспитаннѣйшимъ Европейцемъ*.

Посвящая себя неусыпнымъ подвигамъ воспитанія, чего жалаютъ Вѣнценосныя Покровительницы онаго? Онѣ жelaютъ, чтобы изъ святилищъ общественнаго воспитанія въ нѣдра семействъ переходили всѣ добродѣтели; чтобы скромность была первымъ украшеніемъ юныхъ Россіянокъ; чтобы нѣжная заботливость о дѣтяхъ служила первою опрадою матерямъ; чтобы прихотливая роскошь не похищала того, что можно приносишь въ даръ спраждущему

человѣчеству; чтобы пріятныя искусства разливали безмяшечное удовольствіе въ кругу семейственномъ и оплывали отъ вихря, уносящаго не рѣдко и душу и мысли. Словомъ: Онъ желаетъ, чтобы умъ, обогащенный полезными знаніями, и сердце, оживотворенное нравственнымъ бытіемъ, всѣ движенія, всѣ побужденія свои посвящали дѣяніямъ, увѣнчавающимся любовью и благодарностію.

Предстоитъ очамъ Россіянокъ, предстоитъ живое руководство ко всѣмъ подвигамъ, украшающимъ челоуѣчество; оно заключается въ примѣрахъ ихъ Царицъ.

22 Іюня 1825 года.

Москва.

II.

ЧЕРТЫ

изъ

ЖИЗНИ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Петръ Первый собственною рукою начерталъ весь постепенной ходъ ученія для сына своего Алексѣя Пепровича. Не сбылись Его ожиданія отъ того, что на землѣ не было и нѣтъ совершеннаго счастья.

Но Петръ всегда былъ счастливъ чувствованіями небесными: Вѣрою и надеждою на Провидѣніе

Онъ былъ примѣрнымъ сыномъ своего времени. *Феофанъ* свидѣтельствуетъ, что, повинаясь матери, онъ забывалъ и себя и свой царскій санъ, и помнилъ одинъ только долгъ сыновній.

Примѣрный сынъ сталъ примѣрнымъ Царемъ, и во всѣхъ предѣлахъ вселенной, куда только доходилъ о немъ слухъ, Онъ наименованъ *Великимъ*.

Величіе добродѣтели есть несомнѣнный залогъ славы.

Первый подвигъ неуспрашимости явилъ Петръ въ защищеніи матери своей Напаліи Кириловны.

Сильный царедворецъ домогался удалитъ изъ царскихъ черепоговъ Царицу На-

палію. ПЕТРЪ спѣшилъ къ престолу брата своего Θεодора и именемъ Опца своего вступаешся за гонимую добродѣтель.

«Если по волѣ твоей, сказалъ онъ въ слезахъ Θεодору, переселяютъ насъ въ другой домъ: Государь! переходи съ нами, будь охранителемъ моей матери, Богъ и отецъ мой поручили ее твоему покрову. А я, слабый опрокъ, что я могу для нее сдѣлать? Съ тобою гѣшовъ жишь вездѣ; а изъ дома опца моего и изъ палатъ моего брата никуда не перейду.»

И потомъ, обращаясь къ царедворцамъ, прибавилъ: «Или я не сынъ Державнаго Царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ и угла въ дому опца моего нѣтъ?»

Герой, защитникъ матери, былъ вездѣ Героемъ.

«ПЕТРЪ, говоритъ Теофанъ: есть наша слава, копорою до скончанія міра Россійскій родъ хвалишься не преспа-нетъ.»

Послушный сынъ показалъ и первый примѣръ *второй души* военной службы. Первая душа Вѣра; вторая повиновение.

Одинъ изъ нашихъ писателей сказалъ: «Чтобы со славою намъ въ службѣ показаться: Такъ надо напередъ умѣть повиноваться.»

Царь ПЕТРЪ былъ и *рядовицъ*;— Онъ все прошелъ, все узналъ самимъ со-

бою и вникалъ во всѣ нужды человѣческія.

«Вошъ отъ чего войско, по словамъ Теофана, учившееся еще *букварю* военного искусства, вскорѣ вступило въ брань съ непріятелемъ, который вездѣ однимъ звукомъ оружія своего наносилъ страхъ и трепетъ.»

Не къ себѣ, но все къ Богу относилъ Петръ Первый и Великій. Передъ походомъ говорилъ Полководцамъ и войскамъ: *Идите съ Божіею помощію*. Увѣнчавшись успѣшнымъ окончаніемъ войны, Онъ вѣщалъ: *Сему одинъ Богъ руководителъ былъ*.

Для Россіи простиралъ Онъ къ шруду державныя руки свои. Трудись и живи для ПЕТРА было подвигомъ нераздѣльнымъ. Но во всемъ, забывая свою личность, Онъ говорилъ: *трудитесь для Бога*.

Много было древнихъ и новыхъ изреченій о драгоцѣнности времени. Но никто лучше ПЕТРА не опредѣлилъ ему цѣну. *Пропущенное время, писалъ онъ, смерти подобно; оно неозвратно*.

Правосудіе ПЕТРА Перваго нераздѣльно было съ человѣколюбіемъ.

Около того времени, когда Карлъ XII впоргшись въ предѣлы Россіи, увѣрялъ, что онъ *только въ Москвѣ будетъ договариваться съ Петромъ о*

мирѣ: въ то самое время отъ Короля Шведскаго прибылъ въ Воронежъ нарочный для закупки лѣкарствъ. Петръ Первый узналъ о томъ и далъ полное разрѣшеніе покупатьъ врачебныя пособія.

«Много, говоритъ *Татищевъ* въ духовномъ своемъ завѣщаніи сыну: много я прешерпѣлъ зла отъ моихъ недоброжелателей. Но правдолюбивый Государь Петръ Первый, по прозорливой внимательности своей, усмотрѣвъ мою невинность, не только уничтожилъ на вѣпы клеветниковъ, но и взыскалъ меня высокими своими милостями. Правда воспоржесствовала, а клеветники посрамились. Сей Великій Государь показывалъ великолѣпіе свое одними дѣлами.»

Кто были наставниками Петра Перваго? Въ Опечесствѣ нѣжная мать; въ Европѣ всѣ царства Европейскія. Научась подъ руководствомъ умной матери все наблюдать, все поминать, перенимать все полезное, онъ собственнымъ попомъ соображеніемъ превратилъ для себя въ ученіе все, что видѣлъ, и въ училища всѣ мѣста, гдѣ былъ.

«Петръ, говоритъ *Оеофанъ*, не учился ни въ какой школѣ, ни въ какой Академіи. Но Академіями ему были грады и страны, республики и Монархіи, и дома царскіе, въ которыхъ гостемъ бывалъ: учили были ему, хотя и сами про то

не вѣдали: Послы и путешественники и угощавшіе его Государи и Правители.

Книги историческія были любимымъ его чтеніемъ. Изъ сего прилѣжнаго чтенія усмотрѣлъ онъ, что созидаетъ крѣпость и силу Державъ. А поному и говорилъ: «Не о себѣ помышляю я ; пусть только живетъ Россія вѣрою и благочестіемъ.»

Сія жизнь есть неизмѣнное бытіе царствъ и народовъ.

И шакъ повторимъ незабвенныя слова *Теофана*, одного изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Петра Великаго. «*Петръ, говоритъ онъ, оставляя насъ, не оставилъ насъ.*»

Онъ жилъ и живетъ въ потомкахъ своихъ:

Онъ живъ!

«Онъ живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ страны взираетъ,
Свою Россію обновляетъ,
Полки, законы, корабли
Самъ строитъ, правитъ и предводитъ,
Природу духомъ превосходитъ;
Герой въ моряхъ и на земли (*).»

Онъ живъ! ... дѣла не умираютъ.

(*) Ломоносовъ.

III.

СПОСОБЪ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО УЧЕНІЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ЕКАТЕРИНОЮ Второю.

Разсказывающѣ, что *Аменофисъ*, а по мнѣнію другихъ *Мелнонъ*, отецъ знаменитаго *Сезостриса*, всѣхъ дѣтей, родившихся въ одинъ день съ его сыномъ, приказалъ привести въ чертоги свои. Воспитывая ихъ съ попечительностію нѣжнаго отца и соединяя ихъ единодушіемъ и единомысліемъ, онъ спарался доставить сыну своему ревностныхъ воиновъ и усердныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

Екатерина Вторая болѣе сдѣлала. Тѣ самыя наставленія, которыя предлагала Она и печатала для Порфирородныхъ Внуковъ своихъ, тѣ самыя животворительныя правила издала Она вновь въ общенародномъ букварѣ.

Она хотѣла отдать всѣ сердца и всѣ помышленія народа Вѣнценоснымъ Внукамъ, неоцѣненнымъ Ея сердцу.

Предложимъ сокращенно нѣкоторыя изреченія и правила, излившіяся изъ души Екатерины Великой. Душа не умираетъ, а правила извѣляютъ основаніе дѣяній.

Вопросъ. Чшо такое должностъ родителей или хожатыхъ?

Отвѣтъ. Исправлять дѣшей, указывать имъ хорошіе пути, учить полезному; остерегать отъ дурнаго, представлять имъ ихъ должности, чшобы они послѣ не сказали: *вы насъ не исправляли; вы насъ не учили; вы насъ не остерегали; вы нами не показывали, какими надлежало нами идти путями.*

Одинъ Богъ совершенъ.

Всякое дитя родится не ученымъ.

Дитя до семи лѣтъ *младенецъ*, послѣ семи *отрокъ*, а послѣ пятнадцати *юноша*.

Отъ родителей человѣкъ принимаетъ и получаетъ первое благодѣяніе.

Пріятно видѣть отъ брата любовь, отъ друга пріязнь, отъ Государя милость.

Милосердіе, прощая личныя обиды, приноситъ даръ человѣчеству.

Всю силу и преимущество свое употребляйте къ вспомошествованію, а не къ угнѣщенію слабыхъ.

Доброе сердце склонно къ милосердію и снисхожденію; сердце *тѣсное* не способно къ широтѣ и умѣренности.

Щедрость не считаешь; она даетъ одною рукою безъ вѣдома другой; она вездѣ находитъ случай давать, а чшобы

братъ, того и на мысль ей не приходишь.

Великодушіе сообщаетъ сіяніе всему, къ чему прикасается; скромность сопустшествуетъ ему въ счастіи, а въ злополучіи перпвніе и умбренность.

Гордость есть несмысліе.

Веселишь взоры свѣшное солнце, вдругъ блеснувшее; еще болѣе радуешь душу человѣкъ благодѣтельный.

Всего пріятнѣе видѣшь чувствительную душу, милующую человечество.

IV.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА АМВРОСІЯ,

АРХІЕПИСКОПА МОСКОВСКАГО.

Амвросій, преслѣдуемый толпою, ослабленною яростію и обуянною виномъ, поспѣшилъ въ церковь. Бунтовщики и шуда ворвались. Видя неминуемую гибель, спрадалецъ приблизился къ престолу Божію, преклонилъ колѣна и воздѣвъ руки къ жертвеннику, со слезами возопилъ: *Господи! остави ихъ; не вѣдятъ бо, что творятъ; не введи ихъ въ напасть, но отврати стремленіе ихъ: и яко же смертію Іоны укротилось волненіе моря, тако нынѣ*

смертію моею да укротится волненіе сего свирѣпствующаго народа.

Такъ вѣщаль Пастырь великодушный и испилъ чашу смерти.

V.

ЖЕРТВА,

ПРИНЕСЕННАЯ МОСКВѢ

Графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ
Орловымъ.

1771 года Москва спрадала и отъ мороваго повѣтрія и отъ безрассуднаго воленія народа, въ слѣдствіе кошораго погибъ ревностный Пастырь церкви *Амвросій*. Въ сихъ обстоятеляхъ, Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, обрекая жизнь свою въ жертву для пользы общей, добровольно вызвался бѣжать въ Москву. Екатерина Впорая, бывшая тогда въ перепискѣ съ *Волтеромъ*, извѣщала его о семъ случаѣ слѣдующими словами: «Хотя Я и согласилась на усиленную просьбу Графа Орлова, но не безъ огорченія. Знаю, какой онъ подвергается опасности.»

Волтеръ отвѣчалъ: «Графъ Орловъ учинилъ истинно геройскій подвигъ. Великодушное его намѣреніе долженствовало поколебать ваше сердце, волнуемое страхомъ и пораженное удивленіемъ. Но удивленіе для васъ есть чувство самое обыкновенное: ибо великія дѣла вамъ болѣе всѣхъ свойственны.»

Графъ Григорій Григорьевичъ увѣнчался славою необычайною. Зависимость безмолвствовала, а благодарные современники въ полной мѣрѣ оцѣнили великодушный его подвигъ. Одинъ изъ тогдашнихъ первостепенныхъ духовныхъ, приѣхавъ въ Графа съ Новымъ годомъ, препроводилъ къ нему изъ Москвы въ Петербургъ слѣдующее достопамятное письмо:

«Оставя, Ваше Сіятельство, Москву, вы оставили въ сердцахъ всѣхъ ея жителей чувствительнѣйшее сожалѣніе о разлученіи съ вами. Вашими отличными добродѣтелями и благодѣянiami вы плѣнили всѣхъ души. Вы, пребывая съ нами, исполнили все то, что составляетъ вѣрно опечисленный духъ. Вы соотвѣтствовали должности честнаго человека, оказавъ ближнимъ своимъ столь великіе знаки человеколюбія. Вы по справедливости заслужили имя ревностнаго гражданина, принося свое счастье на жертву общему благополучію и подвергая себя той опасности, отъ ко-
то-

рой избавили своихъ согражданъ. Вы своимъ примѣромъ доказали долгъ истиннаго Христіанина, сохранивъ тѣ правила, на коихъ основывается законъ Божій и любовь къ роду человѣческому. Вы своимъ повиновеніемъ, исполняя Высочайшія повелѣнія Августѣйшія нашея Самодержицы, изъявили новой опытъ покорности, которою прямые сыны Отечества обязаны своимъ Монархамъ. Вамъ должно опдаться чести величайшаго геройства, потому что вы не имѣли ничего себѣ предметомъ, кромѣ блаженства своихъ соотечественниковъ; ни цѣною, кромѣ сохраненія ихъ жизни. Сократъ видѣлъ и оплакивалъ несчастіе своего отечества; а вы, узрѣвъ печальную Москву, оперли слезы ея обитателей и возвратили прежнее ихъ благосостояніе. Симъ образомъ вы оплестили себя отъ обыкновенныхъ людей, симъ обязали все общество, которое не остается къ вамъ безъ признанія. Та же самая сила благодарности наполняетъ и мои чувствованія. Къ открытію оныхъ подаетъ мнѣ побудительную причину самое начало Новаго года. Я и всѣ вообще увѣрены, что съ печеніемъ лѣтъ происпекутъ еще сугубыя отъ васъ для любезнаго Отечества благошворительныя услуги. И такъ съ умноженіемъ вре-

менѣ умножися еще болѣе истинная
къ вамъ благодарность.»

VI.

С М Е Р Т Ъ

ГЕНЕРАЛА ВЕЙСМАНА.

18 Іюля 1773 года напалъ на Русскихъ за Дунаемъ *Черкесъ-Паша*. Въ то же время зашелъ намъ непріятель въ пылъ противъ самой ущелины *Дервентъ*. Главная часть войска и Пошемкинъ оспались за ущелиною. *Вейсманъ* полетѣлъ на враговъ. Нападеніе было порывистое, сопротивленіе упорное. Густой лѣсъ и узкая пропинка раздѣляли Русскихъ и Турокъ. Русскіе, копорые, по словамъ Ломоносова, *проходятъ вездѣ*, гдѣ только въпры могутъ *дуть*, прорвались сквозь чащу лѣса и выстроились на удобномъ мѣстѣ. Турки, мечтая о вѣрной побѣдѣ, не препяшествовали движенію нашему. Ихъ было вчетверо болѣе. Русскіе устремились *кареель*; конница Турецкая мчалась имъ въ лице, а съ горы гремѣли двадцать чешыре орудія. Конница непріятельская, раздраженная опважностію Русскихъ, окружила первый ихъ *фасъ* и пылъ; а пѣхоша Турец-

кая видя, что нашимъ пресѣчено оп-
ступленіе, ринулась въ десяти тыся-
чахъ съ нагорнаго укрѣпленія и ударила
на передніе полки и на лѣвое крыло, тѣс-
ня и конницу нашу, прижавшуюся къ пѣ-
хотѣ. Со всѣхъ сторонъ раздалось :
Алла! Конница Турецкая тѣснила пылъ,
пѣхота врывалась въ каре. Гдѣ болѣе
опасности, тамъ сильнѣе воспламеняет-
ся духъ истинныхъ героевъ. Генералъ
Вейсманъ и Полковникъ *Клитка* вос-
кликнули: «солдаты Мамушки нашей Ека-
терины Второй! воины Задунайскіе! съ
нами Богъ! впередъ: умремъ или побѣ-
димъ! Намъ мало; но Русскіе не привык-
ли считатьъ враговъ.» Загремѣло: ура!
Тронулись, двинулись, устремились пол-
ки Русскіе. Конница наша, съ помощію за-
пасныхъ опрядовъ и пушекъ, погнала
конницу Турецкую. Воздухъ огласился
кликами побѣдоносными. Но, какъ не-
надежны всѣ торжества въ семъ мірѣ
превращеномъ! Между тѣмъ, когда Рус-
скіе привѣтствовали другъ друга съ но-
вою славою, Герой *Вейсманъ* низверг-
ся въ мракъ смерти въ сіяніи побѣды
своей.

Державинъ увѣковѣчилъ сей случай
въ *Водопадѣ* своемъ въ слѣдующихъ сти-
хахъ:

«Когда багровая луна
«Сквозь мглу блистаетъ темной ночи,

«Дуная мрачная волна
 «Сверкаетъ кровью, и сивозъ роши
 «Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ,
 «И слышенъ стовъ—что Турокъ мнитъ.
 «Дрожитъ—и во очахъ сокрытыхъ
 «Ему еще пышки блестятъ;
 «Гдѣ сорокъ тысячъ вкругъ убиныхъ
 «Вкругъ гроба *Вейсмана* лежатъ.»

Воины Русскіе уважали Героя *Вейсмана* за личную его храбрость и за любовь къ подчиненнымъ. Были у него завистники, но онъ всѣмъ усердствовалъ опдаться справедливостъ. Ни одинъ подвигъ ввѣренныхъ ему воиновъ не укрывался отъ его вниманія. Себя умѣлъ онъ забывать, а другихъ всегда помнилъ. После смерти нашли въ мундирномъ его карманѣ списокъ *отличившихся* въ прежнихъ битвахъ. *Вейсманъ*, такъ сказать, приближалъ къ сердцу всѣхъ сподвижниковъ своихъ. Славна была его смерть и незабвенно уваженіе его къ заслугамъ другихъ. Безприсраспіе есть добродѣтель прудная; но она была главною добродѣтелью *Вейсмана*.

VII.
УМНЫЙ ОТВѢТЪ
АДМИРАЛА ЧИЧАГОВА.

Всѣмъ извѣстно, какому жребію подвергся Гуславъ Третій, напавъ внезапно и безъ объявленія войны на Россію. Извѣстно, что онъ уже приглашалъ своихъ любимцевъ на торжество въ Сѣверную Столицу. Но сей случай послужилъ только новымъ подтвержденіемъ, что Россія всѣмъ была готова жертвовать Екатериной, своей нѣжной Матери Отечества. Слава Екатерины заблистала на сушѣ и на морѣ. Крузъ и Чичаговъ опразили сильный Шведскій флотъ. Капитанъ плѣннаго корабля, называемаго *Принцъ Карлъ*, ужиная въ день сраженія у Адмирала Чичагова, сказалъ ему: «мы ошиблись въ расчетѣ: думали угощать васъ, и нечаянно попали къ вамъ въ гости.» Чичаговъ отвѣчалъ: *на это была воля Великаго Хозяина міра.*

VIII.

ЮНОСТЬ ЛОМОНОСОВА,

или

СТРАСТЬ КЪ УЧЕНІЮ; ЗАСЛУГИ ЕГО
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИЗОБРА-
ЖЕНІЕ НРАВСТВЕННЫХЪ ЕГО КА-
ЧЕСТВЪ.

Страсть къ ученію.

Рѣшительная страсть къ ученію все преодолѣваетъ. Не рѣдко среди изобилія и блестящихъ даровъ счастья тщетны бывають всѣ труды, прилагаемые о воспитаніи; но часто, весьма часто случается, что и подѣ кровомъ убогой хижины, при недостаткѣ всѣхъ способовъ къ обогащенію понятія, способности ума возникаютъ, разпространяются съ силою и производятъ необычайныхъ людей въ лѣтописяхъ Словесности и наукъ. Рѣшительнымъ сему у насъ примѣромъ служишь *Михайла Васильевича Ломоносова*.

Ломоносовъ родился 1711 года, то есть въ то самое время, когда Петръ Первый часъ отъ часу болѣе преобразовалъ Россію и учреждалъ въ предѣлахъ ея полезное ученіе, ремесла и искусства. Родина его въ деревнѣ Даниловской, въ

Куропашовской волости, въ Двинскомъ уѣздѣ, на острову, неподалеку отъ Холмогоръ.

Хотя отецъ его былъ простымъ государственнымъ крестьяниномъ, но отличался понятіемъ острымъ и изобрѣшательнымъ. Онъ первый въ своемъ краю на образецъ Европейскій соорудилъ, оснастилъ *галіотъ* и назвалъ его *Чайкою*. На семъ новомъ суднѣ пускался онъ въ Бѣлое море и въ пространство *Океана*; развозилъ на немъ казенные и частные запасы отъ города *Архангелска* въ *Пустоозерскъ*, въ *Соловецкую* обитель, въ *Колу*, въ *Келѣдинъ*, по берегамъ *Лапландіи* и на рѣку *Мезень*. Юный Ломоносовъ съ десяти лѣтъ и до шестнадцати былъ неразлучнымъ спутникомъ своего отца.

СИЛА НАБЛЮДЕНІЯ.

И такъ Ломоносовъ странствовалъ; но сего не довольно: онъ умѣлъ все наблюдать, онъ приучался все соображать, — а въ такомъ смыслѣ *путешествіе есть наука*.

Зрѣлище величественной и грозной природы было первымъ наставленіемъ Ломоносова. Не изъ книгъ учился онъ познавать и наблюдать различныя

измѣненія, величіе, красоты и ужасы природы; онѣ обозрѣвалѣ все глазами своими и въ отроческомъ его понятіи напечатлѣвались шѣ картины, копорыя въ зрѣломъ возрастѣ нечерталѣ онѣ безсмертною кистью.

Великое различіе между собственнымъ наблюденіемъ природы и списываніемъ ея съ изображеній другихъ. „Знаменитый *Фенелонъ*,“ говоритѣ одинѣ изѣ его соотечественниковъ: „переселилѣ въ *Телемака* природу, видѣнную имѣ въ твореніяхъ *Гомера* и *Виргилія*. Описанія его прекрасны; но въ нихъ видно подражаніе, а не творческая кисть (*).“

СООБРАЖЕНІЕ ОТРОЧЕСКАГО НАБЛЮДЕНІЯ СЪ ОПЫТАМИ ЗРѢЛЫХЪ ЛѢТЬ.

Мы пишемъ жизнь Ломоносова для пользы воспитанія, слѣдственно и почтиаемъ долгомъ предложить нѣкоторыя изѣ шѣхъ сшихотворческихъ изображеній, копорыя заимствовалѣ онѣ первоначально изѣ отверстой книги природы.

(*) Смощри *Дюсолевы Записки о Французской словесности*, часть I, стр. 93.

Онѣ видѣлъ въ юности своей бури
морскія и бури Океана; онѣ видѣлъ *яро-*
стную борьбу моря съ небесами;—и
начерпалъ оную въ сихъ стихахъ:

„Намѣ въ ономѣ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей;
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ.“—

Онѣ видѣлъ незаходящее лѣпшее
солнце у береговъ Сѣвернаго Океана и
представилъ сіе великолѣпное явленіе
такимъ образомъ:

„Достигло дневное до Полночи свѣшило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
Какъ пламенная гора казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.“

СТРАСТЬ КЪ УЧЕНІЮ И ПОСТЕПЕН- НЫЕ УСПѢХИ ЛОМОНОСОВА.

Между тѣмъ рвеніе къ ученію часъ
отъ часу болѣе усиливалось въ сердцѣ
юнаго Ломоносова. Спрямленіе духа его
не могло ограничиться одними наблю-
деніями природы; онѣ хотѣлъ не толь-
ко знать, но и желалъ предлагать дру-

гимъ то, что видѣлъ и что зналъ. Умамъ превосходнымъ нужно только указать спезю къ поприщу ученія: они сами утвердятся на немъ, распространяя и озаряя оное славою. Такъ сбилось съ Ломоносовымъ. Первымъ его наставникомъ былъ одинъ изъ сельскихъ церковнослужителей, копорый, говоря простыми словами, научилъ его *Русской граматѣ*; далѣе сего не простиралось его знаніе. Ломоносовъ самъ собою ознакомился съ *простою Ариѳметикою*; слѣдственно онъ собственнымъ соображеніемъ изобрѣталъ значеніе и сочетаніе чиселъ. Первоначальною его Словесностію было чтеніе книгъ церковныхъ и возбудило въ немъ охоту знать и языкъ *свѣтской Словесности*. Онъ домогался опыскивать свѣпскія книги, и не находилъ, ибо ихъ тогда весьма малое число было. Слыша же отъ сельскаго своего наставника, что языкъ древнихъ Римлянъ споспѣшествуетъ къ успѣхамъ ученія, онъ желалъ знать и сей языкъ;—онъ желалъ знать все, что питаетъ умъ и душу.

ЛОМОНОСОВЪ

ДОСТИГАЕТЪ 17 ЛѢТЬ И ОСТАВЛЯЕТЪ
ОТЦОВСКІЙ ДОМЪ.

Влекомый непреодолимою страстію къ ученію, юный сынъ рыбака бѣжалъ отъ отца своего и среди многлюдной Москвы очутился сиротою безпріютнымъ. Обрапя слезящія очи къ ближайшей церкви, съ глубокою душевною скорбію молилъ онъ Отца отцевъ бытъ охранишелемъ юноши безпокровнаго и неопытнаго.

Счастливымъ случай привелъ его въ Заиконоспаское училище. Зная, что тамъ не принимаютъ состоящихъ въ подушномъ окладѣ, онъ выдалъ себя за сына дворянскаго.

Вскорѣ недоспащочно спало для него и Заиконоспаское собраніе книгъ. Онъ отправился въ Кіевъ, надѣясь тамъ почерпнуть свѣдѣнія въ Математику, Физикъ и Философіи; но Кіевскіе учителя спорили о доводахъ Аристотеля, ничего сами не наблюдали, а пошому и не могли предложить ничего основательнаго. Говоряшъ, что знаменитый *Θεοφάνης Προκοповιτς*, любя Ломоносова за рвеніе его къ полезному ученію и узнавъ о подлинномъ его состояніи, ска-

залъ: „Не бойся ничего; я твой защитникъ.“

Не встрѣпя въ Кіевѣ, чего желалъ, Ломоносовъ воспользовался однако тамъ чтеніемъ древнихъ Русскихъ лѣтописцевъ, и Греческихъ и Лавинскихъ рукописей.

Снова возвратился онъ въ Москву, и 1734 года отправленъ былъ въ Сankт-петербургскую Академію. Тамъ разпространилось поприще его познаній и онъ посланъ онъ былъ въ чужіе края подъ руководство просвѣщеннѣйшихъ мужей того времени. Сынъ простаго рыбака, рожденный въ отечествѣ снѣговъ и бурь, доказалъ въ предѣлахъ иноземныхъ, что бури зимнія не останавливаютъ полета ума и не стѣсняющъ душевныхъ способностей. Собственнымъ опытомъ убѣжденный въ истинѣ, Ломоносовъ въ одной изъ Оды своихъ въ слѣдующихъ стихахъ призываетъ къ юнымъ Россіянамъ, посвятившимъ себя наукамъ:

„О вы! которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣтъ шаговыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ:
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченіемъ вашимъ показашъ,
Что можете собственныхъ Платоновъ

И быстрыхъ разумомъ *Невтоновъ*
 Россійская земля раждашь.“

Графъ *Бюфонъ* называетъ превосходное дарованіе *плодомъ нецѣпимлаго терпѣнія*. Безспорно, что одно терпѣніе не доставитъ дарованія; но истинное дарованіе чѣмъ далѣе простираетъ ходъ свой, тѣмъ болѣе видитъ, чего ему недостаетъ: а потому оно и нераздѣльно съ терпѣніемъ. Умирающій *Виргилій* завѣщавалъ, чтобы сожгли послѣднія шесть пѣсенъ *Енеиды*, говоря: что онъ не успѣлъ еще ихъ отработать по желанію своему.

„Какимъ образомъ,“ спрашивали у *Невтона*: „поспигъ онъ тайну теченія свѣтилъ небесныхъ?“—*Непрестаннымъ о томъ размышленіемъ*, отвѣчалъ онъ.

ПРАВСТВЕННЫЯ ЧЕРТЫ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЙ
 ЛОМОНОСОВА.

М и р о л ю б и е.

Предрекая будущую славу сыновъ Россіи, коимъ судьба опредѣлила гремѣть и на цвѣтущихъ поляхъ *Италіи* и на грозныхъ вершинахъ подоблач-

ныхъ горъ Альпійскихъ , Ломоносовъ
восклицаетъ:

„Чтобы орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ одвы, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія сщепи,—равенъ пущь:
Гдѣ только вѣтры могутъ дутьъ,
Тамъ пролетятъ полки орлины.“

Но изображая пламенною кистію
воинскій духъ Россіянъ, онъ не былъ
другомъ войны и ненавистникомъ чело-
вѣчества. Онъ зналъ, что война не
страшитъ его соотечественниковъ ,
но всегда и вездѣ отдавалъ предпочте-
ніе благословенному миру, осѣняющему
счастіе народа и всѣ прелести наукъ.
Вотъ слова его:

„Хоша счастливыя военныя дѣла
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала;
Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе во всѣмъ сіяетъ ихъ порфира.“

ЛЮБОВЬ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ.

Звучными струнами лиры своей
Ломоносовъ прославлялъ подвиги Россіянъ
въ семилѣтнюю войну, но въ той же одѣ
излилъ нѣжнѣйшее чувство о жре-

біи челоувѣчества, поражаемаго ужасами войны. Оплакивая горестный жребій спраждущаго челоувѣчества, онѣ говорятъ:

„Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоить свой шлѣвъ?
Еще ли мало утѣмились
Жишейскихъ шягосью бременъ?“

СОСТРАДАНИЕ КЪ БЛИЖНИМЪ.

Превосходство ума писателя и громкая его слава не увѣковѣчатъ въ сердцахъ его имени, если онѣ былъ чуждъ состраданія къ жребію ближнихъ. Испытавъ опѣ юности лѣтъ всѣ нужды и всѣ превращенія судьбы, Ломоносовъ особенно выхваляетъ Елисавету за вспоможеніе добродѣтельной скудости и возстановленіе несчастіемъ разоренныхъ.

СИЛА ОБОДРЕНІЯ.

Находя въ лицѣ И. И. Шувалова покровителя и друга, и чувствуя силу благодушнаго ободренія, Ломоносовъ и самъ сшарался подкрѣплять и ободрять юныхъ любителей Словесности. Простыя слова его изъ письма къ Шувалову о Поповскомъ покажутъ всю доброту его сердца. „Получивъ“ писалъ онъ 26 Іюля 1753: „отъ студента переводъ перваго письма Попіева Опыта о чловѣкѣ, не могу преминуть, чтобы не сообщить Вашему Превосходительству. Въ немъ нѣтъ ни одного сшиха, копорый бы мною былъ поправленъ. Я весьма опасаюсь, чтобы его въ закоснѣніи не оставили.“

УСЕРДІЕ КЪ ДОБРЫМЪ ИНОСТРАНЦАМЪ.

Не однимъ соотечественникамъ нашимъ, но и всѣмъ, кто живетъ въ родномъ нашемъ краю, мы должны извѣлять сердечное привѣтствіе. Жителя ли знойныхъ странъ Африки, или выходца

изъ дикихъ лѣсовъ Америки видимъ па-
дающаго въ глазахъ нашихъ,—поспѣвшимъ
подать ему руку помощи: онъ нашъ
гость, онъ спалъ нашъ ближній. Изъ
отечества людей, одаренныхъ сердцемъ
и душою, каждый посѣпитель долженъ
возвращаться съ сердцемъ благодарнымъ
и съ доброю молвою. Ешаго желали на-
ши предки, ешаго и мы желаемъ. Любя
своихъ, Ломоносовъ любилъ и чужезем-
цевъ, посвящавшихъ Россіи ревностныя
и усердныя свои труды. Смерть почтен-
наго Профессора *Рихмана*, убишаго
громомъ при испытаніи *электрической*
силы 26 Іюля 1755 года, поразила его
несказанною скорбію. Въ слезахъ и въ
душевномъ сокрушеніи ходатайствовалъ
онъ въ письмѣ своемъ къ И. И. Шувало-
ву за семейство покойнаго Профессора
въ сихъ сердечныхъ словахъ: „Профес-
соръ *Рихманъ* умеръ прекрасною смер-
тію, исполняя по званію своему долж-
ность свою. Память его никогда не
умолкнетъ; но бѣдная его вдова, пеща,
сынъ пяти лѣтъ, который добрую по-
казывалъ надежду, и двѣ дочери, одна
двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ
объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ не-
счастіи плачутъ. Ваше Превосходитель-
ство, какъ истинный наукъ любитель и
покровитель, будьте имъ милосердивый

помощникъ, чтобы вдова лучшаго Профессора до смерти своей пропитаніе имѣла и сына своего, маленькаго *Рихмана*, могла воспитывать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ отецъ. Ему жалованія было 860 руб. Милосливый Государь! исходатайствуй же бѣдной вдовѣ или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградишь, и я буду больше почитать, нежели за свое.“

ИСТИННОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ УКРАШАЕТСЯ СКРОМНОСТІЮ.

Ломоносовъ далеко простерся умомъ на поприщѣ познаній человѣческихъ; онъ парилъ воображеніемъ и зоркимъ и наблюдательнымъ окомъ своимъ проницалъ въ тайны природы. Онъ одобряетъ природу *великолѣпною храму счастія теловѣческаго*: и дѣйствительно умъ, познающій изъ устройства шворенія мудрость Творца, наслаждается истинною опрадою. Обозрѣвая различныя отрасли наукъ, Ломоносовъ называлъ *Химію* первою предводительницею къ изслѣдованію разнородныхъ частей видимыхъ шѣлъ; онъ писалъ о воз-

душныхъ явленіяхъ: онъ изслѣдовалъ дѣйствіе молніи и громоносныхъ пучъ; онъ прежде Американскаго уроженца *Веніамина Франклина* разсуждалъ о силѣ *электрической*; онъ разсуждалъ о происхожденіи свѣта; писалъ о рожденіи металловъ и о большой точности морскаго пути; онъ первый сочинилъ у насъ книгу о сокровищахъ, шаящихся въ нѣдрахъ земли, или о *Металлургіи*, которую называлъ предводительницею къ внутреннему богатству. Онъ все старался узнать и изслѣдовать; и еще болѣе увѣрялся, что человѣкъ то только можетъ знать, до чего дозволено доходить уму его. Онъ испыталъ и доказалъ, что истинное просвѣщеніе нераздѣльно съ искреннимъ сознаніемъ въ слабости и ограниченности нашего ума. Онъ видѣлъ, что изслѣдованіямъ нашимъ положенъ предѣлъ; онъ увѣренъ былъ, что все знаніе принадлежитъ одному Творцу вселенной, а потому и обращается въ сихъ словахъ къ испытателямъ природы:

„ О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаешь въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малой вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажете, что насъ такъ мятетъ?

Сомнѣній полонѣ вашѣ отыѣшѣ
 О томѣ, что окрестѣ ближнихъ мѣстѣ;
 Снажишежѣ: коль пространенѣ свѣстѣ?
 И что малѣйшихъ далѣ звѣздѣ?
 Несвѣдомѣ шварей вамѣ конецѣ;
 Скажишежѣ: коль великѣ Творецѣ?

Т Е Р П Ь Н І Е

„Прежде соверши подвигѣ свой, а потомѣ ожидай награды“ говоряшѣ опытные люди всѣхъ вѣковѣ. То же и у насѣ говорили: „Конецѣ вѣнчаетѣ дѣло.“ Но чтобѣ дожидаться сѣ успѣхомѣ сего блистательнаго конца, то надобно переноситѣ сѣ терпѣніемѣ всѣ непріятности и даже всѣ препяшствія.

Разсказываютѣ, что надѣ юнымѣ Ломоносовымѣ смѣялись его товарищи, видя, что онѣ вѣ семнадцать лѣтѣ принялся за азбуку иноспранныхъ языковѣ. Не хорошо поступали товарищи его, но хорошо дѣлалѣ Ломоносовѣ, что учился Греческой и Латинской азбукѣ, помня простую пословицу: „Вѣкѣ живи, вѣкѣ учисѣ.“

Не рѣдко терпѣніе бываетѣ горько, но за то плодѣ его всегда сладокѣ. Научась терпѣть, Ломоносовѣ научился,

не смотря ни на какія обстоятельство, находишь сладость и утѣшеніе въ тѣхъ упражненіяхъ, которыя бывають плодомъ однихъ трудовъ и терпѣнія. Уже изнемогалъ онъ тѣлесными силами, когда писалъ послѣднюю оду Екатеринѣ Второй; но не ослабѣвая въ усердіи и терпѣніи, онъ говорилъ: „Ни спарость, ни болѣзни, ни даже зависть моихъ недоброжелателей, ничто не можетъ охладить ревности моей къ трудамъ и къ прославленію благодѣтелей Россіи.“

Въ томъ же стихотвореніи онъ сказалъ, что „ни на какія сокровища не пренебрегаетъ удовольствія заниматься тѣмъ, что питаетъ сердце и душу.“

Груды золота, великолѣпные дома, все что называемъ мы богатствомъ, можетъ погибнуть въ одинъ мигъ; но сокровища ума, души и сердца, сокровища полезныхъ занятій переходятъ съ нами изъ года въ годъ и доставляютъ ошраду вездѣ и всегда. А потому Ломоносовъ, подражая Цицеронову разсужденію о наукахъ, предложенному симъ славнымъ *Virtutibus* въ защитительной рѣчи за *Arxiam* стихотворца, говоритъ:

„Науки юношей питають,
Ошраду старымъ подають,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ;

Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
 И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
 Науки пользуютъ вездѣ:
 Среди народовъ и въ пущинахъ,
 Въ градскомъ шуму и наединѣ,
 Въ покое сладки и въ трудѣ!“

ЛИЧНОЕ ДОСТОИНСТВО.

Ломоносовъ сказалъ:

„Кто родомъ хвалится, тотъ хвастаетъ чужимъ!“

Благородныя души помня всѣ похвальные дѣла и славные подвиги своихъ предковъ, стараются имъ подражать въ томъ, что отличало ихъ при жизни и доставило новую жизнь по смерти. „Такія души,“ говоритъ одинъ иностраннй писатель, „еще болѣе заслуживаютъ уваженія; ибо онѣ поддерживаютъ и славу предковъ своихъ и собственную свою славу.“

Мудрая Государыня Екатерина Вторая въ Запискахъ своихъ касательна Россійской Исторіи весьма справедливо пишетъ, что „не о томъ должно спорить, который народъ былъ слаще, но о томъ, который прежде прославился благонравіемъ и другими ду-

„шевными качествами.“ Тоже можно сказать и о каждомъ человѣкѣ. Кто спорилъ только о спаршинствѣ рода своего и не поддерживаетъ его ни умомъ, ни добродѣтелью, ни славою, тошъ хвалился чужимъ, а не своимъ достоинствомъ.

Одинъ Римлянинъ называлъ Цицерона, вышедшаго въ Консулы изъ простыхъ гражданъ, *новымъ человекомъ*. „Такъ,“ возразилъ Цицеронъ: „я новый человекъ; но я первый въ своемъ родѣ, а ты въ своемъ послѣдній.“ Цицеронъ говорилъ правду; но скромность запрещаетъ самого себя хвалить: пусть другіе отдають намъ справедливость. Однакоже Цицеронъ не чужою, а своею собственностію хвалился; впрочемъ извѣстно, что и сей великій Римлянинъ подверженъ былъ тщеславію.

Слава и истинное достоинство не умирають. Уже давно Ломоносова нѣтъ на свѣтѣ, но мы и теперь читаемъ въ вѣдомостяхъ, что въ родномъ его городѣ, Архангельскѣ, предположено воздвигнуть ему памятникъ.

СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ.

Сыновняя любовь живошворится своими мечпаніями, мечпаніями сладостными, которыя опца отсушсшвующаго дѣлають присутственнымъ и взрамъ и сердцу добраго сына. Какъ прелестно изображено сіе чувствованіе въ писмѣ *Мамелюка*, переселеннаго съ береговъ *Калиса* на берега рѣки *Сены*:

„Со времени моего отбѣзда,“ писалъ онъ къ другу своему, „каждый разъ, „когда звенящая мѣдь возвѣщала міру „исполинскій ходъ времени, я говорилъ „самому себѣ: *Что дѣлаетъ мой отецъ?* „Я то же повшорялъ, когда вечерняя „звѣзда призывала меня къ покою. Вѣрно „то же произносилъ и во снѣ; ибо при „восходѣ солнца сіи слова, вырывавшіяся изъ устъ моихъ, поражали мой слухъ, „не совсѣмъ еще пробужденный: еще не „отшывалось въ немъ пѣнія пшпцѣ, и „уже передавалъ онъ внимательному „моему сердцу: „*что дѣлаетъ твой „отецъ?* Вижу, вижу отсюда мѣсто, гдѣ „онъ гуляетъ; вижу пальму, священною „пѣнью своею защищающую величественную его главу отъ солнечнаго зноя; „воды *Калиса* спруятся у ногъ его!“

Не столь сладостны были мечпанія Ломоносова; но въ разлукѣ съ от-

цомъ сердце его не разспавалось съ нимъ ни на чужбинѣ, ни на родинѣ. Плы-
 вая моремъ въ Опечесство, онъ увидѣлъ во
 снѣ, что корабль отца его разбиѣнъ
 былъ кипящими волнами, а тѣло его
 выброшено не необитаемый островъ
 ледянаго моря, куда въ юности своей
 занесенъ онъ былъ бурей. И такъ жизнь
 Ломоносова была непрерывною юностью:
 въ молодости оставилъ онъ отца, и
 картина дней весеннихъ представила
 ему смерть его. Разумъ истощается;
 сердце не спарѣетъ.

Прибывъ на берега *Невы*, встрѣтилъ
 онъ брата своего и къ подтвержденію
 печальнаго предчувствія узналъ, что по
 вскрытіи водъ, отецъ его, по обыкнове-
 нію своему, отправился въ море на рыб-
 ный промыслъ, и что прошло уже четы-
 ре мѣсяца, а ни онъ и никто изъ его
 товарищей не возвратился. Въ смяте-
 ніи души своей, Ломоносовъ хотѣлъ оп-
 проситься въ опускъ и плыть къ ос-
 прову, видѣнному имъ во снѣ, и тамъ
 собственными руками предасть землѣ
 прахъ отцовскій. Обстоятельства не-
 вольно удержали его. Снабдивъ брата
 деньгами, онъ отправилъ его въ *Холмо-*
горы и усиленно просилъ, чтобъ убѣдиль
 рыбаковъ посѣпить злополучный ос-
 ровъ. „Пусть“ прибавилъ онъ, „пусть

„ищутъ они вездѣ тѣло отца моего и
„предадутъ землѣ.“

Прозьба сыновняя была исполнена. По разсказу Ломоносова, тѣло отца его найдено было на пустомъ островѣ и погребено. Отъ сей вѣсти глубокая скорбь, шавшаяся въ душѣ его, превратилась въ явную и неутолимую горестъ. Сія скорбь сердечная укѣковѣчивается вмѣстѣ съ произведеніями пера. Гробъ безчувственнаго писателя не привлекаетъ сердецъ; сынъ жестокосердый и при жизни какъ будто бы исчезаетъ. Прославившійся сшивотворческимъ искусствомъ *Жанъ-Баптистъ Руссо*, котораго Ломоносовъ перевелъ оду на *Счастіе*, былъ сыномъ ремесленника. Бѣдный отецъ, забытый имъ, услыша, что будетъ играть новую его комедію, подъ названіемъ: *Пышный или великолѣпный*, поспѣшилъ въ театръ, и услыша рукоплесканія, устремился къ сыну. Тщеславный сынъ отвергъ добраго отца. Вскорѣ за наглые спихи изгнанъ онъ былъ изъ Франціи. Въ надгробной его сказано, что „*тридцать лѣтъ достоинъ былъ* „*онъ зависти, а другіа тридцать лѣтъ* „*жалости.*“

Слава не рѣдко угасаетъ, а добродѣтель никогда. Любовь сыновняя есть вѣнецъ добродѣтели.

ОТРОЧЕСКІЯ ЛѢТА ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА.

„Утѣшно воспоминашь подѣ старость дѣшкн лѣта.“

И. И. Дми́тріевъ.

Сладостно, пріятно воспоминашь зарю жизни, проведенную подѣ роднымѣ кровомѣ. Сладостно воспоминашь нѣжностъ, любовь и заботы матери и отца! Сладостно воспоминашь все то, что голосъ ихѣ передавалъ сердцу и уму!

Такимѣ счастьемѣ наслаждался И. И. Дми́тріевъ. Первые наставленія слышалъ онѣ изѣ устѣ матери, и сей властительный голосъ любви изобразилъ попомѣ въ семѣ душевномѣ стихѣ:

„Гласъ матери всегда краснорѣчивѣ и силенѣ!“

И можетѣ ли искусственное краснорѣчіе дѣйствовать съ такою силою, съ какою владычествуетѣ надѣ сердцемѣ непринужденный голосъ любви материнской?

Нѣжная мать нашего Поэта любила опечеспвленную Словесностъ. Современниками ея были *Ломоносовѣ* и *Сумароковѣ*. Извѣстно, что тогда трагедіи сего послѣдняго извлекали слезы и поражали душу.

Память матери-наставницы обогащена была многими мѣстами изъ сочиненій Сумарокова, между прочимъ и Одою на побѣды Петра Перваго. Однажды, читая сію Оду наизусть, заставила переписывать ее старшаго сына; а младшій, Иванъ Ивановичъ, споялъ и ловилъ каждое слово памятью и сердцемъ. Стихи, произносимые устами матери, придаютъ всему новую жизнь.

Начало сей Оды:

„Быстры пѣсни соплетая,
Яко дерзостный орелъ.“

При семъ семейственномъ происшествіи юному питомцу матери въ первый разъ преобразовашель Россіи представился во всемъ величій славы своей. Ему казалось, что Петръ Первый и Великій ожилъ, когда уста матери произносили слѣдующіе стихи:

„Цесарь страшенъ былъ въ день брани,
Августъ покорилъ весь свѣтъ,
Въ Александру носятъ дани,
Гдѣ лишь мечъ его сверкнетъ.
Петръ природу премѣняетъ,
Новы души въ насъ влагаетъ;
Строитъ войско, входитъ въ портъ;
И во дни сея премѣны
Мещетъ пламень, рушитъ стѣны,
Гнетъ и движетъ горизонтъ.“

Въ сихъ стихахъ дѣйствительно
есть все то, что должно быть въ одѣ:
жизнь, огонь и движеніе.

Съ того уже времени возникшее
чувство стихотворства перенесило во-
ображеніе опрока-поэта на берега Финс-
каго залива, къ тому домику, который Ос-
нователь Пешербурга называлъ *своею от-
радою*; — къ тому домику, который
ПЕТРЪ

„Утѣшеніемъ нарекъ,

Въ память, что онъ шутъ судами

Грозными владѣлъ водами

И подыгнулъ глубину.“

Неявственное еще пробужденіе сти-
хотворческаго духа ощущалъ въ душѣ
своей писомецъ мащери: но другой слу-
чай открылъ ему, что онъ родился по-
этомъ.

Часто, весьма часто отецъ наше-
го Поэта въ кругу семейственномъ пере-
сказывалъ о знаменитыхъ современни-
кахъ и о событіяхъ, совершившихся при
Петрѣ Первомъ, и о всемъ томъ, что
переживаетъ и годы и вѣки. Слава оче-
щественная во всемъ сіяніи своемъ на-
печатлѣлась въ воображеніи опрока. Въ
одно утро отецъ читалъ вслухъ Оду
Ломоносова на взятіе *Хотина*. Восхи-
щеніе опрока постепенно умножалось;
но слѣдующія при строфы перенесли
его воображеніе за предѣлы видимаго

міра, въ очаровательную область меч-
таній:

„Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладѣющъ жилы, сердце ноешь.
Что бѣешь за странной шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воешь;
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная ошверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ;
Умышымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, Герой ошверзлся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Гошескимъ приплывалъ брегамъ;
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрой конь его скакалъ,
Когда онъ шѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ входящу къ намъ денницу.

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещущъ,
И, чувствуя приходъ Пешровъ,
Дубравы и поля шрепещущъ.
Кто съ нимъ столь грозно зрѣтъ на Югъ,
Одѣянъ спрашнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиришь спранъ Казанскихъ?

Каспійски воды! Сей при васъ
Селима гордаго пошрясь.“

Тутъ можно припомнить, что и *Лафонтенъ*, сей первый баснописецъ въ общей Словесности, при чтеніи *Оды* однимъ молодымъ военнымъ челоѣкомъ, почувствовалъ первое вдохновеніе стихотворческаго дарованія. Вотъ почему и не должно слишкомъ сердиться на *Оды*. Пареніе ихъ воспламеняетъ въ то время душу, когда мы болѣе чувствцемъ, нежели умствцемъ. А люди, рожденные къ величественнымъ вдохновеніямъ, рано начинающъ жить воображеніемъ и сердцемъ.

И такъ, подъ кровомъ домашнимъ родились въ душѣ нашего Поэта и жизнь сердечная и непреодолимое стремленіе увѣковѣчить имя свое на поприщѣ Словесности.

Всѣ почти сочиненія И. И. Дмитріева можно назвашъ принапоминаніями золотыхъ дней опроческихъ лѣтъ. Онъ возросъ на берегахъ величественной Волги; онъ внималъ изъ устъ отца своего о безсмертныхъ сынахъ Россіи; и всѣ сіи напоминанія въ неугасимомъ блескѣ оживилъ въ произведеніяхъ пера своего.

Въ подтвержденіе сего приведу стихи, начерпанные живошворною кистью Башюшкова. Вотъ сіи отголоски сердца Поэта, всегда говорящаго сердцамъ:

Ж

„Какъ часто Диншріевъ, расторгнувъ свѣш-
сны узы,

Водилъ насъ по слѣдамъ своей счастливой Музы,
Столь чистой, какъ струи царицы слѣзлыхъ водъ,
На коихъ въ первый разъ зрѣлъ солнечный восходъ
Пѣвецъ Сибирскаго Пизарра вдохновенный!
Такъ, свѣше нѣжною душою одаренный,
Пилъ, отъ юности до серебряныхъ вѣсовъ,
Лелѣвшъ въ памяти сраку своихъ опцовъ.“

Х.

ЧУВСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛО- ВИЧА КАРАМЗИНА КЪ ПАМЯТИ НѢЖ- НОЙ МАТЕРИ.

Первымъ воззрѣніемъ матери на
колыбель младенца, первою ея улыбкою,
первою ея ласкою освѣпляется шруд-
ный и столь часто шуманный путь
жизни; напоминаніе о сей животвори-
тельной любви остается, такъ ска-
зашъ, сладостнымъ *бытіемъ* *сердеч-
нымъ*. Въ горестяхъ, въ дальной спо-
ронѣ, вездѣ взоры и нѣжныя ласки ма-
тери бывають вѣрными и неразлучны-
ми спутниками мыслей нашихъ и души.

Н. М. Карамзинъ не насладился
ошрадами любви материнской; но съ
какою прелестію изобразилъ онъ сіе

чувствіе по внушенію своего сердца!
Вотъ сей голосъ незабвеннаго воспо-
минанія о матери:

„Ахъ! я не зналъ тебя!... Ты, давъ мнѣ жизнь,
сокрылась!

Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!

Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ судьбой:
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой.

Другіе на колѣняхъ

Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли;

А я въ печальныхъ тѣняхъ

Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,

На мохъ швоей могилы!

Но образъ твой священный, милый,

Въ груди моей напечатлѣнъ

И съ чувствомъ въ ней соединенъ!

Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство;

Твой духъ всегда со мной.

Невидимой рукой

Хранила ты мое безопытное дѣлство;

Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,

И совѣстью моею въ часъ слабостей была.

Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю

И въ вѣчности тебя узнаю! . . .“

Проходя обширное поприще Рос-
сійской Исторіи, Н. М. Карамзинъ луч-
шее отдохновеніе находилъ въ кругу
своего семейства. Вмѣстѣ съ попечи-
тельною супругою надзиралъ онъ надъ
воспитаніемъ дѣтей своихъ: каждый ве-

черѣ обозрѣвалъ уроки, преподаваемые учителями; каждый день наблюдалъ, въ чемъ успѣли его дѣти на поприщѣ ученія, или почему остановились. Такое воспитаніе есть вѣрный залогъ для сердца и ума; любовь отца-наставника запечатлѣвшись навсегда въ душахъ питомцевъ нашего Исторіографа.... Во всѣ дни жизни своей, на всѣхъ путяхъ существованія своего, они будутъ помнить, что голосъ вѣщающаго Русской славы училъ ихъ, какъ быть полезными Отечеству и обществу. Пусть перейдетъ къ нимъ въ наслѣдство та душевная благость, каторою украшалась вся жизнь незабвеннаго ихъ отца!

Душа его жила Отечествомъ и для Отечества. «Онъ любилъ Отечество, говорилъ Бапюшковъ, какъ Цицеронъ любилъ Римъ; онъ любилъ добродѣтель, какъ пламенный ея почитатель; и всегда во всѣхъ случаяхъ жизни остался вѣренъ своей благородной страсти.»

СУВОРОВЪ-НАСТАВНИКЪ ЮНЫХЪ ВОИНОВЪ

И ЛЮБИТЕЛЬ ВОСПИТАНІЯ.

Суворовъ, гремѣющій славою вездѣ, гдѣ уважаютъ ревностныхъ защитниковъ Отечества и искреннихъ друзей челоѣчества: Суворовъ не скрылъ съ собою въ гробъ правилъ своихъ. Мечемъ поражалъ онъ пѣхъ, которые отвлекали челоѣчество отъ вѣры и добродѣтели; перомъ передавалъ душу свою потомству.

Вотъ безсмертныя начертанія души его:

«По званію военныхъ людей внимайше прилжно въ сочиненія *Вобана, Когорна, Кюрасса, Гюбнера*; учипесь отчасши Богословіи, Физики и Нравственности. Внимательно читайше *Евгенія, Тюрена*, записки *Юлія Кесаря, Фридриха Второго*, первыя часты *Роленовой* Исторіи и мечтанія Графа де *Сакса*. Языки полезны для Словесности; упражняйшесь въ верховой ѣздѣ, въ шпажномъ искусствѣ и въ танцованіи.

«Военныя добродѣтели суть: отважность для солдата, храбрость для Офицера, мужество для Генерала. Вое-

начальникѣ, руководствуясь порядкомъ и устройствомъ, владычествующею съ помощію неусыпности и предусмотрѣнія.

«Будьте опкровенны съ друзьями, умѣренны въ нужномъ и безкорыстны въ поведеніи. Пламенѣйте усердіемъ къ службѣ Государя.

«Любите истинную славу; опличайте честлюбіе отъ надменности и гордости.

«Привыкайте заранѣе прощать погрѣшности другихъ, и не прощайте никогда себѣ своихъ погрѣшностей.

«Обучайте ревностно подчиненныхъ и давайте имъ примѣръ собою.

«Непреспанное упражненіе въ томъ, какъ все обнять однимъ взглядомъ, учинитъ васъ великими Полководцами. Умѣйте пользоваться мѣсположеніемъ.

«Будьте терпѣливы въ военныхъ трудахъ, не унывайте отъ неудачъ. Умѣйте предупреждать обстоятельство ложныя и сомнительныя; не предавайтесь безвременной запальчивости.

«Храните въ памяти своей имена великихъ людей и руководствуйтесь ими въ походахъ и дѣйствіяхъ своихъ съ благоразуміемъ; не презирайте никогда непріятеля, каковъ бы онъ ни былъ; спа-

райтесь узнать его оружіе и способъ, какъ онымъ дѣйствуетъ и сражается, изслѣдуйте силы и слабость его.

«Привыкайте къ дѣятельности неутомимой.

«Управляйте счастьемъ; одинъ мигъ доставляетъ побѣду. Покоряйте себѣ счастье быспрохотоу *Кесаря*, который умѣлъ уловлять непріателя своего даже днемъ, окружать его и нападать на него въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотѣлъ, и въ то время, когда желалъ; опрѣзывайте у него всякаго рода запасы, и увѣнчайтесь искусствомъ, чптобы войско ваше никогда не нуждалось въ продовольствіи.»

Похвально издавать полезныя правила ; еще похвальнѣе подтверждать ихъ примѣромъ своимъ. Суворовъ, любитель славы и побѣдъ, былъ самъ любителемъ воспитанія. Въ Полковничьемъ еще чинѣ, находясь съ полкомъ въ *Новой Ладогѣ*, онъ на собственное издѣніе учредилъ училище для десяти бѣдныхъ дворянъ. Славу не рѣдко оспариваютъ, но любовь, пріобрѣтенная любовью, остается въ сердцахъ. Жители *Новой Ладogi* отдали сердца свои не Герою *Италійскому*, но Суворову, другу добра. Въ *Новой Ладогѣ* существуетъ церковь, сооруженная Суворовымъ.

Болѣ сорока семи лѣтъ уже минуло со времени созиданія сей церкви, но обыватели помнятъ, что она сооружена и богато украшена внупри дарами, принесенными усердіемъ созидателя. Говорятъ, что граждане *Новой Ладogi* при сей церкви намѣрены устроить кладбище въ память Героя *Рымникскаго* и *Италійскаго*. Можно было бы въ томъ же городѣ учредить училище для бѣдныхъ и называть оное: *Училищемъ Суворовскимъ*. Одна сія надпись свидѣтельствовала бы, что слава Суворова всегда нераздѣльна была съ усердіемъ къ добру.

Пріятно также припомнить, что Суворовъ по добротѣ своего сердца, какъ будто бы породнился съ обывателями *Новой Ладogi*. Хотя старинная пословица и говоритъ, что *погести перемѣняютъ нравы*; но душа Суворова была выше сей перемѣны. 1788 года, то есть, въ то время, когда уже имя Героя гремѣло въ полкахъ Русскихъ, проѣзжая черезъ *Новую Ладogu* вмѣстѣ съ дочерью своей, онъ остановился въ домѣ стариннаго своего знакома, купца Ефрема Ивановича *Шарова*. Уважая его добродѣтели, Герой приказалъ и дочери своей и всѣмъ бывшимъ съ нимъ называть Ефрема Ивановича *дѣдушкою*.

Сіе названіе выговаривалъ онъ съ тою искреннею ласкою, которая въ Героеъ заставляла забывать Героя и показывала друга людей и добродѣтели. «Да удалятся отъ насъ, сказалъ одинъ знаменитый вишій: да удалятся отъ насъ Герои, не-любители человѣчества!» И мы то же повторимъ. Но съ Суворовымъ неразлучны были и слава и добродѣтель. Благость есть вѣнецъ славы; сей вѣнецъ принадлежалъ Герою Римникскому и Италійскому. Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1791 года, Герой нашъ сказалъ: *я живу въ непрестанной мечтѣ*. По влеченію сей мечты, онъ часто посѣщалъ *Старцѹ Ладогѹ*, гдѣ, взирая на развалины Рурикова замка, размышлялъ подобно *Оссіянѹ*, любимому его Поэту, что «все создаваемое руками человѣческими зароспаеиъ мохомъ пустыннымъ и блескъ земной славы исчезаеиъ какъ призракъ, мелькнувшій въ пространствахъ воздушныхъ.» Но добро не умираеиъ. Воспоминая о Героеъ нашемъ, мы воспоминаемъ и о той добродѣтели, которою привлекалъ онъ сердца и осѣнилъ въ нихъ память незабвенную, память благодарности къ другу человѣчества.

ХІІ.

ОБНОВЛЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ Боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву.

Гробница Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева обновлена послѣ 1812 года Графомъ Н. П. Румянцовымъ, правнукомъ его.

Одна изъ дочерей Андрея Артемоновича, сына сего знаменитаго Боярина, была въ супружествѣ за ошцемъ Графа Румянцова *Задунайскаго*; другая за Княземъ Васильемъ Ивановичемъ Мещерскимъ, прешія за Д. А. Шепелевымъ.

Всѣ главныя черты исторіи о невинномъ заключеніи и жизни Боярина Матвѣева переданы были Княземъ Василиемъ Ивановичемъ Мещерскимъ Н. И. Новикову. Издатель посвящая сію Исторію Графу Румянцову *Задунайскому*, говоритъ; «Издавая въ свѣтъ Исторію о невинномъ започеніи ближняго Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, не могъ я никому посвящать ее приспойнѣ, кромѣ Вашего Сіятельства, его правнука и преемника всѣхъ его добродѣтелей.»

«Бояринъ Аршемонъ Сергѣевичъ, продолжаетъ Издапель его Историі: до-стоинъ общаго прославленія за то, что въ теченіе всей своей жизни споспѣ-шествовалъ къ благу Государства, и на-конецъ, спасая Государя и Опечество, запечатлѣлъ заслуги свои кровію.»

Въ сихъ крапкихъ и разительныхъ словахъ изображена вся жизнь Боярина Матвѣева: онъ жилъ для Опечества и умеръ за Опечество.

Франція славилась тѣмъ, что Ко-роль Генрихъ IV имѣлъ друга въ Минис-трѣ своемъ *Сюлли*: а мы утвердительно можемъ сказать, что сія рѣдкая сла-ва принадлежитъ Царю Алексѣю Михай-ловичу и ближнему его Боярину Арше-мону Сергѣевичу Матвѣеву. Сей Бо-яринъ дѣйствительно былъ *близокъ* къ нему и по сердцу и по заслугамъ.

Чѣмъ же знаменитый нашъ Боя-ринъ снискалъ любовь Царскую? Трудомъ неутомимыми, вѣрностію къ Пре-сполу, безпредѣльною любовію къ Опечеству, милосердіемъ къ народу, правосудіемъ, мудросію въ дѣлахъ полити-ческихъ и военныхъ.

Честъ и слава тѣмъ потомкамъ, которые сохраняютъ подробности о славѣ предковъ своихъ. Сею славою увѣнчался Князь Василій Ивановичъ Ме-щерской: онъ сохранилъ для насъ пись-

мо Царя Алексѣя Михайловича, отправленное къ Боярину Матвѣеву, когда онъ находился съ войсками подъ Смоленскомъ.

Вопрь сие достопамятное письмо: «Другъ мой, Арсѣмонъ Сергѣевичъ! прѣзжай къ намъ поскорѣе. Дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли; за ними нѣкому присмотрѣть, а мнѣ безъ тебя посо- вѣтоваться не съ кѣмъ.»

Этотъ письмо напоминаетъ о письмѣ Филиппа Царя Македонскаго, препровожденнаго къ Аѳинскому Философу *Аристотелю*. «Не за то, писалъ Филиппъ, благодарю я боговъ, что они дали мнѣ сына Александра; но за то, что они дали мнѣ его при жизни Аристо- шеля.»

И такъ уваженіе къ благоразумнымъ наставникамъ существовало во всѣ времена. Жизнь нравственная есть вѣчная жизнь, утверждающая достоинство человека.

Незабвенное свидѣтельство любви народной къ Боярину Матвѣеву сохранено намъ также Внукомъ его, Княземъ Василиемъ Ивановичемъ Мещерскимъ. Сія любовь народная ознаменовалась торжественно при слѣдующемъ случаѣ.

У ближняго Царскаго Боярина былъ тихій, небольшой и ветхій домъ въ приходѣ Никола въ *Столпахъ*, между Мяс-

ницкою и Покровкою. Царь неоднократно убѣждалъ Матвѣева, чтобы онъ на его счетъ перестроилъ домъ, но Русской Бояринъ, не стараясь обременять себя милостями Государя и друга своего, опъзывался, что когда исправится съ деньгами, то самъ приступитъ къ поновленію дома. Матвѣевъ въ самомъ дѣлѣ заготовилъ запасы; не доставало только камней на основаніе. Любовь народная догадлива и услужлива. Стрѣльцы и обыватели Московскіе съ гробовъ своихъ опцевъ привезли камни къ благодушному Боярину и сказали: «Мы привезли къ тебѣ камни съ гробовъ опцевъ и предковъ нашихъ; денегъ намъ не надобно: даримъ тебя, нашего благодушеля.»

Матвѣевъ о семъ поступкѣ немедленно извѣстилъ Царя; Царь отвѣчалъ: «Прими, мой другъ! сей подарокъ отъ народа. Видно, что онъ усердно тебя любитъ: онъ обнажилъ для тебя гробы своихъ опцевъ. Такой подарокъ и я бы принялъ.»

И такъ, сколь священъ гробъ того Россіянина, для котораго любовь народная обнажила гробы прародительскіе! Бояринъ Матвѣевъ *селе* лѣтъ спрадалъ отъ клеветниковъ и враговъ, уловившихъ въ сѣти свои добродушіе

юнаго Θεодора. Онъ былъ сосланъ и лишенъ всѣхъ почестей безъ суда. Вторая супруга Царя Θεодора Алексѣевича, Царица Марѳа Матвѣевна, изъ рода Апраксинахъ, вступилась за невиннаго спрдальца. Θεодоръ изрекъ прощеніе, но умеръ, не дождавшись друга отца своего.

При ^твоцареніи Пешра и Нашалии, Спольникъ Алмазовъ посланъ былъ къ Матвѣеву, чіобы онъ поспѣшилъ въ Москву. Напрошивъ того ошговаривалъ Матвѣева отъ побѣдки въ престольный градъ, извѣщая, что ему предспоитъ неизбѣжная погибель отъ ненависти враговъ его. «Побѣду въ градъ престольный, возразилъ Матвѣевъ: претружденныя очи мои отъ старости и спраданія увидятъ Царя и Царицу. Радъ и гошовъ умереть за Царя и Ошечество.»

Матвѣеву все было возвращено: и Боярство и имущество. «Но, прибавляеть Лѣтопись: неиспытанныя Божіи судьбы, уму человѣческому непоспижимая, опредѣлили Матвѣеву прожитъ шолько три дни (*).» Въ день 15 Маія 1682 года, яростнымъ и жестокиѣмъ стремленіемъ спрѣльцовъ изторгнувъ

(*) Смол. Лѣтопись, стр. 421.

онѣ былѣ изъ рукѣ Царскихѣ, брошенѣ на площадь отъ стороны Собора *Благоговѣщенскаго* и изрубленѣ при звукѣ великаго Кремлевскаго набата и при непрестанномѣ боѣ барабанномѣ.

Скорбя о срадальческой смерти Матвѣева, современники его говорили: «Блаженны шѣ, кошорыхѣ поносяшѣ и преслѣдуюшѣ: ибо награда ихѣ на небесахѣ. Нечеспивые исчезнушѣ до конца (*).» Изчезли враги и убійцы Матвѣева, а имя его живешѣ и въ Лѣпописяхѣ Отечественныхѣ и въ сердцахѣ Россіянѣ.

ХІІІ

СТЕПАНЪ ЮРЬЕВИЧЪ ХРАПОВИЦКІЙ.

Сей Русскій Дворянинѣ и помѣщикѣ Смоленской, подобно Суворову, одушевлялся усердіемѣ къ воспитанію бѣдныхѣ Дворянѣ. Вышедѣ въ опсшавку, онѣ посвящилѣ себя подвигамѣ добра и челоувѣколюбія. На собственномѣ его иждивеніи воспитывались нѣсколько бѣдныхѣ дѣтей дворянскихѣ. Доспавя

(*) Лѣпописѣ.

имѣ учене , нужное для службы военной, онѣ съ опцовскою заботливостію старался обѣ опредѣленіи ихѣ. Но и всупленіе ихѣ въ службу не прекращало сношенія его съ ними. Каждый изѣ сихѣ пипомцевѣ во всѣхѣ своихѣ нуждахѣ имѣлъ право къ нему опноситься , и онѣ всегда помогалѣ имѣ гошовою рукою и гошовымѣ сердцемѣ.

Не нужно говорить , что Степанѣ Юрьевичѣ былѣ опцемѣ крестьянѣ, копорыхѣ почишалѣ дѣшми, ввѣренными ему Провидѣніемѣ. Не прибѣгая ни къ какимѣ нововымышляемымѣ средствамѣ къ обогащенію, онѣ полагалѣ земледѣліе основаніемѣ сельскаго хозяйства. Поля, нивы и селенія его процвѣтали изобиліемѣ.

Счастливиѣ шопѣ, кто дѣлится съ другими дарами счастья! Давно уже нѣшѣ въ семѣ мѣрѣ благодѣтеля бѣдныхѣ, но имя его живешѣ въ сердцахѣ, любящихѣ добродѣтель.

ОБОЗРѢНІЕ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА РЕ- КЕТМЕЙСТЕРА АРКАДІЯ ИВАНОВИЧА ТЕРСКАГО.

Полководцы защищаютъ Опечесство отъ внѣшнихъ и внутреннихъ нападеній враговъ; Государственные Чиновники оберегаютъ душу Опечесства; душу, заключающуюся въ правосудіи, порядкѣ, въ пожертвованіи собою пользамъ общественнымъ; наконецъ, животворимую тѣмъ *добросердечіемъ*, безъ котораго всѣ качества Государственныхъ Чиновниковъ какъ будто бы для нихъ только сущесвуютъ. Не всѣхъ просителей можно удовлетворить; но каждого можно утѣшить ласкою и привѣтливостію. Слова искренняго доброжелательства переселяются въ души людей, прибѣгающихъ къ покровительству распорядителей ихъ жребія. Симъ крошкимъ голосомъ Чиновникъ Государственный можетъ осушить слезы вдовъ и сиротъ; примирить съ надеждою бѣдныхъ опцевъ и махерей; разсѣять мракъ ихъ скорби на день, на два, на нѣсколько дней. А и сего уже иногда довольно въ сей жизни скоропечной, гдѣ слабый и сильный,—гдѣ всѣ на шагъ отъ темной мо-

гилы, приѣмлющей въ нѣдра свои и покровишелей и просишелей.

„Торопись дѣлать добро не завтра, но нынѣ!“

Такъ говорилъ великій Полководецъ Суворовъ; такому же слѣдовалъ правилу современникъ и искренній его почитатель Государственный Чиновникъ Аркадій Ивановичъ Терскій, *ходатай за угнѣсненныхъ* въ царствованіе Екатерины Второй, сей милосердой матери народа.

Добросердечіе есть основаніе всѣхъ превосходныхъ качествъ людей Государственныхъ : *добросердечіемъ* украшались всѣ дѣянія *Терскаго*, споявшаго на неусыпной стражѣ къ защитѣ слабыхъ и невинныхъ.

Жизнь Терскаго не обильна необычайными произшествіями ; мирно прошекали дни его, посвященные Опеческу и Пресполу. Безмятежными путями переходилъ онъ отъ одного званія къ другому: и каждый переходъ его службы ознаменовывался новыми заслугами. Мирная его жизнь сопровождалась долголѣтіемъ, извѣляющимъ, что не упражненія, но порывистыя спраси преждевременно изнуряють жизнь человѣческую.

Аркадій Ивановичъ Терскій родился 1732 года, вступилъ въ службу 1744, вышелъ въ отставку 1796, а умеръ 1815 го-

да. Сіе одно изложеніе лѣтъ показываетъ, какихъ многообразныхъ и необычайныхъ произшествій былъ онъ свидѣтелемъ! Переходя различныя степени служенія, онъ увѣнчался и новыми наградами, всегда ожидающими въ Россіи ревностныхъ, посюянныхъ и праводушныхъ Чиновниковъ. Въ Опечествѣ нашемъ *порода* не преграждаетъ пушей ни къ чему: личныя достоинства и заслуги ведутъ ко всѣмъ преимуществамъ. Смѣло можно сказать, что ни въ одномъ изъ такъ называемыхъ *воленыхъ правительствъ* не существовало такихъ преимуществъ, приобретаемыхъ личными заслугами, какъ въ Россіи. Славенъ былъ въ древнемъ Римѣ *Цицеронъ*; его именовали *отцемъ отечества* и *краснорѣчія*; но гордые Римскіе Вельможи, жившіе въ республикѣ, не могли забыть, что Цицеронъ происходилъ не изъ дворянскаго поколѣнія. Въ Россіи все замѣняется истинными и личными достоинствами. Обладающій оными становится на ряду съ древними дворянскими родами, въ число которыхъ включается онъ Успавами Самодержавной власти, взирающей не на лица, но на достоинства и на заслуги Опечеству.

Слѣдующая грамота, данная Терскому 1783 года, непреложно о томъ свидѣтельствуетъ.

„Объявляемъ всѣмъ вообще и каждому особливо чрезъ сію Нашу жалованную грамоту, вѣщаетъ Великая Екатерина: что хотя Мы по Самодержавной отъ Всемогущаго Бога Намъ данной Императорской власти и по природной Нашей милости и щедрости всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ честь, пользу и приращеніе Семилюбовѣише всегда защищать и поспѣшествовать имъ желаемъ, однакожъ наипаче къ тому склонны, чтобъ тѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ и ихъ роды честью, достоинствомъ, такожъ и особливою Нашею милостию по ихъ состоянію награждать, повышать и надлежащими преимуществами жаловать, во оныхъ подтверждать, которые по всегдашней своей къ службѣ Нашей ревности Намъ и государству Нашему особливия предъ прочими услуги и вѣрность показывающъ.

„А извѣстно Намъ, что Нашъ вѣрнопоподанный Дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ, правящій должность Генералъ-Рекетмейстера и Кавалеръ Ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра шрешней степени Аркадій Терскій въ службу вступилъ въ 1744 году, въ 1758 году по опредѣленію Сената Нашего, написанъ въ Дворянской списокъ и пожалованъ Коллегіи-юнке-

ромъ, въ 1760 Коллежскимъ Секретаремъ, въ 1763 Секретаремъ Капитанскаго чина, въ 1765 Сенапскимъ Секретаремъ, въ 1769 Надворнымъ Совѣшникомъ, въ 1775 Сенапа Оберъ-Секретаремъ, въ 1780 опредѣленъ въ должность Генералъ-Рекетмейстера и пожалованъ Спашскимъ Совѣшникомъ, въ 1784 году Дѣйствительнымъ Спашскимъ Совѣшникомъ и во всю его продолжаемую службу оказывалъ шщаніе, шрудолубіе и прилѣжность, за что Мы въ знакъ Нашего къ нему благоволенія въ 1783 году 22 Сентября пожаловали и Орденомъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра второй степени; но какъ онъ на дворянское достоинство пожалованной грамоты и герба не имѣетъ, то Мы, въ воздаяніе ревностныхъ его Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣшника и Кавалера Терскаго заслугъ, такожъ и по Нашей Императорской склонности и щедрости, кошорую Мы для награжденія добродѣтелей ко всѣмъ Нашимъ подданнымъ имѣемъ и по дарованной Намъ отъ Всемогущаго Бога Самодержавной власти, Всемилоштивѣйше соизволили помянушаго Нашего Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣшника и Кавалера Аркадія Терскаго въ вѣчныя времена, въ честь и достоинство Нашей Имперіи Дворянства, равно обрѣшающемуся въ

Нашей Всероссійской Имперіи, царстввахъ, княжестввахъ и земляхъ прочему дворянству возвести, поспановишь, пожаловашъ и подпвердишь, яко же Мы симъ и силою сего его Терскаго въ вѣчныя времена въ честь и достоинство Нашей Имперіи Дворянства, возводимъ, поспановляемъ и жалуемъ, и въ число прочаго Всероссійской Имперіи дворянства такимъ образомъ включаемъ, чшобъ ему и потомству его по нисходящей линіи въ вѣчныя времена всѣми шѣми вольностыми, честью и преимуществомъ пользоваться, кошорыми и другіе Нашей Всероссійской Имперіи дворяне по Нашимъ правамъ, учрежденіямъ и обыкновеніямъ пользуются.“

Съ 1780 года въ званіи Генералъ-Рекешмейстера или *ходатая* за *чтбсненныхъ*, Терскій учинился по своей часпи неусыпнымъ соприудникомъ Екатерины Вшорой, о кошорой Ломоносовъ сказалъ:

„Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чшимъ спѣною подвиговъ швой;
Твой разумъ наше просвѣщенье,
И неусыпность намъ поной.“

При первомъ извѣстіи о жребіи припѣсненныхъ или почилавшихъ себя шаковыми, Терскій немедленно вышребывалъ дѣло и занимался изслѣдованіемъ онаго съ Машерью народа.

ЕКАТЕРИНА, научавшая Государей царствовать; ЕКАТЕРИНА, знакомая со славою Героевъ: сія незабвенная Царица и на поприщѣ защиты правоты и невинности, подавала примѣръ своему *Рекетмейстеру* и какъ будто бы спорила съ нимъ въ неусыпности сего труда. Собственноручныя ея записки къ Терскому служатъ тому доказательствомъ. Однажды писала она къ нему:

„Возвращише ко мнѣ экстракты мои, кои я вамъ отдала при заготовленныхъ Указахъ, кои вы вчерашній день возвращенно вручили, и прикажише для меня списать: опредѣленіе Военнаго Департамента по дѣлу Чевкиныхъ; оно мнѣ нужно при моей работѣ.“

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова въ Іюль 1793 года, писала къ нему: „М. Г. Аркадій Ивановичъ! По дружескому и милосердивому вашему обещанію дать мнѣ наставленіе, извините, ежели я симъ Ваше Превосходительство запрудняю, включая при семъ двѣ копіи, кои я достала съ производимыхъ дѣлъ. 1-я О деньгахъ, коими мнѣ *Юрсевицъ*, по Бѣлорускимъ моимъ деревнямъ должнымъ состоятъ. Великодушная Государыня не желаетъ того, чтобы частной человѣкъ терялъ безъ

винно собственность свою. 2-я По записи Настасьи Михайловны о слободѣ Чернявкѣ. Я полагаюсь во всемъ на совершенное ваше знаніе въ законахъ и разумѣ вашъ. Покорнѣйше прошу здѣлать одолженіе, рассмотреть оныя и приказать написать ваши примѣчанія или лучше сказать ваши мнѣ предписанія, что мнѣ въ семъ случаѣ дѣлать: опозваться ли въ Сенатъ, или просить Ея Величество чрезъ васъ, какъ Генералъ-Рекешмейстера?“—

За годъ до кончины своей Императрица Екатерина пожаловала Терскому шесть сотъ душъ въ Бѣлорускомъ краю.

Съ заслугами ревностнаго чиновника соединялись всѣ награды, не къ поощренію его къ трудамъ, ибо труды сіи одушевлялись содѣйствіемъ Екатерины; но къ засвидѣтельствованію, что полезный и неуспянный трудъ достоинъ все приобрести.

Не спало Екатерины Впорою. Сынъ Ея, Павелъ Первый, уважая службу и труды Терскаго, наградиъ его Орденомъ первой степени С. Анны.

Терскій вышелъ въ отставку съ сладостными напоминаніями о томъ, что былъ ходашаемъ за утѣсненныхъ. И съ какимъ наслажденіемъ представлялъ онъ себѣ тѣ часы, когда отиралъ

слезы злополучныхъ , когда защищалъ правоту , когда подкрѣплялъ невинность! Сіи несравненныя минуны составляютъ *второе бытіе* друга правоты и защитника утѣсненныхъ. Быстро улетаютъ шумныя утѣхи; прищупляются даже и чувствованія, поселяемые въ сердцахъ громомъ военной славы, естли сія слава не сопровождается добродѣтелью. Но ничто не можетъ ослабить въ душѣ безмятежныхъ напоминаній о добрѣ.

АНЕКДОТЫ О ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ (*).

Въ краткомъ обзорѣннѣ жизни Генерала-Рекешмейстера Терскаго, мы видѣли изъ собственноручныхъ записокъ Екатерины Второй, что сія мать народа нерѣдко требовала *экстрактовъ* изъ дѣлъ, у него находившихся. Кромѣ сихъ безсрочно насылаемыхъ преобаній, Терскому назначены были два докладные дни въ недѣлю.

Однажды по выслушаніи докладовъ, Императрица сказала Терскому: „Никита Ивановичъ (**) подалъ мнѣ списокъ о содержащихся за долги. Я что-то худо вѣрю, подлинно ли состоятъ на лицѣ всѣ поименованные въ списокъ, и нѣтъ ли распущенныхъ по домамъ?“—Возможно ли, Всемилоспивѣйшая Государыня! опивѣчалъ Терскій. Не только Оберъ-Полицейстеръ, да и никто не отважился докладывать Вамъ ложно.—

(*) Сія анекдоты сообщены Издашело семействомъ покойнаго Генералъ-Рекешмейстера. Все то, что относится къ памяти благодѣтельныхъ нашихъ ГОСУДАРЕЙ, все то есть сокровище Отечественное. Малѣйшія подробности, извѣвляющія ихъ душу, для насъ драгоцѣнны.

(**) Рылеевъ, тогдашній С. Пешербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ.

„На эштоѣ разѣ, возрази́ла Екктерина, Я тебѣ докажу, что Я дѣйстви́тельно не ошибаюсь въ моей догадкѣ. Возьми списокъ, отпра́вься самъ въ тюремной замо́къ и по́вѣрь по списку содержащихъ въ ономъ за долги.“ Терскій немедленно поспѣшилъ къ Оберъ-Полицеймейстеру и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ замо́къ. Начинается перекличка; сперва слышно откликаніе; но вскорѣ при провозглашеніи другихъ именъ, храни́ся глубокое молчаніе. Не оказалось на лицѣ пѣнадцати *арестантовъ*. Терскій и Рылеевъ ужаснулись и изумились. Оберъ-Полицеймейстеръ съ грозными словами оборотился къ смо́тришелю: „Гдѣ арестанты? ты вѣрно распустилъ ихъ по домамъ: какъ смѣлъ ты это сдѣлать?“ — Ваше Превосходительство! опѣвчалъ смо́тришель: они содержались за долги; извольте справиться о томъ по книгѣ. Сего́дни рано на разсвѣтѣ пришелъ Архіерейскій служка, внесъ за каждаго деньги отъ имени неизвѣстнаго и арестанты получили свободу, — Оба усердные чиновники возра́нулись къ Екктеринѣ. “ Милосердая Государыня, искупившая заключенныхъ, встрѣтила ихъ съ улыбкою. „Что же? сказала она Терскому, правду ли я говорила?“ — Генералъ-Рекешмейстеръ, привыкшій угадывать благошворительные подвиги чело-

въколюбивой Екатерины, отвѣчалъ: „Вы правы, Государыня! милосѣ и чело- въколюбіе опверзли имѣ двери. А кто просперѣ къ нимѣ благодѣшельную дес- ницу, эѣо извѣспнѣ всего Вашему Ве- личесѣву.“ Вы любите соблюдать Еван- гельское правило: *да не вѣствѣ твоя шѣйца, то творитѣ твоя десница.*

СНИСХОЖДЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Попечительные наши ГОСУДАРИ привыкли рано просыпаться для охраненія общественнаго благоденствія. Нѣкопоре извѣ нихѣ даже и зарю упреннюю предупреждали. Забошливая м а ш е р ь Опечесѣва, Екатерина Вторая, так- же рано пробуждалась. Въ одно упрое вѣшавѣ, когда еще всѣ спали, и не желая никого пошревожипѣ, пошла прямо въ кабинетѣ, положила дрова въ каминѣ и запопила онѣй. Вдругъ извѣ шрубы раздался звучный голосѣ: *потѣши! по- тѣши!* Екатерина потчасѣ погасила огонь. То былѣ голосѣ шрубочисѣа, занимавшагося своимѣ дѣломѣ. Вскорѣ потомѣ прибылѣ сѣ бумагами Алек- сандрѣ Андреевичѣ Безбородко. Императ- рица сѣ обыкновенною своею ласкою

разказала ушреннее приключеніе и прибавила: „хотя я немного и испугалась; но хвалю шрубочиспа: онъ исправенъ въ своей должності.“

Вотъ другой примѣръ ея снисхожденія. Въ одно ушро, когда Екатерина слушала докладъ Генералъ-Рекешмейстера, парикмахеръ ея Н. С. Козловъ убиралъ ея волосы. Почувствовавъ, что волосы ея неоспорочно захвачены гребенкою, Государыня сказала: *болсно!* разза два парикмахеръ такой же подвергся опрометчивости, и Екатерина повторила то же восклицаніе. Наконецъ оборотясь къ Козлову, сказала: *развѣ ты меня думаешь разсердить? но не разсердишь.*

Смотря въ окно изъ ермишажа, Екатерина замѣтила, что изъ кухни отважные шалуны раннею порою нагружали на шелегу свѣспные запасы, надѣясь, что въ такое время шалость сойдесть имъ съ рукъ. У Русскихъ Государей глаза зоркіе, а сердца милосердыя. Екатерина шомъ часъ послала сказать: „Свѣзжайте скорѣе съ двора; а то если Гофмаршалъ увидитъ, то вамъ худо будетъ.“ Такой урокъ стоить наказанія.

ВЕЛИКОДУШНОЕ БЕЗПРИСТРАСТІЕ ЕКАТЕРИНЫ.

Однажды выслушавъ различные доклады, Государыня спросила у Генералъ-Рекешмейстера: Нѣтъ ли еще какого дѣла?—Есть, Всемилоспивѣйшая Государыня! отвѣчалъ Терской: и дѣло сіе особенной важности. Не соблаговолишь ли приказашъ оное пересмотрѣшь какому другому Чиновнику и представить Вамъ выписку?—„А почему это такъ? возразила Екатерина.“—Спорющіеся, Государыня! два сильныя лица; могушъ укорить меня въ пристрастіи, —а вѣроятно, что спанушъ и досадовать.—Послушай, отвѣчала Екатерина, что я тебѣ на это скажу: *не бойся лица сильнаго, да не даши отвѣта сильнѣйшему.*

ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Терскій пришелъ къ Екатеринѣ съ докладами, когда она причесывалась. „Не прогнѣвайся! сказала она: я слушаю буду; а ты садись и чишай.“ Терскій хотѣлъ чишать стоя. „Императрица повторила: *садись!* Генералъ-Ре-

кепмейстеръ повиновался и началъ чинать: въ такомъ-то году, такого-то числа, такого-то мѣсяца, такая-то въ поданномъ прошеніи прописывается, то мать ея не жалуетъ ее.... Остановись, прервала Екатерина вспавъ со стула и ударивъ Терскаго по плечу: остановись! дѣло рѣшено!“ Генералъ-Рекетмейстеръ съ удивленіемъ прекратилъ чтеніе. „Чему ты удивляешься? продолжала Екатерина: такъ! дѣло рѣшено. Просишельницѣ отказать; а дѣло я тебѣ перескажу. Вѣрно мать просишельницы мимо дочери опдала кому другому имѣніе?—Точно такъ, Всемилоспивѣйшая Государыня! отвѣчалъ Терскій.—„Еслибъ она искала въ матери, прибавила Екатерина: ей бы лучше было. Не потерплю такого вреднаго примѣра, или дѣши потеряють къ родителемъ уваженіе и покорность, отъ чего избавь насъ Боже!“

УВАЖЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ КЪ ЗАСЛУГАМЪ.

Старость, слабое зрѣніе и болѣзнь, оказавшаяся въ ногахъ, заставили Терскаго просить у Государыни увольненія отъ службы. „Послужимъ еще вмѣс-

пѣ: отвѣчала ЕКАТЕРИНА; я и сама часто хвораю. Я къ тебѣ привыкла; а снова привыкать тяжело. Въ выборѣ можно ошибиться: и я человекъ: по болѣзни же ногъ твоихъ прїѣзжай ко мнѣ въ теплыхъ сапогахъ.“ Какое милосердіе и какое вниманіе!

Такимъ образомъ благодѣтельные Рускіе Государи пекутся о всемъ томъ, что относится къ усерднымъ служителямъ Престола и Опечества.

ДОВѢРЕННОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ.

Въ одинъ праздничный день Терскій получилъ отъ Императрицы изъ Царскаго Села повелѣніе взявъ немедленно изъ Сенаша такое-то дѣло и учиня изъ онаго выписку, представивъ ей для слушанія. Генералъ-Рекешмейстеръ все исполнилъ по предписанію ЕКАТЕРИНЫ. Во всякое время зависъ, недоброхотство и тому подобное старающагося надо всѣмъ подыскиваться. По случаю взятія дѣла изъ Сенаша, подали Государынѣ докладъ, будто бы Генералъ-Рекешмейстеръ пересступилъ за предѣлы обязанностей своихъ: ибо бумаги были размешаны и даже нѣкоторыя шкапы приведены въ неусройство. На

семѣ докладѣ Екатерина собсвпенною рукою надписала: „кто службою своею при мнѣ слишкомъ зѡ лѣтъ ни малѣйшаго не подалѣ ни въ чемъ на себя подозрѣнія, то на такого всякое подозрѣніе не у мѣста.“

Милость Монаршая.

Въ поднесенномъ отъ Сенапа докладѣ къ Новому году, между прочимъ представлено было о Генералѣ-Рекешмейстерѣ, чтобы по упразднившемся мѣсту въ Московскомъ Сенапѣ, перевести его труда за дѣятельную службу съ повышеніемъ чина. Екатерина произвела Терскаго въ Тайные Совѣтники, наградила Орденомъ второй степени Владиміра и оставила его при прежней его должности.

Съ такою материнскою нѣжносью награждала Екатерина ревностныхъ своихъ чиновниковъ. Служа при столь милосердой Государынѣ, Терской забылъ и старость и болѣзни, и желалъ

единственно неусыпностью своей доказашь, что онъ не сполько помышлялъ о жизни, сколько о службѣ своей. Благослѣ Государей навсегда запечатлѣвается въ сердцахъ подданныхъ. Современники Петра Перваго, лишась его, говорили: *блаженны тѣ оти, которыя зрѣли сего Монарха!* Таковую же память о себѣ оставила и Екатерина. Вспоря въ душахъ своихъ современниковъ. Бесѣдовавъ о Ея славѣ, о Ея любви къ народу и о Ея благотворныхъ дѣяніяхъ, сославляло новое существованіе для всѣхъ ея чиновниковъ. Съ такими чувствованіями жилъ и кончилъ долготѣйшее свое поприще Аркадій Ивановичъ Терскій, личными заслугами достигшій отличныхъ степеней, ревностью и правотою заслужившій довѣренность Императрицы и оставившій по себѣ напоминаніе, сопровождаемое общимъ уваженіемъ всѣхъ цѣнителей истинныхъ заслугъ и любителей Отечественной славы.

Мы уже видѣли, что полученіемъ жалованной грамоты за личныя заслуги, за ревность къ Престолу и за раченіе о пользѣ общей, ознаменовались преимуществами предковъ Генераль-Рекетмейстера и навсегда утвердились права его потомковъ. По рожденію своему

Аркадій Ивановичъ Терскій и до грамоты находился въ спискѣ дворянскомѣ. Но повторимъ еще: онъ исполнилъ священное обязательство, относящееся къ каждому Русскому дворянину; обязательство, состоящее въ томъ, чтобы ревностно проходя поприще служенія, сохраняя честь имени предковъ и оставивъ въ примѣръ потомкамъ дѣянія, одушевляющія къ любви и славѣ Опечесства. Генералъ-Рекешмейстеръ совершилъ сію сугубую обязанность. Онъ былъ стариннымъ дворяниномъ по роду, заслуженнымъ по грамотѣ, словомъ, истиннымъ Русскимъ дворяниномъ по душевному рвенію къ пользамъ Престола и Опечесства.

XVI.
ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА СУВОРОВА
КЪ ГРАФУ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ
ПАНИНУ.

Долгъ къ Императорской службѣ
столь обширенъ, что всякой другой
долгъ въ немъ исчезаетъ: честность
и благонравіе приносятъ съ собою сіе
увѣреніе (*).

XVII.
ПИСЬМО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬ-
ЕВИЧА КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ (**).

Свѣтлѣйшій Князь,

Милоспивый государь!

Съ повинною Вашей Свѣтлости
покорнѣйше подношу новыя вѣдомости
о некомплектѣ, копорыя думаю вѣрны.

(*) Эша мысль изображена была Суворовымъ на
особенномъ листѣ. Полнаго письма не ошы-
скалъ я въ его бумагахъ.

(**) Люди предупрежденные. предполагали, будто
бы К. Потемкинъ и К. Репнинъ были во враж-
дѣ между собою. Сіе письмо явственно опро-
вергаетъ такое мнѣніе. На поприщѣ славы и
чести, на поприщѣ служенія Государственнаго,

Ежели отдѣлишь отъ показаннаго списочнаго состоянія оставленныя въ Кіевѣ пять двурочныхъ командъ и одну Архангелогородскаго полка, въ коихъ всѣхъ почищается рядовыхъ и неспроевыхъ 1580 человекъ, то останется наличное списочное состояніе пѣхоты въ Молдавіи и Польшѣ.

Поздравляю усердно съ успѣхомъ Полковника Исаева у Бендеръ. Весьма сіе полезно, что уже увидѣли Турки и съ той стороны наши войска; а при томъ чрезъ взятыхъ плѣнныхъ Ваша Свѣтлость изволише узнать какъ о почной силѣ Бендерскихъ войскъ, такъ и о другихъ подробностяхъ, относящихся къ непріятелю.

Пріѣхалъ сюда претѣяго дня Ингерманландскаго полка Г. Полковникъ Кнорингъ, и сказалъ мнѣ милосливую вашувсю память, а при томъ, что именно приказали его увѣрить, что скоро сюда пріѣдете. Я столько сему радъ и такъ сего желаю, что почти и вѣры нейму. Въ провіантѣ недостатка не будетъ, а при томъ и подвозъ можно учредить.

Въ первой еще разъ начали говорить о Капитанѣ Пашѣ, что изволише

сердца благородныя оживляются соревнованіемъ, но онъ всегда чуждающа зависши и ненависши.

усмотрѣвъ изъ показанія одного взяшаго Тапарина. Чпо же онъ и его шоварищи говоряшъ о войскахъ, то совсѣмъ неимо-
вѣрно и кажется съ великимъ умноже-
ніемъ говорено. Изъ Нѣмецкаго приложе-
нія къ моему рапорту Ваша Свѣшлость
увидите, чпо начинающся слухи о пе-
ремѣнѣ Визиря, а въ Яссахъ пронесся
слухъ о смѣнѣ *Маврогенія*, будто бы
изъ извѣстій Бухарестскихъ: второе
должно быть слѣдствіемъ перваго. Но и
то и другое требуетъ подтвержденія;
а хорошо бы, какъ мнѣ кажется.

Съ должнымъ почтеніемъ
и проч.

Князь Николай Репнинъ.

При Козмешти.

23 Іюня 1789 г.

Р. С. Написалъ уже сіе письмо, ког-
да получилъ Вашей Свѣшлости совер-
шенно милосшивое опъ 20 сего мѣсяца,
кошорое меня сердечно обрадовало. Ус-
пѣхъ Исаева конечно очень, очень поле-
зенъ. Еще разъ опъ всей души васъ съ
симъ поздравляю. Дай Боже, Вамъ и
всѣмъ войскамъ милость свою. Коль
Онъ съ нами, кпо на насъ! я уже зналъ
о семъ дѣлѣ чрезъ Дубосарскій постъ,
но безъ подробностей. Жаль Чепечу,
если больно раненъ. Когда прибудите

сюда съ войсками, шо Турки будущѣ бо-
япсья опѣ сей спороны оплучипсья и
не думаю, чтебы пошли за Днѣспрѣ, гдѣ
шакже конечно часѣ оставите. Кан-
такузену и Ризо потчасѣ прикажу къ
вамѣ ѣхать. Богѣ вамѣ поможетѣ и на
морѣ. Кшо на Него уповаеѣ, шотѣ не
постыдитсья.

24 Іюня.

XVIII.

ПОДЛИННОЕ ИЗВѢСТІЕ О ВЗЯТІИ ИЗМАИЛА, ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ ПО- ТЕМКИНА ТАВРИЧЕСКАГО.

Послѣ побѣдѣ, одержанныхъ вой-
сками Россійскими въ печеніи насто-
ящей войны и по взятіи крѣпостей Туре-
цкихъ до самаго Дуная, Измаилѣ оставал-
ся единою преградою дальнѣйшимъ Россі-
янѣ предпріятіямъ и единымъ защище-
ніемъ предѣловъ Опшоманскихъ.

Порша вѣдала важность сея огром-
ная и въ наилучшее оборонительное
состояніе приведенныя крѣпости: и по-
тому ничего не щадила, чшобѣ сдѣлать
ее непреодолимою. Многочисленный гар-
низонѣ ея усиленѣ былѣ войсками, оп-

пущенными изъ Бендеръ, Хошина, Аккермана и Киліи; и послѣ перемирія съ Австріею лучшіе изъ арміи Визирской войски пуда были присланы. Ежедневное пропитаніе отпускалось на сорокъ двѣ тысячи человѣкъ, не считая жишелей. Однихъ *далкилитей* считалось пять сотъ шестидесятъ чешыре Байрака. Два изъ храбрыхъ ихъ Пашей прех-бунчужные, чешыре двухбунчужные и семь Султановъ Татарскихъ были при войскахъ, наполняющихъ сей обширный городъ, копорый сами Турки именовали городомъ арміи. Сверхъ сухопутныхъ войскъ сильная флотилія расположена была по всему пространству берега.

Главнoкомандующій арміями Россійскими на Югѣ Генералъ-Фелдмаршалъ и и Великій Гешманъ Князь Григорій Александровичъ Пошемкинъ Таврическій, предположа покореніе сея крѣпости, осадилъ во первыхъ Килію; озабочилъ Браиловъ демонстраціею, приказалъ ийти въ Дунай флоту гребному и пресѣкъ всю сухопутную коммуникацію Измаила, приблизивши къ нему два сильныхъ корпуса.

Между тѣмъ флотъ Севастопольскій, по повелѣнію Его Свѣшлости въ половинѣ Октября мѣсяца вышедши изъ гавани, оказался предъ устьями Дунай-

скими и прошедъ вдоль берега Румельскаго, въ половинѣ Ноября возвратился благопслучно въ Севастополь, не нашедши нигдѣ судовъ непріятельскихъ.

По овладѣніи Килии, по взятіи башарей, устьи Дунайскія защищавшихъ, по испребленіи флошилїи у Тулчи и Исакчи и покореніи сихъ крѣпостей, предписано было гребному флоту слѣдовать къ Измаилу и изпребить флошилїю непріятельскую.

Сіе исполнено.—Всѣ почти суда непріятельскія жестокимъ дѣйствіемъ артиллеріи, какъ съ флота гребнаго, такъ и съ построенныхъ на острове противу Измаила башарей, частію сожжены, частію же попоплены и не малый сдѣланъ вредъ самому городу; но непріятель продолжалъ жестокую оборону. Требовано было здачи города; непріятель гордо отвѣтствовалъ.

Оставалось одно средство присту- па, который и предписано произвести въ дѣйство.

11 го Декабря былъ сей ужасный день, въ который Измаилъ погруженъ былъ въ крови своей. Шесть колоннъ съ сухова пужи и три колонны съ Дуная опряжены были на штурмъ. Предъ свѣтомъ оный началъ и до полдня продолжался. Храбрые солдаты, предводимые

неуспрашаемыми Начальниками, по преодолѣніи упорнаго защищенія, спустились въ ровъ, взлѣзли на валъ и вступили въ городъ; но побѣда еще была неизвѣстна. Жесточайшее сраженіе происходило въ самомъ городѣ. Площадь и улицы покрыты были кровію, наконецъ многочисленность и отчаяніе уступили мужеству и устройству. Турки, выдержавъ бой, продолжавшійся шесть часовъ съ половиною, потерявъ храбрѣйшихъ своихъ воиновъ и начальниковъ, не могли болѣе прошивиться. Разъяренные солдаты кололи ихъ безъ пощады; всѣ мѣста наполнены были трупами. Изъ великаго числа войскъ, въ семъ городѣ бывшихъ, едва спасено девять тысячъ человекъ съ Мухафизомъ прехбунчужнымъ Мехметъ Пашею и однимъ младшимъ Султаномъ Мехсубъ Гиреемъ. Но и изъ тѣхъ уже въ лагерь на другой день болѣе двухъ тысячъ померло отъ ранъ; 30,816 сочтено труповъ.

Сверхъ того взято Христіанъ 5,685 человекъ и Жидовъ сто тридцать пять, кои и введены опять въ ихъ дома.

Въ городѣ съ набережными батареями взято 265 орудій, пороху до 3000 пудовъ и ядеръ до 20,000 со множествомъ другихъ снарядовъ и припасовъ. Знаменъ взято болѣе 400, сверхъ того много

изорванныхъ и еще опыскиваемыхъ; бунчуковъ взято 7, санжаковъ 2, лансоновъ 8, на которыхъ артиллеріи 17 орудій, мѣлкихъ судовъ . . . 34.

во время осады изпреблено и попоплено судовъ 20.

Уронъ Русскихъ состоитъ въ убитыхъ

Штабъ и Оверъ Офицеровъ . . .	64,
нижнихъ чиновъ	1815,
	<hr/>
	и того 1879;

раненыхъ Штабъ и Оверъ	
Офицеровъ	253,
нижнихъ чиновъ	2451,
	<hr/>
	и того 2703;

всего убитыхъ и раненыхъ . . .	4582.
--------------------------------	-------

У непріятеля убиты:

Паша Трехбунчужный Сераскиръ
Аидосъ Мехметъ.

Двухбунчужные: Хаджи Магмушъ

Паша,

Селимъ Паша,

Лушфулла Паша,

Мехметъ Паша

Килійской;

Султаны: Капланъ Гирей,

Казы Гирей,

Силимъ Гирей,

Батыръ Гирей,
Ахметъ Гирей,
И Мехметъ Гирей.

XIX.

ДИСПОЗИЦІЯ ГЕНЕРАЛА СУВОРОВА
КЪ СРАЖЕНІЮ СЪ ВЕРХОВНЫМЪ ВИ-
ЗИРЕМЪ 11 го СЕНТЯБРЯ 1789.

Начинаю малымъ лагеремъ, потомъ на большой; ежели между тѣмъ большой будетъ ближе, то онымъ.

Сей часъ выступишь, мой корпусъ отдохнушь, за Рымну.

По мѣстоположенію я беру правое крыло.

Идти лѣвою дорогой. Правою непрестанные папрули. Отъ Вагенбурга занимаю ими невѣрныхъ при Тирго Куркулуи до самой ихъ ашаки, какъ бы темна ночь ни была.

Маршъ за Рымну колоннами. Обоихъ союзныхъ войскъ вся кавалерія впереди. Козаки и арнауцы, гусары и карабинеры до передняго берегу Рымны.

Ниже на томъ берегу сирѣчь по-ложенной ордеръ бапаліи.

Переменная его та, что мой корпус на правом крыле по местоположению.

Колонны выходят двѣ, кавалерія въ головѣ пѣхоты, то есть обѣихъ колоннъ. Мы надлежитъ имѣть столько же гусаръ и левенеръ—на место левенеръ столько же гусаръ.

На походѣ, встрѣясь съ бусурманами, ихъ бить!

Поспѣвая ордеромъ баталіи, въ мигъ перешедъ Рымну, идти храбро, атаковать при Тирго Куркулуи, или всѣхъ встрѣчающихся варваровъ — лагери.

Одни за другимъ.

До конца... Боже пособи!

Прежніе сингалы.

Іосифъ, Екатерина.

Поспѣшность, шerpнiе, спрой, храбрость, сильная дальняя погоня.

За каждымъ аршиллерійскимъ ящикомъ имѣть всегда по фашинь, всюду заготовлять.

Вагенбургъ въ полномъ порядкѣ, съ приличнымъ прикрытіемъ. При Фокшахахъ.

Панпоны на Рымну и Бузео.

ИЗВѢСТІЕ О ПОКОРЕНІИ ВАРШАВЫ (*).

Нота изъ Берлина отъ 17 го
Ноября 1794.

Побѣды Россійскаго войска подъ предводительствомъ Генерала Графа Суворова-Римникскаго увѣнчаны счастливымъ успѣхомъ: и Варшава сдалась.

По взятіи Праги, къ укрѣпленію копорой мятежники употребили всѣ свои напряженіи; и какъ цвѣтъ ихъ войскъ при взятіи Праги испребленъ, а съ онымъ не оставалось уже сей столицѣ никакой надежды къ сопротивленію.

7 Числа Ноября Н. Ш. Графъ Игнатій Потоцкій пріѣзжалъ въ Россійскую главную кварширу съ мирными предложеніями; но оныя не приняты по причинѣ, что сія война производится не противъ Польши, но къ усмиренію бунтовщиковъ.—Потоцкій безъ всякаго успѣха побѣхалъ обратно, также и присланная съ нимъ Королевская грамота не была распечатана.

(*) Изъ бумагъ Суворова.

8 Числа Россійской и Прусской Министры получили свободу. 9 Числа уничтоженъ самовластный Совѣтъ, и Генералъ-Комендантъ Варшавской сложилъ чинъ свой въ руки Короля. Мѣщанамъ учинена повѣска, чтобъ старались они сами о своей безопасности: почему собравшіеся Члены Магистрата отправили къ Графу Суворову Римникскому Депутатовъ съ уполномочіемъ сдать городъ побѣдителю на его великодушіе, испрашивая единственно сохранения жизни и имущества жителей. Герой безпрекословно на сіе согласился, присовокупя къ тому изъ собственнаго побужденія великодушно предать забвенію прошедшія озлобленія.—Россійскія войска погожъ дня заняли городъ и въ то же время посланъ Генералъ Потемкинъ къ Королю для охраненія его здравія и безопасности его персоны.

10 Числа въѣхалъ въ городъ и самъ Графъ Суворовъ Римникскій. Предъ вратами поднесены ему градскіе ключи; онъ ихъ приподнялъ и благодарилъ Бога, что безъ кровопролитія получилъ оныя. Въѣздъ въ городъ Героя уподоблялся шріумфу. Онъ былъ окруженъ вѣселящимся вокругъ его народомъ, благодарящимъ за его великодушіе и снисхожденіе, тѣмъ болѣе, что чувствовали они себя

недостойными таковыя милости. Графъ Суворовъ Римникскій будучи пронутъ пролипіемъ сердечнаго ихъ чувствованія, повшорялъ свои увѣренія забытъ прошедшее. Онъ побѣхалъ къ Королю и былъ у него съ полчаса.

9000 Польскихъ солдатъ подъ командою Генерала Гендровича положили къ ногамъ его оружіе. Онъ, не пребуя никакого отъ нихъ увѣренія, распустилъ ихъ въ ихъ жилища. Нѣсколько тысячъ другихъ воиновъ, не хоща внимать гласу гражданъ и народа, настояли къ ненужной и безуспѣшной оборонѣ. Графъ Суворовъ-Римникскій объявилъ имъ, что онъ для нихъ не желаетъ нанести вредъ и несчастіе гражданамъ и превратить городъ въ развалины; но когда не хощащъ они положили оружіе, дается имъ свобода выйти изъ города, зная, что они не могутъ избѣгнута рукъ его.—Утверждаютъ, что якобы они подъ предводительствомъ Домбровскаго и Канцлера Колонная вышли съ 5 пушками, и что Генералъ Ферзенъ пошелъ ихъ преслѣдовать. Супротивленіе ихъ не можетъ быть продолжительно и они пѣвна избѣгнута не могутъ.

ПИСМО ИВАНА ИВАНОВИЧА БЕЦКАГО КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,
Князь Григорій Александровичъ!

Сколько великолѣпно наименованіе почетнаго благошворителя, столько утѣшительно есть бремя, которое налагаетъ должностъ сего названія. Для сердца благороднаго, какая неизреченная сладость, вѣщать въ самомъ себѣ: я благодѣтельствую. Сіе восхищительное чувствованіе не прямое ли блаженство? не истинная ли награда добродѣтели, кою которой никто достойнѣйшей мзды воздать не можетъ, какъ только она сама себѣ. Добродѣтель въ собственныхъ трудахъ своихъ находитъ себѣ воздаяніе, нѣтъ оной цѣны; ея свойство быть свѣту полезной и онымъ утѣшаться, вотъ ея награда.

Не мыслите, милостивой Государь! чтобъ я хотѣлъ преподавать наставленія; нѣтъ, я только извѣсняю то, что вы чувствуете, и что безъ сомнѣнія будущъ чувствовать преемники сего имени, коимъ украшаться можетъ единая шокмо добродѣтель. Я повѣряю оживотворяющій гласъ Нашей Монар-

хини, гласъ сея души возвышенныя, вопіющій: будьте щасливы. Которая ко всему, что до блага общества касается, спремится столь быстро, какъ лучъ благодѣющаго солнца на землю, для произведенія разныхъ былій, нужныхъ къ существованію тварей. Если среди полезныхъ растеній, земля одолженная солнцемъ, иногда производитъ вредное быліе, кому его изпоргать? когда не попечительнымъ хранителямъ верхограда; не были по званію почешнаго благопшворителя, тѣ самые хранители верхограда, избранные къ споспѣшествованію во ономъ произращеніи того огромнаго древа, подъ сѣнію котораго общено надежное прибѣжище всему обществу? Безъ сомнѣнія, Милоспивый Государь, вы. Сіе ушверждено освященною Нашей Монархини десницею въ слѣдующихъ словахъ, конфирмованныхъ 20 Ноября 1772 года.

„Какъ сіе мѣсто естъ благопшворительное обществу; то уповательно, „что изъ челоуколюбія и Христіанской „добродѣтели къ сему богоугодному „дѣлу не опрекуся по письменнымъ „требованіямъ, изъ знашнѣйшихъ особъ, „принявъ на себя при Воспшашельномъ домѣ наименованіе почешныхъ „благопшворителей, и они бы по приглашенію отъ Совѣта, имѣли засѣданіе съ

„Опекунами, въ полезныхъ и нужныхъ
 „дому сему надобноспяхъ. Они, какъ
 „папріоты, почтенные знашными дос-
 „шюинствами въ Государствѣ, охраняшъ
 „будущъ ошъ всякаго вреднаго прикос-
 „новенія швердосшъ и непоколебимосшъ
 „сихъ учреждений, и по случающимся
 „иногда нуждамъ, пользу Воспитатель-
 „ному дому приносящимъ, а касающимся
 „до рѣшенія Сенашскаго, Синодскаго или
 „другихъ н и ж н и хъ Правительствъ,
 „одинъ изъ нихъ право и долгъ всегдабъ
 „имѣлъ, по согласію главнаго Попечите-
 „ля съ Совѣтомъ, въ томъ или другомъ
 „долъ, принявъ на себя имя ходатая, у
 „мѣста, въ которомъ дѣло производишъ-
 „ся, старашся съ домогательствомъ о
 „рѣшеніи окончанномъ, поелику право-
 „судіе сходствующее съ Законами, до-
 „пусшшъ можешъ, получишъ скорорѣ-
 „шимую пользу для дома Воспита-
 „тельнаго. Изъ нихъ яко извѣстныхъ
 „уже хранителей всего ушвержденнаго
 „постановленія, избираемъ бышъ мо-
 „жешъ заблаговременно балашированы-
 „емъ въ главные Попечители преемни-
 „комъ, дабы шаковой по своему жела-
 „нію и усердію, извѣщенъ былъ для не-
 „медленнаго вступленія въ сіе достоин-
 „штво, какъ скоро оное мѣсто сдѣлаешъ-
 „ся упалымъ, или за какою либо неспо-

„собностію, настоящимъ главный Попе-
 „чисель отъ онаго опикажеться.“

Вотъ, Милостивой Государь! то,
 къ чему добровольное стремленіе ваше-
 го добродѣтельнаго сердца васъ при-
 влекло, и къ сему вы естественнымъ
 Закономъ обязаны. Можетъ ли сей За-
 конъ быть тягостенъ? Его природа гла-
 сишь, человеколюбіе начерпываетъ, а
 добродѣтель и Екатерина подтверж-
 даютъ. Васъ же, яко исполнителя сей
 священной должности, слава предста-
 вить восхищенному потомству, какъ
 друга и благодѣтеля рода человеческого
 во храмъ вѣчности. Соотвѣтственно
 тому, слѣдуя долгу истиннаго гражда-
 нина, чтобы полезнымъ быть общест-
 ву и ближнему, стремлюсь побуждаемый
 усердіемъ усроенное Монаршею ще-
 дрошою, оную пользу оградить совѣща-
 ніемъ съ вами, почетные благошвори-
 шели, какъ съ твердыми подпорами бла-
 годенствія общественнаго, приобщенна-
 го къ дому Воспитательному. Благосо-
 стояніе сего дома есть благосостоя-
 ніе и всего общества; если единое по-
 шрясется, то и другое поколеблется:
 они связаны священнѣйшимъ союзомъ.
 Довѣренность общества есть сей со-
 юзъ, который часъ отъ часу укрѣпляясь
 будетъ вѣченъ, къ блаженству нашихъ
 согражданъ и ихъ потомковъ, кои безъ

сомнѣнія будущѣ благословлять вашу попечительную добродѣтель о непоколебимости полезныхъ учрежденій : и такъ на сей конецъ.

I. Главный Попечитель и почетные благотворители должны съ неусыпнымъ стараніемъ устремлять всю силу своего раченія къ сохраненію неосѣненыхъ преимуществъ, касающихся до вѣчнаго благоденствія всѣхъ Россійскихъ согражданъ и потомковъ ихъ; сихъ, скажу, важныхъ преимуществъ, дарованныхъ щедрою Монаршею, которыя даютъ намъ способы управлять нашимъ имуществомъ, по силѣ учрежденія сохранной казны, съ полезнымъ правомъ собственности. Сей Божественный даръ Монаршаго Величія, сей залогъ любви къ Отечеству Великой Екатерины, какъ твердый монументъ Ея славы, основанный на Блаженствѣ подданныхъ, должны мы, всею силою охраняя, предавать въ непремѣнной цѣлости изъ рода въ родъ для славы сей крошкой Законодательницы, для пользы собственности, и для блага общественнаго. И для того ревностно отражая все, что можетъ поколебать твердость сего, сооществствовать усерднымъ попеченіемъ несомнительности ввѣреннаго намъ отъ общества кредита.

II. Почетные благотворители, какъ

извѣстные уже хранили учрежденнаго
 постановленія, состоящѣ въ опмѣн-
 номъ почтеніи отъ Опекунскаго Совѣта;
 слѣдовательно не токмо при Главномъ
 Попечителѣ, но и въ случаѣ его от-
 сутствія, всегда должны быть пверды-
 ми щитами противу всякой опасности,
 могущей угрожать нерушимости сего
 основанія: они же яко посредники меж-
 ду обществомъ и таковымъ установ-
 леніемъ, должны спараніемъ, припупля жало кле-
 вешы, смущающей спокойство общест-
 ва, изпреблять и малѣйшую тѣнь вредо-
 носнаго сомнѣнія довѣренности, безъ
 копорой всѣ полезныя постановленія
 могутъ рушиться. И такъ, еслибы слу-
 чилося, чшобы господа Члены Опекунс-
 каго Совѣта и засѣданія С. Петербургс-
 каго ошдѣленія, шествуя не по одному
 пупи, проложенному къ благосостоя-
 нію Воспитательнаго Дома, но нѣкто-
 рые изъ нихъ, совращаясь съ онаго ка-
 кими ни ешь приспраспіями, и прола-
 гая спези къ своей частной пользѣ,
 ослабилибъ пружину общественной до-
 вѣренности, имъ врученной, или забывъ
 истинное честолюбіе, восхошѣлибъ по-
 куситься на присвоеніе себѣ излишней
 власти (чего однако же не уповаю):
 тогда долбъ почетныхъ благотворите-
 лей удерживать своеволіе копорое въ

наглости своей, если заблаговременно не ощутишь силы обуздывающей руки, возможетъ наконецъ опровергнуть священнѣйшія преграды; и для сего.

III. По приглашенію Опекунскаго Совѣща, или хотя и по сокровенному представленію доброжелательныхъ членовъ, немедленно вступающъ въ засѣданіе съ Опекунами, и разспроенные голоса совѣща или засѣданія спараются съ приличною кротостію соединить въ силу узаконенныхъ учрежденій, для соблюденія всѣхъ правъ, а паче кредита Воспитательнаго дома.

IV. Онижъ какъ патріоты, избранные для соблюденія твердости и непоколебимости всѣхъ постановленій, имѣя повѣренность отъ всего общества, должны, опвращая всякія внутреннія поползновенія ко хипроснямъ, твердо ополчаться противу всѣхъ къ тому покушеній и оскорбленій, касающихся до уничиженія правъ и преимуществъ Воспитательнаго дома. Сіе тѣмъ наипаче можетъ быть почиваемо священнѣйшею должностію, что сама Наша Монархія по своему снисхожденію, чѣмъ наиболѣе величіе Особы Ея изображается, повелѣла, если найдется Узаконеніе противное нерушимости установленіямъ сего дома, не исполняя себѣ представлять.

V. По согласію Главнаго Попечителя съ Совѣтомъ, они суть ходатаи у Государственныхъ Правительствъ и Присудственныхъ мѣстъ, по случающимся иногда нуждамъ, приносящимъ пользу Воспитательному дому, и касающимся до рѣшенія тѣхъ верхнихъ и нижнихъ Правительствъ.

VI. Изъ назначеннаго числа двѣнадцать Особъ почетныхъ благошворителей, избирается заблаговременно, какъ ошъ нихъ же самихъ, такъ Опекуновъ, за-опекуновъ, попечителей, и прочихъ посредствомъ балотирования въ достоинство главнаго Попечителя, дабы таковой по своему желанію и усердію уже извѣстенъ былъ, для немедленнаго заступленія сего мѣста, на случай ваканціи безъ дальней конфирмаціи, которая уже послѣдовала единожды навсегда тѣмъ собственноручнымъ на докладъ утвержденіемъ.

VII. Они же яко хранили твердости сего основанія, не только имѣютъ долгъ, какъ сказано, песясь о благосостояніи общественномъ, сопряженномъ съ пользою Воспитательнаго дома, и о защищеніи правъ и преимуществъ ему данныхъ; но и о воздаяніи сему дому надлежащей чести. И для того, господа опекуны какъ участники во благомъ намѣреніи, заслуживаютъ

быть отъ нихъ принимаемы съ опмѣн-
нымъ пріятствіемъ. Сею опличностію
подастся примѣръ всему обществу,
которое Вельможѣ обыкновенно по-
составляетъ себѣ зеркаломъ своихъ по-
веденій, какъ уважать господъ Опеку-
новъ и за-опекуновъ, такъ и сохранять
почтеніе къ сему самому мѣсту; да и
сами господа опекуны сею честію обо-
дряемы, къ строгому наблюденію своей
священной должности станувъ рев-
ностнѣе спремиться, дабы не утратитъ
столь легкаго пріобрѣтенія.

Милостивой Государь! Все сіе
заключающее въ себѣ должностъ званія
почетнаго благошворителя, ничто иное
какъ чувствованіе пользы каждаго до-
бродѣтельнаго гражданина, любящаго
свое Опечество; и сіе чувствованіе въ
Вельможѣ, изъ коихъ почетные благош-
ворители избираются, безъ сомнѣнія
распространяется по мѣрѣ его могу-
щества, преподавающаго ему способы
творить благое. И такъ сіе объясненіе,
касающееся вообще до свѣдѣнія почет-
наго благошворителя, надѣюсь, будетъ
благопріятно принято. Истинные сы-
ны опечества съ радостію видятъ рев-
нованіе ко благу онаго, которое есть
и моего къ вамъ писанія; и которое
безъ сомнѣнія подвигло и Вашу Свѣш-

лосць кѣ душевному обѣшу, данному вами для пользы общества. Вы, ставъ охранителями учрежденій Воспитательнаго дома, устроенныхъ кѣ благодѣйствию ближняго; вы же и посвящали себя прошивоборствовашъ злоупотребленіямъ, которыя могли бы вкрасѣхъ кѣ разрушенію полезнаго; отъ вашихъ попеченій зависитъ цѣлосць всѣхъ сихъ спасительныхъ установленій.

И пошому бывъ увѣренъ, что мои мысли въ помянутомъ усердіи блага общественнаго отъ вашихъ не отдалены, буду ожидать Вашей Свѣтлости благопріятнаго отвѣта, и почиаю за щастіе, что еще могу съ вами купно служить и быть полезнымъ отечеству, пребывая съ искреннимъ моимъ почтеніемъ,

Милостивой Государь мой!

Вашей Свѣтлости

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Бецкой.

МОСКОВСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО.

Лѣтъ за тридцать пять тому назадъ въ Москвѣ существовалъ особенный родъ *гостепріимства*. Нѣкоторые вельможи, надѣленные дарами счастья и любившіе сближаться сердцемъ своимъ съ сердцами недоспающихъ соотечественниковъ, отворяли дома и предлагали избытки свои молодымъ людямъ среднихъ лѣтъ. Въ сихъ домахъ каждый день накрыты были столы на двадцать, на тридцать и даже на пятьдесятъ человѣкъ. Столъ былъ не роскошный, но изобильный. Тогда еще *трактирные обѣды* почти были неизвѣстны; да они и не нужны были: ибо и безсемейные люди находили семейство въ кругу людей, съ которыми знакомились взаимною привычкою. Кромѣ гостепріимства домашняго, сіи добрые гостепріимцы предлагали посѣщателямъ своимъ и другія услуги: съ опеческою заботливостію справлялись они о состояніи своихъ гостей и спороною и лично. Извѣстясь о тѣхъ, у которыхъ есть опцы и машери, шерпящіе нужду, они немедленно и невидимою рукою препровождали пособіе. Не рѣдко также,

входя въ разговоры съ госпями своими, они разспрашивали: отъ чего кто вышелъ въ отставку и не желаетъ ли снова принять какой службы? За достойныхъ, которые по мгновенному огорченію, или по какой другой причинѣ оставляли службу, они были ревностными предшателями. При отправленіи на новое поприще не только снабжали всѣмъ нужнымъ на дорогу, но и поручали, чтобы во всякое время относились къ нимъ. Такимъ образомъ въ древней Русской Столицѣ недоставочные молодые и среднихъ лѣтъ люди жили, какъ будто бы не чувствуя недоставка, и находились подъ благодѣтельнымъ надзоромъ госпепримства.

XXIII.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОБЫЧАЙ НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ.

Счастлива та страна, гдѣ опличенные дарами счастья опличаются и блгодушіемъ, входящимъ въ нужды и состояніе людей, обремененныхъ недоставками!

Богатые предки наши любили сближаться съ бѣдными. При подвозахъ изъ помѣстій и вотчинъ сельскихъ изъ

быпковѣ они посылали добрыхъ и надежныхъ людей развѣдывать, кто нуждается изъ городскихъ ихъ сосѣдей и чѣмъ нужно имъ съ ними подѣлиться. Изобильные возы разкрывались въ одно время и для хозяевъ и для бѣдныхъ.

Въ семейства неимущія посылались дары изобилія; и бѣдность, оживляемая надеждою, не истомляла душъ тяжкимъ бременемъ. Зависть не смотрѣла мрачными глазами на преимущество богатыхъ; ибо счастье ихъ было общимъ счастьемъ. Особенно годовые праздники ознаменовывались щедрою благошворительностію. Богатымъ пріятно было мыслишь и видѣть, что и бѣдные въ радости душевной празднуютъ дни священные, благодаря Бога и добрыхъ людей.

XXIV.

СМЕРТЬ ЮНАГО ГРАФА СТРОГОНОВА.

Со дня боя *Кульмскаго*, безсмертнаго въ лѣтописяхъ славы, юный сынъ Графа Павла Александровича Строгонова находился въ передовыхъ войскахъ подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Васильчикова. Въ слѣдъ славы ле-

тѣлѣ онѣ за славою. Уже въ очахъ юнѣши блиспали тѣ первые лучи славы, копорые также прелесны, какъ и первые лучи зари весенней; уже онѣ воображалѣ, съ какимъ восторгомъ вспрѣтитѣ его нѣжная мать въ вѣнкѣ лавровомъ: но что значаѣ и самыя лучшія и самыя невинныя надежды на этой землѣ, гдѣ опѣ славы и смерти—одинѣ шагѣ, одно мгновение?... Юный Спрогоновѣ палѣ въ предѣлахъ Франціи въ сраженіи подѣ *Краонолѣ*, палѣ—почти въ очахъ отца своего. Онѣ былѣ единственнѣ сынѣ, единственнѣ надежда семейства своего, Жестоко пораженѣ былѣ отецѣ сею вѣстію, но не преставаѣ непоколебимо исполняѣ долгѣ свой до самаго окончанія битвы. Тогда уже заплашилѣ онѣ данѣ, взыскиваемую природою, и можетѣ быть тогда зародились въ груди его сѣмена той болѣзни, копорая и его безвременно повергла въ гробѣ. Тѣло юнаго Героя отыскано было уже 25 Февраля послѣ битвы *Лаонской* и перевезено въ Сѣверную Столицу, гдѣ предано землѣ въ Александровской обители, подѣ гроба его дѣда. Такѣ нѣдра земли на нѣсколькихъ саженьяхъ соединяюѣ часто и юность и старость! Счастливыѣ тѣ, кто и на скоротечномъ поприщѣ жизни оставляѣ слѣды славы и добродѣтели.

А безъ того чшо бы оспавалось отъ существованія, исчезающаго быспрѣ молніи, сверкающей въ облакахъ?

Н. И. Гнѣдичъ въ сихъ прекрасныхъ стихахъ оживотворилъ память юнаго Героя:

„Едва для жизни онъ разцвѣлъ,
Надеждой свѣтлою домъ предковъ озаряя,
И юношу отецъ Отчизнѣ обрекая,
Въ знакомый славы пушъ, въ свящую брань повелъ;
Но славѣ не земной отъ Неба обреченный,
Онъ роиъ свой совершилъ: онъ полетѣлъ на бой,
И за Отчизну палъ, въ глазахъ отца сраженный.
Такъ къ небесамъ идушъ, о юноша Герой!

XXV.

ПОЛЕ БОРОДИНСКОЕ.

На пространствѣ того мѣста, гдѣ происходила битва Бородинская, текушъ при слѣдующія рѣчки: *Войня, Колога и Стонецъ*.

Была война, какой Европа не видала со времени изобрѣшенія огнеспрѣльнаго оружія; былъ бой, гдѣ смерть на каждомъ шагу едва успѣвала поражать новыя жертвы; былъ *стонъ*, раздавшійся и въ Россіи, и въ отдаленныхъ предѣлахъ Европы.

Во мракѣ неизвѣстности сокрыто, когда сіи рѣчки получили названіе, столь сообразное съ обстоятельствами нашего времени, и что подало поводъ къ такимъ именамъ.

Къ несчастію человѣчества, бури военныя шумящѣ на лицѣ земли почти отъ первоначальнаго основанія обществъ человѣческихъ. Можетъ быть и въ прошедшія столѣтія происходила на полѣ *Бородинскои* битва кровопролитная, можетъ быть и тогда война, бой и стонъ передали память о себѣ рѣчкамъ, хошя ничтожнымъ, но пережившимъ вѣки.

Безмолвны теперѣ поля битвы Бородинской; прахъ сопрошивниковъ смѣшался нераздѣльно въ нѣдрахъ земли хладной; нѣтъ тамъ даже и бугровъ, возвѣщающихъ слѣды битвы, передавшей смерти тысячи въ теченіи одного дня: оспались однѣ батареи, заросшія правою.

На одной изъ сихъ батарей, близъ деревни *Семеновской*, гдѣ свирѣпствовалъ бой упорнѣйшій, возносится уединенная церковь, сооруженная во имя *Спаса Нерукотвореннаго*. У сей батареи, гдѣ существуетъ сей памятникъ священный, убитъ былъ 26 Августа 1812 Генералъ-Маіоръ Александръ Алексѣевичъ Тучковъ. По окончаніи войны за-

граничной, блаженной памяти ГОСУДАРЬ АЛЕКСАНДРЪ Первый, встрѣивъ его супругу, спросилъ: Чего она желаетъ за услуги своего мужа?—Она отвѣчала, что проситъ одного позволенія, чтобы соорудить храмъ Божій на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ палъ ея супругъ. ГОСУДАРЬ соблаговолилъ, и нѣжная супруга памяникомъ Вѣры ознаменовала любовь къ супругу незабвенному.

Въ день 26 Августа на поле Бородинское изъ разныхъ споронъ обширной Россіи спекается множество посѣпителей, и въ семъ храмѣ ошцы, матери и родсвенники совершающъ воспоминаніе о незабвенныхъ друзьяхъ сердца своего.

Въ предѣлахъ сей церкви въ Октябрѣ 1826 года преданъ землѣ юный сынъ Генерала Тучкова и съ нимъ погребены всѣ радости и всѣ надежды неушѣшной матери и супруги. Сынъ Героя блисталъ еще прелесною весною лѣтъ и невинности; спезею крошкою и ясною перешелъ онъ отъ міра шреволненнаго въ селеніе Ангеловъ. Невинность идетъ къ небесному престолу Творца любви и милосердія! Пусть молишся онъ тамъ, чтобъ буря спрасшей, возбуждающая бури войны, никогда на лицѣ земли не свирѣпствовала. И безъ сего бича, по-

ражающаго челоѡчество , довольно
есть горестей на тернистомъ пуши
жизни скоропечпой.

XXVI.

РОДСТВЕННЫЙ СУДЪ.

„Порукой прочнаго блаженства на земли
Святая благодать семейственной любви.“

И. Козловъ.

Были и у насъ времена *Патріар-
хальныя*, когда въ нѣдрахъ семействъ
прекращались ссоры и тяжбы, возбуж-
даемыя порывами спраспей. Ето еще
существовало и въ царствованіе Царя
Ееодора Алексѣевича. Начиналась ли ка-
кая тяжба,—немедленно собиралось со-
вѣщаніе родственное; съ обѣихъ спо-
ронъ спарались усовѣщивать и прими-
рять спорщиковъ. Если же убѣжденіе и
совѣты были безуспѣшны, если тяжу-
щійся, ослѣпленный самонадѣяніемъ или
мщеніемъ, не внималъ голосу благона-
мѣреннаго родства и угрожалъ жалобу
свою перенести далѣе, тогда ему гово-
рили: „Ты причиняешь стыдъ и намъ
и себѣ; ты хочешь *ославить* насъ и по-
казать свѣту и добрымъ людямъ, что у

тебя нѣтъ родственниковъ примирителей.

Слѣдственно Спаршанская пословица, чѣмъ *изъ избы не выносить сора*, то есть, не дѣлать дурной огласки: эта пословица въ чести была и у нашихъ предковъ. Спыдъ одного изъ ближнихъ своихъ почипали они общимъ нарѣканіемъ.

Спыдомъ укоряли еще и въ другихъ случаяхъ. Въ спарину *заемныя писма* были неизвѣстны; кто занималъ, тотъ только сими словами давалъ поручительство: *если не устою въ словѣ своемъ, то да будетъ мнѣ стыдно!*

Гдѣ сердечное родство, тамъ и сердечная дружба. Умиралъ ли отецъ семейства,—сыны его поступали подъ надзоръ его друзей. Въ прежнее время каждое утро сходились на *Красную площадь* для переговоровъ и для словеснаго разбирашательства дѣлъ и тяжбъ. Вспрѣчалъ ли опцовскій другъ сына его, который чѣмъ нибудь опорочилъ память родителя своего,—другъ подходилъ къ нему и общенародно укорялъ его такимъ образомъ: „Ты обезчестилъ честное имя отца своего: это грѣхъ и стыдно! Опомнись, примиришь съ совестью: или никѣмъ изъ добрыхъ людей

не захочетъ тебя знать и всѣ будутъ отъ тебя отворачиваться.“

XXVII.

ПАМЯТНИКЪ СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ.

Французскій сочинитель одной полезной книги для юношества, рассказываетъ происшествіе, случившееся въ тѣ незабвенные дни, когда слава и великодушіе ввели Русскихъ въ стѣны Парижа.

Я предложу его рассказъ.

Русской военный врачъ, пришедъ къ Г. Делафоншену, золотыхъ дѣлъ мастеру, подалъ ему малинькую вѣшную фаянсовую чашечку съ тѣмъ, чтобы онъ оправилъ ее въ золото. Удивленный художникъ сказалъ, что такой бездѣлицы никто и на улицѣ не захочетъ поднять. „Вѣрю,“ отвѣчалъ врачъ: „но я этой бездѣлицы не опдамъ ни за что на свѣтѣ, и попому возмите и украсьте ее искусствомъ своимъ.“

За отдѣлку, продолжалъ Делафоншенъ: я долженъ взять пять сотъ рублей. Врачъ согласился. Изумленіе художника еще болѣе усилилось. „Вижу,“ сказалъ Русской врачъ: „что требованіе

мое кажется безумнымъ. Однако же не только о людяхъ, но и о вещахъ не всегда должно судить по наружному виду. Сердечные памятники безцѣнны.

„И такъ, чтобы вамъ охотнѣе было работать, то выслушайте исторію о чашечкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую часть собственной моей.

„Я сынъ сельскаго Священника. Главными добродѣтелями отца моего были человеколюбіе и душевное гостепріимство. Всѣхъ странниковъ и прохожихъ принималъ онъ какъ братьевъ, посылаемыхъ къ нему Богомъ. По скудному своему состоянію, онъ и самъ не рѣдко нуждался, но никогда не ропсалъ и всегда охотно дѣлился тѣмъ, что у него было.

„Однажды поступался къ нему въ окно прохожій въ бѣдномъ рубищѣ; отецъ мой тотчасъ побѣжалъ и освободилъ вора. „Я просился въ дома избыточные,“ сказалъ странникъ: „но вездѣ былъ отказъ.“—Сердце мое и домъ, освѣчалъ мой отецъ, открыты для всѣхъ. На дворѣ мятежь: войдите скорѣе.—Вошедъ въ комнату, прохожій сказалъ: „Я не искатель приключеній; но по общанію иду въ этой одеждѣ.“—Вижу, освѣчалъ мой отецъ, что одежда ваша несоотвѣтствуетъ виду и словамъ

вашимъ; но я не спану упругдашь васъ моимъ любопытствомъ.

„Посады спранника у печки, отецъ мой угостилъ его ужиномъ и попомъ проводилъ на постель. На другой шолько день пупешественикъ замѣтилъ, что у насъ во всемъ домѣ одна была кровашь. И шеперь еще живо припоминаю, съ какою чувствительностію онъ извинялся, что обезпокоилъ моего отца.—„Мой долгъ,“ сказалъ мой отецъ: „мой долгъ безпокоиться для успокоенія другихъ.“—Позавтракавъ у насъ, прохожій, бѣдный по наружности, а благородный по виду и поступкамъ своимъ, пустился въ дальнѣйшую дорогу.

„Спусая два года, отецъ мой умеръ, а я отправился въ Москву продолжашь, или, лучше сказать, начинать новое ученіе. Прилѣжаніемъ и трудами вырабапывалъ я уже небольшія деньги, на копорыя, по спрасти моей къ чпенію, пошчасъ спѣшилъ запасашься книгами. Однажды, когда я въ книжной лавкѣ забиралъ книги, подбѣхла чешвернею кареша и въ лавку вошелъ Господинъ въ богатой шубѣ. Какъ водится обыкновенно, бѣднякъ былъ оставленъ—и занялись богатымъ.

„Между шѣмъ я увязывалъ мои книги, а незнакомецъ, всматриваясь въ меня пристально, вдругъ сказалъ: что ему

кажется, что гдѣ-то меня видѣлъ, и желалъ знать, откуда я. Едва назвалъ я мѣсто родины моей, онъ съ живѣйшимъ чувствомъ спросилъ: Не сынъ ли я тамошняго сельскаго Священника и живѣ ли онъ? Извѣстіе о смерти моего отца печалило незнакомца. „Вашъ отецъ“ сказавъ онъ: „былъ рѣдкій человѣкъ; онъ жилъ не для себя, но для бѣдныхъ.“ Потомъ, опведя меня въ сторону, продолжалъ: „Никогда, никогда не забуду, что батюшка вашъ уступилъ мнѣ послѣднюю кровать свою, а самъ спалъ на полу. Я нахожу въ чертахъ вашего лица сходство съ покойникомъ: будьте подобны ему и въ качествахъ душевныхъ. Какъ другу вашего отца, расскажите мнѣ о своемъ состояніи.“

„Сердечное участіе всегда возбуждаетъ откровенность. Узнавъ о стѣсненныхъ моихъ обстоятельствахъ, онъ далъ мнѣ три ста рублей на покупку учебныхъ книгъ и ревностно способствовалъ мнѣ вступить въ званіе врача. Словомъ, я нашелъ въ немъ второго отца. За добродѣтели родителя моего я все получилъ, а въ наслѣдство отъ него досталась мнѣ одна эша чашка. Скажите же, достойна ли она золотой оправы?“—Достойна! отвѣчалъ восхищенный художникъ. Я смотрю теперь на нее съ сердечнымъ уваженіемъ. У ме-

ня много блестящаго; но эпитѣ па-
мятникѣ сыновней любви всего дороже.

XXVIII.

МИНИНЪ,

или

СЛАВА И ДОВОДѢТЕЛИ НЕ УМИРАЮТЪ (1).

Среди необычайныхъ бѣдствій, разлившихся по лицу земли Русской 1612 года, раздался въ стѣнахъ Нижняго Новгорода голосъ Гражданина Минина, голосъ непримѣрный въ Лѣтописяхъ міра. Одушевляясь грамотами, рассылаемыми изъ Троицкой обители, Козьма Мининъ, продавецъ мясной, по прозванію *Сухорукій*, вышедъ на площадь, воскликнулъ ко всѣмъ людямъ Нижегородскимъ: „Если

(1) Новыми достопамятными подробностями и изображеніемъ гробницы Минина обязанъ Изда-тель Дѣйствительному Члену Любимелей Обще-ства *Коммерческихъ* знаній Пешру Феодоровичу Ве-решенникову. Достойный пошомокъ великаго гра-жданина оживляетъ память его и уваженіемъ къ его славі и подражаніемъ его примѣру. Любиме-лямъ отечественныхъ добродѣтелей извѣстно, ка-кимъ пламеннымъ усердіемъ Г. Верешенниковъ одушевленъ къ подвигамъ общепользы.

желаемъ помочь Московскому Государству, но не только не пожалѣемъ себя, но продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣшей, и будемъ *бить теломъ*, чѣобы усердный вождь принялъ надъ нами начальство.“

Сей голосъ опозвался во всѣхъ сердцахъ жителей Нижегородскихъ. Немедленно положили они отправить послами къ Князю Пожарскому Печерской обители Архимандрита *Еоодосіа* и другихъ людей почешныхъ.

Между тѣмъ Герой спрадалъ отъ ранъ въ вошчинѣ своей, находившейся во сто двадцати верстахъ отъ Нижняго Новгорода. Пришедъ къ болѣзненному его одру, послы возгласили со слезами: „Побѣжай съ нами въ Нижній Новгородъ: спашь за вѣру православную и помощи Московскому Государству.“

Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, по предварительному уже сношенію съ Мининымъ, условясь о подвигѣ спасенія Отечества, отвѣчалъ посламъ: „изберите изъ *посадскихъ* своихъ чело-вѣка, которъ бы дѣлилъ со мною шруды военные и распоряжалъ казною.“— „Нѣтъ у насъ такого чело-вѣка,“ сказали послы.— „Есть, возразилъ Князь Пожарскій; есть у васъ Козьма Мининъ. Онъ на службѣ ознакомился и съ дѣломъ и съ распорядкомъ военнымъ.“

Съ радостію поспѣшили послы въ Нижній Новгородъ и пересказали Минину слова Пожарскаго. Мининъ отвѣчалъ: „дайте приговоръ, что вы будете послушны, покорливы и будете снабжать деньгами людей военныхъ.“ Воздухъ огласился кликомъ единодушнымъ: *дадимъ!* Мининъ въ то же мгновение сочинилъ и написалъ: „Мы отдадимъ жизнь, семейства и имущества для вспоможенія людямъ рашнымъ.“—Сей приговоръ, скрѣпленный общимъ рукоприкладствомъ, отправленъ былъ къ Пожарскому.

Быстро разнеслась молва о подвигѣ самоотреченія Нижегородцевъ и быстро спекались со всѣхъ сторонъ дружины и денежные пожертвованія.

Взволновались страхомъ и непріатели и измѣнники Опечества, и требовали, чпобы Гермогенъ воспрешилъ походъ дружинъ Нижегородскихъ. Гермогенъ отвѣчалъ: „да будущъ благословенны люди, идущіе очищать Московское Государство, и да погибнутъ измѣнники!“ Враги вѣры и Опечества обрekli сего великаго *Исповѣдника* на голодную смерть. Спрананіе его въ міръ прекратилось 17 Февраля 1612 года.

Не дремала измѣна. Россія въ Россіи возсшала на Россію: условились измѣнники захватить Ярославль, всѣ *поморскіе города* и пресѣчь путь ополченію

Нижегородскому. Но были на неусыпной стражѣ Опечества Пожарскій и Мининѣ. Для блага общества души ихъ слились въ одну душу. Съ перваго шагу и во все продолженіе подвиговъ своихъ, были они нераздѣльны сердцами и мыслями. И такъ Пожарскій и Мининѣ послали дружину въ Ярославль предупредить злоумышленниковъ. Вождь сей дружины, братъ Князя Пожарскаго, оправдалъ довѣренность Князя, брата своего, и Минина.

Въ то же время, не дождавшись помощи изъ Казани, Князь Пожарскій и гражданинѣ Мининѣ, съ именемъ Бога и Опечества, двинулись къ Ярославлю. Съ радостнымъ восторгомъ встрѣтили ихъ въ *Балахнѣ* и принесли пожертвованія. Вскорѣ изъ разныхъ городовъ присѣли шуда Плещеевъ и многіе Дворяне. Никто не спорилъ о мѣспничесствѣ, всѣ покорствовали Князю Пожарскому и Гражданину Минину. Новыя жертвованія встрѣтили Нижегородское ополченіе въ Юрьевцѣ *Повольсколѣ*, куда подосѣли и *Юртовскіе* Татары, копорые, наслаждаясь привольною жизнію въ Россіи, обрекли себя въ жертву за нее.

Коспрома возмущалась разномыслиемъ: Пожарскій и Мининѣ успокоили умы и перемѣнили Воеводѣ. Коспромскіе жилили, живошворенные умными распоряженіями Русскаго Героя и Рус-

скаго гражданина, по словамъ Лѣтописи, дали *лихоу казну въ подмогу войска.*

Ярославль встрѣпилъ дружины Нижегородскія съ честію и на олшаръ Опечества принесъ богатые дары. Но Пожарскій и Мининъ не приняли даровъ. Нужда въ деньгахъ миновалась, осталась одна только нужда спасенія Опечества.

Сбѣзжались въ Ярославль вѣрные сыны Россіи; стекались и толпы злоумышленниковъ. Въ сихъ обспоятельстввахъ Князь Пожарскій и Гражданинъ Мининъ употребили умную полишическую мѣру къ опдаленію Шведскаго оружія. Они писали къ *Делагардію*, что если сынъ Короля Шведскаго приметъ нашу вѣру, то его призовутъ на престолъ Россіи. Но, прибавляетъ Лѣтопись, сіе дѣлалось единственнo для того, чтобы Шведы не ополчались къ завоеванію поморскихъ городовъ въ то время, когда Нижегородское ополченіе пойдетъ освобождашь Московское Государство.

„Въ какихъ *Академіяхъ*, говоритъ *Беофанъ*, учился Петръ Первый? Ни въ какихъ. Онъ почерпнулъ знанія свои въ книгахъ историческихъ.“ Гдѣ учился Мининъ? можемъ и мы спросить. Онъ замспвовалъ свѣденія свои въ наблюденіи дѣяній чelовѣческихъ и Государственныхъ. Есть заря, есть полдень, есть

западъ жизни. Наши нравственныя и умственныя способности сообразуются съ сими прѣмя постепенностями природы. Опыта не лзя приобрѣсть ни въ какихъ училищахъ: онъ есть плодъ зрѣлыхъ и основательныхъ наблюдений.

Сей опытъ доставилъ Гражданину Минину умъ военный и догадки политическія.

Приверженцы *Заруцкаго* покушались въ Ярославль на жизнь *Пожарскаго*. Провидѣніе охранило его, а великодушіе Героя просило убійцъ. „Убійцы, говоритъ *Лѣтопись*, повинились предъ всею ратью; но Князь *Димитрій* не далъ ихъ убить.“

По выступленіи изъ Ярославля войсками начальствовали Князь *Хованской* и *Мининъ*, а *Пожарской* съ небольшою дружиною отправился въ Суздаль помолиться *Всемилоспивому Спасу*, *Чудотворцу Ефимію*, и проститься съ гробами родительскими.

Слухъ о приближеніи къ Москвѣ *Пожарскаго* и *Минина* обратилъ въ бѣгство *Заруцкаго*.

Вмѣстѣ съ Княземъ *Пожарскимъ* *Мининъ* принялъ на горѣ *Волкушѣ* благословеніе отъ *Троицкаго Архимандрита Діонисія*. Проливая слезы, сей незабвенный Паспырь церкви воскликнулъ:

«Богъ да благословитъ васъ поспрадашь за вѣру и Опечесство!»

День 23 Августа 1612 года ознаменовался въ стѣнахъ Москвы военною славою Минина. Добровольно вызываясь на бой, онъ просилъ Пожарскаго дать ему охотниковъ. Князь-Герой отвѣчалъ Гражданину-Герою: *возьми кого хочешь*. Непріятель въ превосходныхъ силахъ споялъ за Москвою рѣкою у *Крымскаго двора*. «Мининъ, говоритъ Лѣтопись, прямо налетѣлъ на сопровивниковъ.» Предъ лицомъ Героя-Гражданина дрогнули враги и устремились въ бѣгство. Воспламененные примѣромъ Минина, полки Пожарскаго просили, чтобы и имъ позволили дѣйствовать. Воеводы отвѣчали: *въ одинъ день двухъ радостей не бываетъ*.

И такъ Мининъ оживилъ Русскихъ первую радостною надеждою освобожденія Москвы.

Освободилась Москва. Вступилъ на престолъ Царь Михаилъ Феодоровичъ. Юный Государь украсилъ вѣнецъ свой вниманіемъ къ великому Гражданину. Мининъ пожалованъ былъ *Дулинымъ* *Дворяниномъ*. Сверхъ того въ родовое наслѣдство получилъ онъ множество деревень. А за Московское очищеніе прибавлено въ жалованной грамотѣ еще

къ тѣмъ деревнямъ село *Богородское* съ приписными пустошами.

Петръ Первый, въ бытность свою въ Нижнемъ Новгородѣ, поклонясь гробу Минина, сказалъ: «Жаль, что не осталось потомковъ отъ Минина.»

Но если мы и незнаемъ потомковъ Минина: мы знаемъ однако, что потомство не забыло и никогда не забудетъ великаго Гражданина.

Когда, ровно чрезъ два столѣтїя, наступилъ другой *двѣнадцатый годъ*, имя Минина загремѣло во всѣхъ сословіяхъ Россїи и во всѣхъ предѣлахъ Россїи. Казалось, что онъ снова ожилъ вмѣстѣ съ Княземъ Пожарскимъ. Быстро впорглись враги, еще быстрое они бѣжали. Съ именемъ Бога, Царя и великаго Гражданина Минина дружины вмѣстѣ съ войскомъ перешли за предѣлы Опечесства. Знамена ихъ озарились новою славою. — 1815 года тринадцать изъ сихъ знаменъ осѣнили гробницу Минина.

Еще 1673 года повелѣно было гробъ Минина и сына его Меѳодїя перенести изъ приходской церкви въ новосооруженный Нижегородскій *Преображенскій Соборъ*. При входѣ въ западныя двери на лѣвой сторонѣ у самой стѣны является гробница Минина. Сїя проспая гробница, вмѣщающая прахъ безсмертнаго Гражданина, покрыта ма-

линовымъ бархатомъ, и какъ мы уже сказали, окружена принадлежью знаменами, предводившими Русскихъ къ славѣ 1812 года въ нѣдрахъ Опечества, а въ 1813 и 14 годахъ за границу.

Слава двухъ столѣтій соединилась у гроба Минина.

Кромѣ знаменъ, надъ гробницею Минина устроена 1815 года липая чугунная доска, на которой начертаны воспоминанія о различныхъ нашествіяхъ враговъ на Россію и о подвигахъ Минина. Наконецъ Москва, освобожденная Пожарскимъ и Мининымъ, узрѣла въ стѣнахъ своихъ памятникъ, сооруженный имъ. Нераздѣльны они были душами при жизни и нераздѣльны они въ изображеніи ихъ славы.

Время разрушаетъ всѣ памятники, воздвигаемые руками человеческими: но слава и добродѣтели не умираютъ. Въспомнѣвъ съ памятыю о нихъ переходимъ и незабвенное свидѣтельство о томъ, что личныя достоинства человека и Гражданина всегда уважались въ Россіи.

ЭКСПЕДИЦІЯ

ПОДЪ

КОМАНДОЮ ПОДПОЛКОВНИКА

ЗИГРОДА,

БЫВШАГО АДЪЮТАНТОМЪ И ДЕЖУРНЫМЪ
ШТАБЪ-ОФИЦЕРОМЪ ПРИ КНЯЗЬ БАГРАТІОНЪ
СЪ НАЧАЛА 1812 ГОДА И ДО САМОЙ ЕГО СМЕРТИ;
А ПОТОМЪ УЖЕ КОМАНДИРОМЪ ТАМБОВСКАГО
ПОЛКА (*).

Почтенный сочинитель Россійской Военной Исторіи говоритъ, что ни одна страна въ свѣтѣ не можетъ представить въ своей Исторіи столько славныхъ военныхъ подвиговъ, какъ Россія. Даже при всѣхъ несчастныхъ случаяхъ прошедшей давности, выказываетъ она цѣпь непрерывныхъ военныхъ произшествій, и духъ совершенно воинственной націи; а званіе военнаго ремесла обогащалось непрерывнымъ опытомъ. Рядъ вѣковъ грядущихъ возвѣститъ потомству послѣднія событія нашей войны опечесвенной, безпримѣрной во всѣхъ лѣтописяхъ. Я самъ имѣлъ щастіе участвовать въ семъ по-

(*) Въ сей статьѣ Издашель не перемѣнилъ ни одного слова.

ходѣ съ самаго начала и до конца онаго; все, что происходило, наши отечественные Писатели изложили вѣснѣ и порознь въ своихъ сочиненіяхъ; но какъ къ сожалѣнію случается, что при важныхъ военныхъ событіяхъ, не оставляющѣ для свѣдѣнія потомству тѣхъ дѣлъ, для коихъ не были употреблены большія массы войскъ, или не участвовали во оныхъ извѣстные Генералы: подробность одного изъ такихъ оставалась до сихъ поръ покрыта неизвѣстностію, хотя оно само по себѣ распространяетъ честь Россійскаго оружія, и съ пользою можетъ послужить примѣромъ для молодыхъ воиновъ, вступающихъ на поприще чести. Пройдущѣ еще десятки лѣтъ и, можетъ быть, подвиги частныхъ начальниковъ трехъ-лѣтней войны едва ли будутъ казаться вѣроаппными.

Предложенное мною здѣсь описаніе экспедиціи основываю я на свидѣтельствѣ тѣхъ лицъ, коихъ извѣстны Европѣ, и коихъ пользовались довѣріемъ Государя Императора. Я это краткое описаніе разположилъ такъ, чтобъ оно было удобопонятно для каждаго военнаго, который еще не бывалъ на полѣ брани; топографическая карта живо можетъ представить воображенію и уму искусной маневръ

славнаго Генерала; а дѣйствія ознакомятъ молодаго Офицера съ духомъ тѣхъ воиновъ, посреди которыхъ онъ находится; оно вразумитъ его о томъ, что онъ можетъ, и что въ состояніи сдѣлать съ ними, бывъ предприимчивъ и благоразуменъ.

Моя жъ цѣль шутъ только одна: посвятивъ себя до послѣдняго истощенія силъ, или лучше сказать, до самой смерти службѣ моему Государю и Опечесству, я сугубой для себя наградой чшу все то, когда могу чѣмъ либо быть полезнымъ.

Въ то самое время, когда мы по разнымъ направленіямъ сближались къ Парижу, отрядъ нашъ подъ командою Генералъ-Лейпенапта Барона Сакена составилъ изъ корпусовъ собственнаго и корпуса Князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, кавалеріи подъ командою Генералъ-Лейпенапта Васильчикова и нѣсколькихъ ротъ артиллеріи.

Съ 27 по 28 Генваря 1814 года отрядная наша кваттира расположилась въ мѣстечкѣ Моншмираль, войска были разставлены по деревнямъ около онаго; въ вечеру былъ полученъ отъ Генерала Сакена приказъ, чтобъ на разсвѣтѣ въ 4 часа прибыть на зборное мѣсто, къ дефиле, ведущему къ Лаферте, и отрядъ отъ онаго Генерала Макдональда,

пораженнаго Генераломъ Йоркомъ и опшупающаго съ правой стороны къ оному дефиле. Не успѣвъ еще прибыть на мѣсто, намъ назначенное, мы услышали ружейную и пушечную пальбу; а прибывъ узнали, что Генералъ Васильчиковъ, командующій авангардомъ, встрѣшилъ непріятеля; но какъ при немъ не было еще пѣхоты, то Французской отрядъ, въ темнотѣ по шоссейной дорогѣ, съ правой стороны прикрытой горами, а съ лѣвой стороны рвами, пробрался въ дефиле и здѣлалъ засѣку.

Тотчасъ по прибытіи пѣхоты, стрѣлки 7 дивизіи были пущены въ дѣло; къ 4^{мъ} часамъ вечера дефиле былъ очищенъ, отбито у непріятеля нѣсколько орудій, и нѣкоторыя полки 18 дивизіи такъ же были введены въ дѣло, при занятіи предмѣстій, а потомъ и самаго города Лаферте.

Генералъ Макдональдъ переправясь на ту сторону рѣки Марны, которая въ срединѣ раздѣляетъ городъ, подрвалъ прекрасный каменной мостъ, прикрылъ онымъ свое опшупленіе, и отъ насъ скрылся. 29 Тамбовской пѣхотной полкъ подъ командою Подполковника своего Барона *Зигрода*, былъ употребленъ на постройку плывучаго моста; работа продолжалась до 1 часа за полночь: какъ вдругъ получаемъ приказъ,

чтобы 30го числа по утру въ 4 часа выступить въ походъ, по дорогѣ ведущей въ Моншмираль. Вышедъ изъ дефила, только что подвинулись къ вчерашнему нашему ночлегу, какъ вдругъ грохотъ пушекъ раздался въ долинахъ и огласилъ намъ кровавую битву; опдаленные холмы попрысались и съ сѣпованиемъ повспорили ихъ. Мспительной Наполеонъ какъ жертву выжидалъ насъ; обнаженные предъ симъ поля, будто тучами хищныхъ пшицъ, покрывались легіонами Французовъ; и попомъ открылась предъ нами вся линія непріателя. Вскорѣ и нашъ отрядъ былъ успроенъ въ боевой порядокъ; высланные нами спрѣлки вспрѣпили Французскихъ, и брань закипѣла.

Въ тожъ самое время дано приказаніе, чтобы стоящей впереди нашей боевой линіи, за большимъ оврагомъ, на лѣвомъ непріательскомъ крылѣ, занявъ не большую деревню, неизвѣстно почему еще не занятую Французами; на сіе были употреблены слѣдующіе полки: 7 дивизій: Софійскій подъ командою Подполковника Лопухина, въ числѣ 1540 человекъ, и роты 11го Егерскаго полка подъ командою Подполковника Старова 60 человекъ; 18 дивизій: Тамбовской подъ командою Подполковника Барона Зигрода 356, Владимірской

подъ командою Маіора Платонова 389. Всего сей отрядъ заключалъ въ себѣ не болѣе 2225 человекъ пѣхоты, 6 орудій легкой артиллерійской роты, и не комплектнаго полка козаковъ. Всею пѣхотою по старшинству командовалъ Подполковникъ Баронъ Зигродъ.

Приказаніе было потчасъ и въ точности исполнено; соединясь и получивъ распоряженіе, мы двинулись впередъ; подходя къ оврагу (*) оставили не большую березовую рощу, перешли оврагъ и безъ сопротивленія заняли деревню.

Расположеніе наше было слѣдующее. Между нашею деревнею и Моншмиралемъ находилась деревня, занятая Французами, которая была противъ середины нашей боевой линіи, въ равномъ отъ Моншмираля и насъ разстояніи, такъ что мѣстечко Моншмираль и двѣ эти деревни составляли діагональ къ срединѣ непріятельской боевой линіи; лѣвое наше крыло примыкало къ оврагу, за которымъ, какъ я упомянулъ, была березовая роща, а правое крыло наше протягивалось къ большому сосновому лѣсу съ болохистою почвой, которой составлялъ прямую линію, противъ самаго лѣваго крыла непріятельской арміи,

(*) Въ лѣвой сторонѣ отъ себя, близъ дороги ведущей изъ Лаферше въ Моншмираль ш. е. къ срединѣ непріятельской боевой линіи.

заслонивъ собою р. Марну и высоты Шапошерскія. Сверхъ того правое крыло наше было подкрѣплено полкомъ козачьимъ, расположившимся за онымъ; цѣпь наша поспавлена была впереди деревни, колонны позади оной нѣскольکو подъ скапомъ горы, по той причинѣ, что сильная непріятельская артиллерія начала дѣйствовать по нашей линіи.

6 Орудій поставлены были съ противу лежащей стороны оврага, ниже березовой рощи, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать по правому флангу стрѣлковъ непріятельскихъ; но ядры не долетали и не могли вредить онымъ.

Съ нашей стороны быстрымъ и смѣлымъ движеніемъ атаки нашей въ изумленіе приведенъ былъ вождь Французовъ; деревня занятая непріятелемъ немедленно наполнилась его колоннами, и высланные противъ насъ стрѣлки встрѣпили нашихъ.

Скоро мы замѣтили, что огонь нашего корпуса по всей линіи утихъ, равно не спало и нашей артиллерійской полуроты. Генералъ Сакенъ атаковавъ нами лѣвое крыло непріятельское и занявъ онымъ вниманіе Французовъ, вдругъ отдалъ всему корпусу повелѣніе, отступать на Шапошери; оставивъ выше березовой рощи на большой дорогѣ два эскадрона Ахырскихъ гусаръ подъ командою

Маіора Бедраги и Ропмистра Горспкина, наблюдашь за движеніями непріятеля. Мы прикрыли отступленіе нашихъ войскъ, и оспались для борьбы съ сильнымъ непріятелемъ, начиная уже бышь атакованными въ свою очередь и сами.

Мы почувствовали всю важность нашего назначенія; Наполеонъ имѣя только насъ однихъ передъ собою, усмерилъ стрѣлковъ своихъ и сдѣлалъ сильное нападеніе на цѣпь нашу; медленно отступали стрѣлки наши предъ превосходными силами непріятеля; но принуждены были мѣсто и деревню оспавишь Французамъ. Они заняли оную, и градъ пуль посыпался на наши колонны, копорыя видя опустошеніе въ рядахъ своихъ, осадили къ глубинѣ оврага; бывшіе въ стрѣлкахъ офицеры, всѣ или побиты или ранены; казалось, что уже все гибло Но нѣкоторые изъ отважныхъ нашихъ Офицеровъ (*) бросились къ разспроеннымъ колоннамъ, ободрили солдатъ и повели ихъ впередъ, устремившись первые въ пламя битвы; солдаты всѣ обратились за ними (**) и съ грознымъ крикомъ: ура! ударили на Французовъ, очистили деревню, и симъ подвигомъ возстановили сраженіе.

(*) Которыхъ я не назову пошому, что обязащъ щадишь ихъ скромность.

(**) Хошя и въ безпорядкѣ.

Тогда Подполковникъ Зигродъ, возблагодаривъ Подателя силъ и помощи за отвлечение видимой намъ и опускающему корпусу опасности, и усмотрѣвъ, что ему должно защищаться только собственными силами, сдѣлалъ новое распоряженіе. Умноживъ стрѣлковъ и назначивъ къ нимъ новыхъ Офицеровъ, приказалъ Подполковнику Лопухину наблюдать за правымъ, а Подполковнику Спарову за лѣвымъ крыльями; средину стрѣлковъ разположилъ во рву, копорымъ обнесена была деревня, и копорой съпереди обсаженъ былъ терновымъ кустарникомъ; резервы поставлены были подъ прикрытіемъ нѣкоторыхъ строеній; колонны устроены вновь и поставлены на томъ же самомъ наклоненіи горы, на копоромъ были прежде, но только прошивъ промежутковъ строеній, или исходящихъ шочекъ Французской атаки. Въ крапкой рѣчи солдатамъ герой изъяснилъ наше положеніе, сказавъ: чтобъ избѣгнуть непріятельскаго пораженія, или постыднаго плѣна, должно принимать Французовъ въ штыки, всегдашнимъ вѣрнымъ нашимъ орудіемъ. Громкой и единодушной ошзывъ: „ради умереть, Ваше Высокоблагородіе!“ раздался въ рядахъ нашихъ.

Наполеонъ не находя средствъ вытѣснить насъ изъ нашей боевой линіи

одними только стрѣлками, построилъ полки свои въ большія густыя колонны; съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ повелъ вновь атаку, съ пѣмъ, чтобъ оными прорвать нашу средину. Ударъ былъ смѣлъ и быстръ: стрѣлки наши отступали почти наравнѣ съ боками Французскихъ колоннъ, которыми повидимому и не хотѣлъ уважить онъ; но лишь только непріятель показался на нѣсколько шаговъ за деревню, какъ спрашной крикъ: ура!... и ударъ холоднаго орудія, встрѣтилъ атаку непріятеля. Сѣверные Геркулесы вломились въ колонны и опустошали ряды ихъ: Французы гибли отъ штыковъ нашихъ, были смяты и опрокинуты; съ великою поперею и въ величайшемъ безпорядкѣ прогнаны къ ихъ боевой линіи.

Стрѣлки наши въ ту же минуту занявъ прежнія свои мѣста, истребляли цѣльными выстрѣлами разстроенные толпы непріятеля; но и огонь Французской артиллеріи ядрами и картечью былъ непрерывенъ: свистъ пуль, шипеніе картечи, хлопаніе гранатъ и визгъ ядеръ вдругъ и въ одно время, непрерывно наполнялъ воздухъ и заглушалъ насъ; земля была изрыта рикошетными ударами; передъ нами и надъ нами разрывались гранаты. Но благодаря

опытности и военному дару Подполковника Зигрода, оспрядъ нашъ такъ былъ хорошо расположенъ, что артиллерія не могла сильно вредить нашимъ колоннамъ; вездѣ его примѣръ, его распоряженіе поддерживались бдишельностію опважныхъ его офицеровъ: онъ самъ такъ много предавался опасности, какъ будтобы искалъ смерти, но судьба хранила его для нашего спасенія (*). Сраженіе продолжалось съ неизмѣннымъ жаромъ; за каждой шагъ земли съ обѣихъ сторонъ дорого было плачено; часто линія нашихъ стрѣлковъ, написнушая превосходнымъ непріателемъ, должна была осаживать; но крѣпкое разположеніе середины нашей стрѣлковой линіи всегда давало сильную опору крыльямъ, которыя отъ времени до времени нужно было подкрѣплять новыми стрѣлками. Безпрерывной огонь Французской артиллеріи и стрѣлковъ, при всемъ прекрасномъ распоряженіи Подполковника Зигрода, дѣлалъ большую убыль въ линіи нашей.

Наконецъ Наполеонъ наскучивъ медленностію, построилъ вновь густыя колонны, головы которыхъ сомкнулъ изъ элитовъ, и повелъ ихъ, казалось,

(*) Онъ остался живъ, бывъ раненъ съ начала сраженія въ берцо правой ноги пулею.

съ твердою рѣшимостію завладѣть древней и мѣстомъ нашей боевой линіи; но непобѣдимые (*) выждали; грозное: ура! загремѣло вновь, и ударъ штыковъ опрокинулъ и испребилъ колонны, уничтоживъ онымъ совершенно весь замыселъ Наполеона. Горсть Русскихъ разсѣяла сонмы непріятелей, впрочемъ храбрыхъ и дѣйствовавшихъ въ глазахъ обожаемаго ими Полководца.

Дѣйствительно въ сей достопамятной безпримѣрнымъ мужествомъ и храбростію день, всякой нашъ солдатъ былъ рыцаремъ, и каждый Офицеръ героемъ; мы были покрыты пошомъ, кровью, и безсмертною славою! Разсмотримъ подробнѣе и безприспρασнѣе бытописанія, безъ сомнѣнія найдемъ эту экспедицію изъ числа первѣйшихъ, а можетъ быть и первую. Ежели Леонидъ въ тѣснинахъ Термопильскихъ побилъ Персовъ: то его выгоды состояли въ избранномъ имъ мѣстѣ и въ слабой рѣшительности Ксеркса, а мы имѣли противъ себя Наполеона и Наполеона мстящаго,—который никогда своихъ побѣдъ не измѣривалъ жертвою воиновъ; множество артиллеріи и отъ 66 до 70 тысячъ (**) храбраго войска, съ

(*) Это выраженіе Наполеона.

(**) По показанію взятыхъ нами пленныхъ.

искусными Генералами; боевая наша линия такъ была открыта и такъ слаба, что тѣмъ, кто бы имѣлъ болѣе насъ отважности и мужества, очень легко отбить и занявъ былобъ ее можно; но тутъ стояли Русскіе! А Русскіе не разъ уже доказали, что подъ командою храбрыхъ и опытныхъ Офицеровъ, подъ распоряженіемъ искусившагося въ бояхъ и владѣющаго ихъ довѣріемъ начальника, побѣжденными никогда быть не могутъ (*); тѣмъ кончилась 3 и послѣдняя непріятельская атака (**). Непріятель потерялъ надежду достигнуть своей цѣли грудь прошивъ груди.

Мы намѣревались наше мѣсто удерживать до ночи, но къ вечеру замѣтили, что Французы сильными колоннами начали обходить наше лѣвое крыло, и пошому малѣйшая медленность могла быть для насъ гибельна. Чтобы

(*) Еще въ 7 лѣтнюю Прусскую войну сказалъ Фридрихъ Великой, что „Русскихъ побить можно, но побѣдить никогда.“ Еслибъ онъ жилъ теперь, то увѣрилсябъ, что Русскіе умѣютъ и лучше бить, и лучше побѣждать.

(**) Мы въ продолженіи 13 часовъ безпрерывнаго дѣйствія, выстрѣлили 3 комплекта папирововъ, бравши изъ сумъ убитыхъ нами Французовъ; пошому что ящиковъ папиронныхъ къ намъ, отъ сильнаго дѣйствія непріятельской артиллеріи, не лзя было доставить.

не быть отпрѣзанными и не подвергнуться перекрестному огню Французской артиллеріи или пѣмѣ самымъ не дасть время и случаю, вредить имѣ отступленію нашего корпуса, мы должны были съ поспѣшностію отступать, не присоединя къ себѣ стрѣлковъ нашихъ, по 3 причинамъ: 1 что подѣ оглушительнымъ громомъ артиллеріи не слышно было сингаловъ барабанныхъ. 2. Посылка Адьюпаншовъ была медленна и могла бы открыть наше намѣреніе наблюдательному непріятелю. 3. Самое важное, чтобъ стрѣлковъ нашихъ пропавъ успѣли ихъ быстрой атакѣ, и пѣмѣ сколько возможно болѣе выиграть время, и выбраться изъ сѣтей ими намъ разспавляемыхъ.

Едва успѣли Французы замѣшить отступление нашего опряда, какъ вновь колоннами и стрѣлками своими сильную повели атаку на линію нашу; и едва опрядъ нашъ перешелъ оврагъ и поднялся до осмидесяти сажень на противоположенное возвышеніе, какъ онымъ же оврагомъ высланные нѣсколько эскадроновъ Французскихъ драгунъ явились въ пылу у насъ и симъ движеніемъ стрѣлковъ нашихъ отъ колонны совершенно отпрѣзали. Еще они могли бы быть спасены, еще могли бы присоединиться къ намъ, ежели бы было при насъ доста-

точное количество кавалеріи, вмѣстѣ съ кошорою и бывшій съ нами козацій полкъ съ быстрою и мужествомъ Донцовъ ударилибъ и разсѣяли эскадроны непріятельскіе; но къ несчастію, ему не возможно тогда было предпринять онаго: онъ для пользы общей долженъ былъ съ своими слабыми силами уклониться отъ рѣшительнаго удара съ превосходнымъ непріателемъ. И такъ быстрая Французской кавалеріи была остановлена огнемъ нашей пѣхоты и рѣшительностію принять ее въ штыки; въ тожъ самое время козацій полкъ противъ нее выслалъ своихъ отважныхъ наѣздниковъ, и мы продолжали наше наступленіе. Французская кавалерія, на каждомъ шагу оспанавливаемая проворствомъ и ловкостію козаковъ, преслѣдовала насъ нѣсколько сотъ сажень; потомъ повернула направо и скрылась за березовую рощу.

Обратимся теперь къ участи несчастныхъ спрѣлковъ нашихъ. Цѣпь, въ числѣ пяти сотъ или болѣе, опустивъ отъ многочисленнаго непріятеля въ совершенномъ порядкѣ и съ мужественною холодностію, не нашла уже колоннъ, копоры ей столько разъ были твердою опорою; увидѣла себя отъ оныхъ въ 3 стахъ саженьхъ и опрѣзанною кавалеріею: какъ въ тоже самое время на нихъ

сдѣлано было нападеніе со всѣхъ сторонъ нѣсколькими эскадронами Польскихъ Уланъ, съ яростнымъ стремленіемъ..... Храбрые наши солдаты, движимые примѣромъ Офицеровъ, предпочли смерть постыдному плѣну, и всѣ пали на полѣ славы, исключая тѣхъ, которые бывъ ранены, не могли болѣе владѣть оружіемъ, въ томъ числѣ и нѣкоторые Офицеры. Ихъ потчасъ представили для объясненія къ Наполеону. Оставимъ волю Вышняго положившихъ жизнь свою за Вѣру и Отечество, и возвратимся къ отступавшимъ.

Козакамъ не было время обезпечить наше отступление, имъ нужно было поспѣшить занять аванпостную линію, и мы оставались уже одни; Подполковникъ Зигродъ, какъ опытной и прозорливой начальникъ, предвидѣлъ, что скрывшаяся Французская кавалерія воспользуется отступствомъ нашихъ козаковъ, и за свою неудачу не упустилъ, ежели можно, отмстить намъ, послалъ Подполковника Лопухина къ Маіору Бедрягъ, стоящему для наблюденія съ двумя эскадронами своихъ гусаръ, склонить его присоединиться къ намъ, для прикрытія нашего отступления; предвѣденіе его сбылось: Французская кавалерія пробравшись чрезъ чащу рощицы, появилась противъ праваго

крыла нашей колонны, съ тѣмъ, чтобы пресѣкши намъ путь, замедлишь опуспленіе, и дать время преслѣдующимъ насъ Шасерамъ наспигнуть (*); но пущеннымъ по ней ружейнымъ огнемъ была оспановлена, однакожъ должна была оспановипись и наша колонна; но почти въ тоже самое время подоспѣли наши гусары и храброй Роммистръ Горспкинъ первой ударилъ на смѣшавшагося нѣсколько отъ выстрѣловъ нашихъ непріятеля, и Французскіе экакадроны были опрокинуты. Глубокая ночь опуспила мрачной покровъ свой, и тѣмъ кончилось для насъ незабвенное 30 Генваря 1814 года. Потерявъ двѣ трети храбрыхъ нашихъ сподвижниковъ, и большую часть Офицеровъ, 13 съ ряду часовъ не позволили непріятелю у насъ завладѣть и однимъ шагомъ земли; поля Моншмиральскія были свидѣтели упорной битвы и непреодолимаго мужества! Такъ во время морской бури, скала гранишная встрѣчаешъ удары валовъ ревущихъ: они съ шумомъ стремятся къ ней и съ трескомъ разбиваясь, опяшь упадаютъ въ пучину. Пали ряды и на-

(*) Дѣйствительно Наполеонъ приказалъ своимъ воинамъ снятъ башмаки и босымъ насъ преслѣдовашь, чшобъ скорѣй наспигнуть по узкой и шопкой дорогѣ.

шихъ храбрыхъ воиновъ—но смерть героевъ завидна! они паденіемъ своимъ ужаснули изумленнаго непріятеля!... Опустуя всю ночь, мы въ 7 часовъ поутру прибыли на высоты Шапошерскія, подѣ команду нашихъ Гг. Генераловъ и получили новое назначеніе.

Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить, что прошивъ его было такое число Русскихъ, предводимыхъ Подполковникомъ; но убѣдясь въ продолженіи дѣла въ истиннѣ, въ дневномъ приказѣ своемъ, поставилъ насъ въ примѣръ своей арміи, и назвалъ Львами (*).

Маіоръ Михаилъ Кузминъ.

(*) Сіе извѣстіе получено по взятіи Парижа отъ самихъ Французовъ, которые участвовали въ ономъ дѣлѣ и были очевидными свидѣтелями того и другаго.

НОВЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПОД- ВИГЪ ВАСИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВАР- ГИНА.

Благошвореніе есть опличительное качество души благородной. Предстоя у гроба ближнихъ, благошвореніе даетъ новое бытіе тому, кто едва ли былъ извѣстенъ въ сей жизни скоротечной. Вотъ тому примѣръ.

Въ Октябрѣ 1823 года получилъ я слѣдующій билетъ: „Василій Васильевичъ Варгинъ, извѣщая о кончинѣ Коммиссаріатскаго Коммиссіонера 10 класса Алексѣя Ивановича Лазарева, послѣдовавшей сего Октября 29 дня въ 7 ч. по полудни, приглашаетъ всѣхъ друзей и знакомыхъ покойнаго: не угодноль имъ будетъ сдѣлать ему послѣднею честь, пожаловать на опѣваніе тѣла его сегожѣ Октября 31 дня въ 9 ч. ушра, въ приходскую церковь Св. Черниговскихъ Чудотворцевъ, что на Пятницкой. Погребеніежѣ будетъ въ Донскомъ монастырѣ.“

Съ покойнымъ А. И. Лазаревымъ познакомился я лѣтъ двадцать тому назадъ, въ домѣ Алексѣя Ивановича Кусова, гдѣ я жилъ по ласкѣ гостепріимнаго хозяина. Онъ находился въ конто-

рѣ его *Бухгалтеролѣ*, а опшуда перешелъ въ Коммиссаріатѣ. Въ цѣломъ мірѣ у покойнаго Алексѣя Ивановича Лазарева не было ни одного родственика. И такъ благотвореніе доставило ему у гроба и друзей и знакомыхъ и родныхъ. По всей справедливости можно сказать, что Василій Васильевичъ Варгинъ употребилъ къ погребенію сего сироты все то, что можетъ при такомъ случаѣ оказатъ нѣжнѣйшій родственикъ.

При опшѣваніи присутствовалъ Архимандритъ. Въ Донской монастырь провожали покойника всѣ приглашенные друзья и знакомые. Могила его находилась подлѣ могилы роднаго брата Василья Васильевича Варгина и почти насупротивъ памятника благодѣтельнаго Графа Льва Кириловича Разумовскаго.

Видя великолѣпное погребеніе бѣднаго сироты, любопытные зрители спрашивали: *кого погребаютъ?* Удивились бы они, еслибъ имъ сказали, что погребаютъ странника сего міра, который дошедъ до сорока прехъ лѣтъ, ничего послѣ себя не оставилъ.

И такъ честь и слава Василью Васильевичу Варгину, который гореспному сиротѣ воздалъ всѣ тѣ почести, какія оказываютъ и бывшимъ любимцамъ сего преходящаго міра. При воззрѣніи на сіе погребеніе, не лзя было не при-

помнишь сердечнаго изреченія Царя Давида: *отецъ и матъ оставили меня; но Богъ меня воспріялъ.*

Такъ! небесный Отецъ сиротъ посылаетъ людей благодѣтельныхъ, которые злополучнымъ сиротамъ замѣняютъ отцевъ и матерей. Чѣмъ рѣже встрѣчающся сіи *безкорыстные благотворцы*, тѣмъ болѣе достойны они уваженія. В. В. Варгинъ по подвигамъ своимъ заслужилъ сіе душевное уваженіе. Трудное, заботливое и обширное производство его дѣлъ никогда не опдаляетъ его отъ спраждущаго челоуѣчества. Ни одинъ изъ спрдаальцевъ, прибѣгавшихъ къ его помощи, не отходилъ безъ утѣшенія; онъ полезенъ для живыхъ своихъ друзей и онъ не забываетъ праха своихъ знакомыхъ.

Я повторю здѣсь и то, что сказалъ въ моихъ *Рускихъ Анекдотахъ* относительно къ Василью Васильевичу Варгину. „Счастіе сего міра и ненадежно и превратно; но добрыя дѣла и въ буряхъ злополучія сіяютъ собственнымъ своимъ блескомъ. Василій Васильевичъ Варгинъ ни въ какихъ обстоятельствехъ своей жизни не изгладился изъ сердецъ тѣхъ, которые умѣютъ цѣнить добрыя дѣла, произпекающія изъ души, живошворимой вѣрою и добродѣтелью.

БЛАГОДѢТЕЛЬНЫЙ ВЕНГЕРСКІЙ УРО- ЖЕНЕЦЪ АЛБЕРТЬ ФИШЕРЪ.

„Сколько сладостно упѣшеніе, говоришь знаменитый *Боссюетъ*, оставишь по смерти своей между людьми имя свое въ уваженіи! изъ всѣхъ сокровищъ человѣческихъ, одного сего сокровища смерть не можетъ похитить.“

Напоминаніе о *Албертѣ Фишерѣ* увѣнчано общимъ уваженіемъ его друзей.

Около тринадцати лѣтъ былъ я знакомъ съ почтеннымъ Венгерскимъ уроженцемъ *Албертомиъ Фишеромиъ*, который занимался въ Москвѣ ученіемъ на арфѣ. Онъ былъ вездѣ уважаемъ за прекрасныя качества души своей; а я любилъ его за превосходное его дарованіе въ музыкѣ и за страссть его къ Словесности. Послѣ нашествія враговъ онъ оставилъ уроки, и наслаждался Словесностію, природой и бесѣдою съ друзьями. Онъ бывалъ у меня разъ по шести въ годъ; во время же семейственнаго моего заведенія въ пользу воспитанія юношей Донскаго края, онъ посѣщалъ меня чаще, любя слушать отечественныя пѣсни Донскихъ юношей и перекладывая оныя на арфу и фортепіано. Впро-

чемъ онъ такой же охотникъ былъ бродить по улицамъ Московскимъ, какъ и я; слѣдственно мы встрѣчались почти каждый день. Вотъ все мое тридцатилѣтнее съ нимъ знакомство. Никогда не спрашивая я, есть ли у него что нибудь; а не бывъ охотникомъ до наслѣдствъ, еще менѣе помышлялъ о наслѣдствѣ.

На шестьдесятъ шестомъ году мирной жизни своей, онъ жестоко занемогъ. Узнавъ о томъ, я посѣтилъ его однажды по утру. Въ то время былъ у него врачъ его. Мнѣ показалось, что ему тягостны постороннія посѣщенія. Я и самъ люблю въ болѣзни глубокое уединеніе. Для спранниковъ сего міра, подверженныхъ шумнымъ бурямъ, болѣзнь есть нѣкоторымъ образомъ отдохновеніе.

Почтенный *Албертъ Фишеръ* томился болѣнію около шести мѣсяцовъ. Въ послѣднія недѣли своей жизни сдѣлалъ онъ духовное завѣщаніе. Я ничего о томъ не зналъ; меня извѣстили, что и я въ числѣ его наслѣдниковъ.

Сильно поразило меня сіе извѣстіе. Я узналъ, что я искренно былъ любимъ человѣкомъ, который уже на краю гроба!—Но въ тоже время я дивился судьбамъ Провидѣнія, Которое внушило мысль человѣку, отходящему отъ сего

міра, простерть благодѣтельную длань кѣ опвлеченію моего семейства опѣ пропасти, кѣ кошорой я часѣ опѣ часу болѣе приближался опѣ долговѣ, поспигшихѣ меня по случаю внезапнаго ошобранія Донскихѣ юношей, воспишывавшихся вѣ моемѣ семействѣ (*).

На другой день я рѣшилсѣ посѣтити вмѣстѣ сѣ женой моей умиравашаго нашего благодѣтеля. Тщешно изыскивалѣ я вѣ головѣ моей оборотовѣ рѣчей, какѣ вступиши сѣ нимѣ вѣ разговорѣ. Никогда уста мои не могли бы произнести, что я благодарю за наслѣдство. Одно сіе слово напомнило бы и смерть и гробѣ и могилу и все то, что устрашаешѣ насѣ слабыхѣ *смертныхѣ*, рожденных кѣ *смерти*! Кѣ счастью у меня тогда болѣла щека; я говорю кѣ счастью, ибо эшо послужило приступомѣ кѣ объясненію моему.

Сѣвѣ сѣ женою вѣ коляску, мы поѣхали кѣ дому Г. Бурелли, гдѣ жилѣ покойный *Албертѣ Фишерѣ*. Я оста-

(*) О семѣ заведеніи упомянуто было вѣ Учебной книгѣ Русской Словесности на стр. 342; также и вѣ Опытѣ Русской Литературы, на стр. 270. Вѣ письмахѣ кѣ моему старинному сопитомцу означу я, кшо былѣ *первымѣ* благодѣтелемѣ моего семейства по уничтоженіи вышеозначеннаго заведенія.

вилъ жену у крыльца въ коляскѣ, а самъ пошелъ освѣдомиться, можно ли видѣть больного. Меня потѣ-часъ пропустили. „Почтенный Господинъ Фишеръ, сказалъ я, указывая на мою подвязанную щеку: больной прѣхалъ посѣпить больного.“ Оспроумный мой благодѣтель догадался, что я хотѣлъ сказать. Онъ подалъ мнѣ руку и отвѣчалъ: „Извините, что я осмѣлился помѣшпить васъ въ духовномъ моемъ завѣщаніи. Но любя и уважая васъ около тридцати лѣтъ, я не могъ приближаясь къ гробу, отказать сего удовольствія моему сердцу.“

Не нужно говорить, что чувствовалъ я при сихъ словахъ, исходившихъ изъ устъ человека, занесшаго ногу въ могилу. „Добродѣтель ваша, сказалъ я, меня не удивляетъ. Но, какъ отецъ многочисленнаго и разореннаго семейства, я не отвергаю вашего благодѣянія. Вы приняли въ родство меня и жену мою; и такъ позвольте ей придти. Она въ коляскѣ у вашего крыльца-“

Съ сими словами пошелъ я къ женѣ моей. „Пойдемъ, сказалъ я, пойдемъ къ благодѣтельному Фишеру: онъ смѣлѣе меня. Онъ умѣлъ жить и умѣетъ умирать.“

При входѣ моей жены, онъ привсталъ со смершнаго одра своего, поцѣловалъ руку ея и повторилъ: „Извините,

сударыня, что я осмѣлился включить мужа вашего въ число моихъ наслѣдниковъ!“ Слабый голосъ его на нѣсколько минутъ прервался. Онъ собрался съ духомъ и продолжалъ: „Вашъ мужъ живетъ своими трудами; я самъ жилъ трудами моими. Я испыталъ, какое это тяжелое поприще! А припомъ я знаю, что мужъ вашъ разорился отъ усердія къ воспитанію юношей Донскаго края. Примите искреннюю жертву отъ умирающаго человѣка!“

Онъ угощалъ насъ съ пою же любезностію, какою украшались всѣ дни его жизни.

15 Сентября 1823 года не спало благодѣтельнаго *Алберта Фишера* на землѣ; но память о немъ напечатлѣлась навсегда въ сердцахъ моего семейства.

Изъ рукъ Священника Каполической церкви *Петра и Павла*, получилъ я *шеститысячный* завѣщанный мнѣ ломбардный билетъ. Принимая оный, я сказалъ: „Почтенный Служитель алшарей въры! Иностранцы печатаютъ, будто бы я ненавижу Иностранцевъ; но само Провидѣніе опровергаетъ сей несправедливый упрекъ. Сердце мое способно къ любви, а не къ ненависти. Въ любѣйшемъ, въ опчаянномъ состояніи моего семейства, благодѣтельный

иностраницѣ завѣщалъ мнѣ великодушное вспомошествованіе, и я получаю оное изъ рукъ иностраннаго Служителя алтарей вѣры.“

Другъ и благодѣтель моего семейства! Когда разцвѣшетъ Майская природа, копорую ты такъ страстно любилъ; когда заструятся въ зеленыхъ берегахъ испочки прозрачные, и когда разольются по рощамъ очаровательные звуки соловьевъ, копорымъ продражали звуки арфы твоей; тогда пойду я съ семействомъ моимъ навѣспилище твоего праха, и воздвигая на немъ дружескій памятникъ, изображу собственное твое изреченіе: *Добродѣтель не умираетъ!*

СТИХИ

НА КОНЧИНУ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА,
ГРАФА ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА ШУ-
ВАЛОБА.

Скорби, Ошечественна слава!
Еще одинъ изъ чадъ твоихъ
Спалъ жертвой смертнаго ушва:
Онъ палъ въ семьѣ друзей, родныхъ!—
Онъ палъ не шамъ, гдѣ смерть грозила;
Неумолимой смерти сила
Постигла въ мирны дни его!—
Скорби, сопутница Героевъ!
Оплачь питомца грозныхъ боевъ:
Оплачь любимца своего!

Смерть съ нами въ колыбель вступаетъ;
Подъ дланю мы ея ростемъ;
Какъ шѣнь—она насъ провождаетъ:
Увы! для смерти мы живемъ!—
Въ битвахъ кровавыхъ и ужасныхъ,
Средь бурныхъ случаевъ опасныхъ,
Шуваловъ жилъ, торжествовалъ.
Тамъ смерть—зря Рускаго Героя,
Предъ нимъ нѣмѣла среди боя;
Казалось, смерть Онъ устрашалъ!

Склонился Онъ къ опдохновенью;
 Пріятность тишины вкусилъ;
 Дни посвятилъ благотворенью,
 И для семьи любезной жилъ.
 Жилъ Онъ въ опрадѣ безмятежной;
 Душой чувствительной и нѣжной
 Съ собою страждущихъ сближалъ.
 Они въ Немъ Ангела встрѣчали
 И въ радостной душѣ вѣщали:
 „Отцемъ вторымъ Онъ нашимъ сталъ!“

*

Рыдайте! вашъ отецъ во гробѣ;
 Его зашмилъ ясный взглядъ;
 И Онъ подвергся смерти злобѣ;—
 И съ Нимъ лишились вы опрадъ.
 Ужь охладѣла та десница,
 Которой сирота, вдовица
 Крѣпились въ горести своей!—
 Рыдайте! слезы проливайте!
 И горестной душой вѣщайте:
 „Другъ умеръ страждущихъ людей!“

*

Нѣтъ! нѣтъ! Герой не умираетъ!
 Онъ побѣждаетъ гробъ и смерть:
 Его Исторія оживляетъ,
 И будетъ Онъ въ вѣкахъ гремѣть.
 На поприщѣ воинской славы,
 Щуваловъ подавалъ уставы
 Въ цвѣтущей юности своей.
 Въ безсмертной вѣкѣ Екатерины,

Летѣлъ на грозныя пвердыни,—
И *храбрыхъ* крестѣ пріѣлъ отъ Ней (*).

*

Въ какой, въ какой край отдаленной
Орлы Россійскіе парятъ?—
Гдѣ жилъ народъ, Царь полвселенной,
Уже они и тамъ гремятъ.
Ишалія! Ты Россовъ зрѣла!
Предъ ними ярость онѣмѣла.
Гдѣ Рымникскій разилъ Герой,
Шуваловъ тамъ блиспалъ, сражался;
Охошно смерти подвергался,
И славою питалъ духъ свой (**).

*

Уже подъ облака вступаетъ
Побѣдоносный Русскій сонмъ;
Онъ ночь дремучую встрѣчаетъ:
Гремитъ повсюду звучный громъ.
Но Сѣверные Исполины,
Чрезъ *Сентъ-Готарскія* вершины
Прорвались мужествомъ своимъ.
И тамъ отважныхъ, гордыхъ Галловъ
Разилъ безшрепетно Шуваловъ;
Хотя смерть самая боролась съ Нимъ (***)).

*

(*) За *Прагской* приступъ, Графъ Шуваловъ получилъ Георгія.

(**) Графъ Шуваловъ охошою вызвался въ *Ишаліанскій* походъ.

(**) Прорываясь черезъ вершины *Сентъ-Готарскія*, Графъ Шуваловъ былъ раненъ.

Возсталъ Египта побѣдитель;
 Возсталъ, возсталъ Наполеонъ!
 Возсталъ народовъ истребитель;
 Владѣть вселенной алчешъ онъ.
 Въ предѣлы Пруссіи стремится;
 Опшоль Россіи онъ грозится;
 Но Россѣ въ отпоръ ему предсталъ.
 Шувалову тамъ лавры новы
 На всѣхъ пусяхъ Его гошovy:
 Орломъ Онъ на враговъ лешалъ (*).

*

По грознымъ ледянымъ равнинамъ
 Умѣлъ пуши Онъ пролагать;
 Явилъ,—что Россамъ-Исполинамъ
 Природу можно побѣждать (**).
 Съ мечемъ перо соединяя,
 Въ полишику умовъ вникая,
 Умѣлъ уставъ давать умамъ.
 На полѣ бившѣ—Онъ былъ Героемъ;

(*) Начальствуя Глуховскимъ Кирасирскимъ полкомъ, Графъ Шуваловъ во всѣхъ случаяхъ мужественно отражалъ враговъ.

(**) Въ Шведскую войну 1809 года, начальствуя опѣбльнымъ корпусомъ, онъ первый изъ Русскихъ вошелъ въ Швецію черезъ Торнео, кшорою и овладѣлъ послѣ жаркой биввы. Вскорѣ потомъ при Шефелтѣ, сообразя все отважнымъ умомъ, онъ провелъ отрядъ по льду, окружилъ 8000 Шведовъ, принудилъ ихъ положить оружіе, взялъ 121 пушку и 24 знамена. За сей подвижъ произведенъ онъ былъ Генералъ-Лейтенантомъ.

А разлучась съ кровавымъ боемъ,
Онъ пролагалъ стези къ сердцамъ (*).

*

Когда врага всемірна сила
Нашъ край алкала поглотить;
Герой! болѣзнь Тебя сразила;
Но не надолго!—Снова живъ
Ты сталъ для славы незабвенной;
Ты зрѣлъ, какъ гордый врагъ вселенной
Престолъ, вѣнецъ и все терялъ!—
Ты зрѣлъ его уничиженъ,
Гордыни дерзостной паденье,—
И новой славой возблисталъ (**).

*

Безъ добродѣтели—ничто здѣсь слава;
Она мгновенный, смутный сонъ;
Она ничтожныхъ душъ отрава:
Намъ то явилъ Наполеонъ.
Но Ты подъ бременемъ недуга,
Ты не терялъ Геройска духа:
Ты вѣрой укрѣплялъ себя;
Живя другихъ—Ты самъ живился;
И съ Небомъ Ты соединился,
Справдальцевъ горестныхъ любя.

(*) При одномъ изъ блистательнѣйшихъ Европейскихъ Дворовъ былъ онъ Посломъ и на семъ новомъ поприщѣ показалъ, что Герой умѣешь быть и искуснымъ Полишикомъ.

(**) Графъ Шуваловъ присутствовалъ въ Фонте-небло при отреченіи Наполеона отъ престола и провожалъ сего знаменитаго плѣнника до при-сшани Фрежуской.

Герой-Христiянинъ безсмертенъ;—
 Безсмертенъ здѣсь и въ небесахъ:
 Путь нечестивыхъ непримѣненъ;
 А вѣры другъ—живетъ въ сердцахъ.
 Безсмертіе! Твое наслѣдство!—
 Нѣтъ! не оставилъ Ты семейство;
 Въ его душахъ, живешь душой!—
 Живешь Ты славы озареньемъ;
 Живешь своимъ благотвореньемъ:
 И гробъ сталъ храмомъ славы Твой (*).

XXXIII.

ГРАФЪ ЛЕВЪ КИРИЛОВИЧЪ РАЗУ- МОВСКІЙ.

Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій не долго служилъ на поприщѣ военномъ; но онъ служилъ со славою. При *Магинско*мъ сраженіи, одержанномъ подъ начальствомъ Князя Репнина, онъ оказалъ блистательнѣйшіе подвиги мужества. Да и кшо же изъ Русскихъ, достойныхъ сего имени, укрывается опъ пуль

(*) Погребеніе Графа Шувалова ознаменовано было присутствіемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Ихъ Императорскихъ Высочествъ и Его Свѣшлости Принца Оранскаго.

и каршечей? Смерть на полѣ битвы есть пошржесство Героевъ.

Не могу достовѣрно объяснить, по какимъ обстоятельствомъ Графъ Л. К. вышелъ въ отставку. Но уклонясь въ мирное уединеніе, онъ никогда не оставлялъ службы, посвященной Отечеству и соотечественниковъ. Румянцевъ-Задунайскій говорилъ о немъ: „Графъ Левъ Кириловичъ, оставя военную службу, и въ отставку полезенъ Отечеству. Онъ Герой человекѣлюбивый, онъ живетъ не для себя, а для другихъ: а тѣмъ самымъ и показываетъ примѣръ истиннаго Русскаго Вельможи.“

И дѣйствительно Графъ Левъ Кириловичъ во все время своей отставки, по ещѣ до перехода онъ сего міра въ могилу, неушомимо служилъ спраждущему челоѣчеству. Знаменитый Французскій духовный витія Боссюетъ, у гроба великаго *Конде*, славнѣйшаго Героя своего вѣка, сказалъ: „Да удалятся отъ насъ Герои не благодарные! Они удивляютъ, но не владычествуютъ надъ сердцами.“

Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій всегда владычествовалъ надъ сердцами. Онъ жилъ для *благодѣленія*. Оставляя великолѣпныя свои палаты, онъ въ видѣ честнаго человекѣка, *запросто* одѣтаго, ходилъ по улицамъ Московскимъ, ошис-

кивалъ спрадальцевъ и щедрою вель-
можескою рукою надблялъ ихъ. Онъ ми-
рилъ нищету съ богатствомъ. Бѣдный
просипель, получившій шакую дачу, о
какой и воображать не могъ, въ восторгъ
своемъ мыслилъ, что самъ Ангелъ его
хранипель ему благодѣпелъствуемъ.
Такое неожиданное благодѣпаніе ожив-
ляло его не на *одинъ день*, но на *цѣлыя*
годы, а можешъ бышь и на все про-
долженіе спранствования въ семъ мірѣ.
Надежда естъ благошворное солнце, оза-
ряющее горестныя пущи бѣднаго смерш-
наго. Получа однажды внезапную по-
мощь, мы думаемъ, что она и впредь
вспрѣпшпъ насъ.

Наканунъ годовыхъ праздниковъ, по
спаринному Русскому обычаю, Графъ
Левъ Кириловичъ Разумовскій самъ об-
ходилъ и шюремный замокъ и Губерн-
скую яму, гдѣ содержатся несостоя-
пельные должники. Внимательною бла-
гошворительностію умѣлъ онъ вывѣды-
вать обшпояпельства спрадальцевъ; и
рука неизвѣснаго благошворителя из-
водила ихъ изъ заключенія; и спрадаль-
цы, возвращаясь въ нѣдра семействъ,
съ радостными слезами молились Богу
о своемъ Ангелѣ искупителѣ. Что же
чувствовалъ тогда благодѣпелъный
Графъ; что же чувствовалъ шопъ, кто

спрадальцевъ безнадежныхъ одушевлялъ новою жизнію?

Въ первой пѣснѣ *нотей* своихъ, *Юнеѣ*, обращаясь къ любимцамъ щастія, которые должны были въ семъ преволнненомъ мірѣ *вторыми Провидѣніемъ* для *бѣдныхъ*, говоритъ.

„Любимцы щастія! изъ пышныхъ тѣхъ
палатъ,

Гдѣ роскошь съ нѣгою оспрады вамъ сулятъ,
И часто лишь одно приносятъ пресыщенье;
Подъ бѣдный кровъ даватъ спѣшите утѣшенье.
Кто горькой участью спалъ въ мірѣ пораженъ,
Пусть будетъ вашею рукой шотъ подкрѣ-
пленъ.“

Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій по собственному побужденію сердца своего, любилъ добро и искалъ случая утѣшать спрадальцевъ. Однажды на Тверскомъ бульварѣ подалъ онъ одной бѣдной и пресстарѣлой женщинѣ щедрую милоспину, и услышалъ сіи слова: *Батюшка! Да не Графъ ли ты Левъ Кириловичъ! Всѣ говорятъ, что онъ такой же милостивецъ, какъ и ты.— Молись Богу, отвѣчалъ Графъ, и не рассказывай никому о Графѣ.*

Съ нимъ много было такихъ случаевъ. Слѣдственно онъ жилъ для добра, дѣлалъ добро и наслаждался прелестію добра

„Почувствовать добра пріятство,
 Такое есть души богатство,
 Какого *Крезъ* не собиралъ.

Крезъ, Царь *Лидійскій*, среди не-
 смѣнныхъ своихъ сокровищъ, мертвъ
 былъ душою; а Русской благодѣтельный
 Графъ собиралъ то, чего не имѣлъ сей
 вѣнценосный златолюбецъ: онъ соби-
 ралъ благословія спрадальцевъ.

Не нужно говорить, что Графъ
 Левъ Кириловичъ былъ опцемъ поселянъ
 своихъ. Опъ *Петровскаго* до Москвы
 несли они гробъ его на плечахъ своихъ
 и со слезами восклицали: *ты оставилъ*
насъ, отецъ нашъ!

Ты оставилъ, Графъ благодѣтель-
 ный, и сей міръ и семейство твое. Но
 напоминаніе о тебѣ до полъ будетъ
 существовать, доколѣ не погаснетъ
 въ сердцахъ послѣдняя искра добра. Но
 это никогда не случится: слѣдственно
 ты всегда будешь въ памяти людей,
 какъ другъ и благодѣтель спрадальцевъ.

17 Ноября 1823.

ВОСТОРГЪ РОССІЯНИНА ПРИ ЛИЦЕ- ЗРѢНІИ ГОСУДАРЯ.

„Вѣрнопопданному, говорилъ Суворовъ, дорого лицезрѣніе МОНАРХА.“

Такимъ неоцѣненнымъ удовольствіемъ наслаждался въ проѣздѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА 1823 года черезъ Бѣлоруссію, долголѣтній служитель временъ Екатерины, Пепръ Ивановичъ Турчаниновъ (*).

Находясь двадцать семь лѣтъ въ отставкѣ и далеко уже простираясь на пуши преклонной старости, онъ оживотворился сладостною надеждою еще разъ воззрѣть на ГОСУДАРЯ и забылъ бремя своей старости. Пронеслась молва, что ранній обѣдъ МОНАРХА будетъ въ *Поболовѣ*, на почтѣ *Угереневига*. Немедленно отправилъ туда

(*) Проходя поприще Гражданской службы, П. И. Турчаниновъ извѣстенъ былъ и по военной части. Въ 1789 г. сказано: „Генералъ-Маіоръ Турчаниновъ по Высочайшему соизволенію при галерномъ флотѣ находился: снабжалъ шотъ флотъ всѣмъ нужнымъ; въ дѣлѣ былъ неослучно съ Вице-адмираломъ; повсюду поспѣшалъ, гдѣ присутствіе его было нужно, и являлъ опыты отличнаго усердія и неустранимости.“

Петръ Ивановичъ хлѣбъ-соль, состоявшую въ садовыхъ плодахъ, виноградъ и ананасахъ; а самъ выѣхалъ на большую дорогу, къ постоялому двору. Вдругъ появилась ГОСУДАРЕВА коляска. Зрѣніе стародавняго Чиновника, ослабѣвшее отъ лѣтъ и трудовъ, не могло распознать МОНАРХА, но ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ по ангельской внимательности своей, тотъ часъ примѣтилъ Турчанинова и вскричалъ: „эшо Петръ Ивановичъ!“ Восклицаніе сіе опоздалось въ душѣ его; онъ собралъ всѣ силы, чтобы поспѣшнѣе идти къ ГОСУДАРЮ. Но МОНАРХЪ милосердый выскочилъ изъ коляски, обнялъ усерднаго своего подданнаго и поцѣловалъ его нѣсколько разъ. Въ радостномъ восторгѣ Турчаниновъ предался такому же душевному влеченію. Казалось, что ПЕТРЪ Великій обнимаетъ кого нибудь изъ сотрудниковъ своихъ. Ласковость Государей украшаетъ ихъ величіе. Но тутъ ГОСУДАРЬ предался одной благости своего сердца. Увидя Чиновника, котораго зналъ еще въ юности своей и котораго привыкъ любить за его честность и заслуги къ престолу, ОНЪ обошелся съ нимъ какъ съ давнишнимъ знакомцемъ.

Вступя въ разговоръ съ благосклоннымъ МОНАРХОМЪ, Турчаниновъ въ полной откровенности сердечной, сказалъ: „примигте, ГОСУДАРЬ! отъ ста-

рика при Рускіе спасибо за то, что вошедъ въ Парижъ, какъ побѣдитель, предписали изъ стѣнъ сей столицы Франціи, Духовной нашей Академіи почерпашъ просвѣщеніе народа въ истинахъ Евангельскихъ. Вы симъ подвигомъ увѣнчали благонравіе. Служба вѣрныхъ служителей Престола идетъ тамъ ревностно, гдѣ начальники и подчиненные соблюдаютъ взаимныя свои обязанности. Вы, ГОСУДАРЬ! какъ попечительный Отецъ, поспѣвая чадъ своихъ, видите, гдѣ какъ живутъ и что должно исправить. Бѣлоруссія вполнѣ эшо чувствовала въ пробѣдъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА изъ *Веронки*.“

ГОСУДАРЬ хвалилъ Пепру Ивановичу сына его, служащаго въ арміи Генералъ-Маіоромъ, и давая замѣшки, что и ОНЪ постарѣлъ, указалъ на свою голову. „Вижу, ГОСУДАРЬ! сказалъ Турчаниновъ, что и Вы постарѣли, но за то много сдѣлали.“

Съ такими же чувствами просился ГОСУДАРЬ съ давнишнимъ своимъ знакомцемъ, съ какими и свидѣлся. ГОСУДАРЬ уже сѣлъ въ коляску, а восхищенный Турчаниновъ, не спуская съ Него глазъ, поднесъ виноградъ. При чемъ подчивалъ также Государевыхъ сопутниковъ Графа Аракчеева и Барона Дибича.

Я питаю къ нимъ истинное уваженіе, сказалъ онъ, за заслуги ихъ Отечеству.“

Долго, долго смотрѣлъ оживотворенный старецъ на ГОСУДАРЕВУ коляску. Все скрылось изъ виду; но образъ ласковаго и благосклоннаго ГОСУДАРЯ снова начерпался въ душѣ его и какъ онъ самъ говоритъ: „Сей радостный случай украситъ послѣдніе годы и послѣдніе дни его жизни.“

XXXV.

ОПИСАНІЕ ПРАЗДНИКА, ДАННАГО
ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ ЛЬВОМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ НАРЫШКИНЫМЪ 29
ІЮЛЯ 1772 ГОДА, ВЪ ПРИМОРСКОМЪ
ЕГО ДОМѢ ЛЕВЕНДАЛѢ.

Воспоминаніемъ живетъ душа, воспоминаніемъ живетъ сердце. Воспоминаніе есть дѣйствительно *второе бытіе* для того, кто живетъ въ сельскомъ уединеніи. Въ шумныхъ столицахъ некогда *вспоминать*; въ вихрѣ разсѣянности ловящъ одну настоящую минуточку. И такъ, живучи въ глуши и роясь въ мирной хижинѣ въ старинныхъ моихъ бумагахъ, опыскалъ я описаніе и вели-

колѣннаго и сердечнаго праздника, даннаго Великой Екаѳринѣ Рускимъ Вельможею.

Я предложу сіе описаніе съ нѣкоторыми собственными прибавленіями.

Въ приморскомъ своемъ домѣ *Левендалъ*, обширномъ обширною рощею, *Л. А. Нарышкинъ* назначилъ празднество 29 Іюля 1772 года. По предварительному приглашенію съѣхались въ рощу и чужестранные Министры и знаменитыя особы и купцы. Народъ самъ собою стекался; входъ былъ всемъ открытъ и сердечная ласка всехъ принимала. Казалось, что одно изъ *предлѣстныхъ Китайскихъ* переселилось на Петербургскую приморскую дачу. Прелестные домики, построенные на образецъ Китайскій, плѣняли взоры; а слѣдующая надпись, начертанная на разныхъ языкахъ, возбуждала искреннюю благодарность къ гостепріимному хозяину: *хозяинъ весьма будетъ радъ, если прїѣзжіе будутъ посѣщать сіе мѣсто, когда угодно.* Прекрасная мысль и прекрасное приглашеніе! не все осыпаны дарами щастія, но тотъ истинно щастливъ, кто свое предлагаетъ *другимъ*.

На каждомъ шагу встрѣчались новые очаровательные предметы. Тутъ пестрѣлись въ пріятномъ разнообразіи

различные цвѣшны и возвышались кусты; шамъ свѣшная излучистая рѣчка влекла за собою восхищенные взоры; шамъ являлась цѣпь острововъ; шутъ представлялись дикіе буераки; а шамъ взоръ терялся въ неизмѣримомъ протяженіи дорогъ и въ густотѣ лѣса; а шутъ вскрѣчались мрачныя пещеры и горы, возвышавшіяся уступами.

Въ семь часовъ вечера все еще болѣе оживилось присутствіемъ Екатерины и Наслѣдника Престола. Не нужно говорить, что громкіе звуки музыки и сердечныя восклицанія повсемѣстно привѣтствовали Царицу—Посѣтительницу. Изъ дома хозяина Императрица вошла въ рощу. Вездѣ раздавалась музыка, и каждое мѣсто представляло новыя забавы; особенно островъ, гдѣ были качели, казался островомъ волшебнымъ. Излучистая дорога, обсаженная различными кустами, провела Екатерину въ чащу мрачнаго лѣса, гдѣ представлялась дикая пещера, обросшая мохомъ и дерномъ; поверхность ея украшалась цвѣтами и плодами, служащими отрадой пустыннымъ. Вдали раздавались пастушечьи свирѣли. По звуку ихъ нечувствительно приближались къ холму, осѣненному лѣсомъ и испещренному цвѣтами; на вершинѣ его стояла хижина; подъ нею на скатѣ горы паспу-

хи пасли стада свои, а паспушки собирали цвѣшны для украшенія сельскаго своего жилища. При приближеніи Царицы, музыка умолкла, и двѣ первенспвующія паспушки *Филида* и *Лиза* въ простомъ паспушескомъ одѣяніи и съ посохами, обвѣшанными цвѣшными, поспѣшили на лугъ на встрѣчу къ Вѣнценосной Госпѣ.

Ф и л и д а (*).

„Царица душъ, сердець! приди подъ кровъ
смиренной;
 Хотябъ здѣсь пышности стеклися всей все-
ленной,
 То мало было бы, чтобы тебя принять:
 Что можешь удивить народа нѣжну мать?..
 Олшарь ея—сердца; вѣнецъ—любовь народа:
 Воззрѣніемъ ея украсится природа:

(*) По случаю сего празднества издана была Французская книжка, въ которой предложены были рѣчи, произнесенныя Екатериной. У меня нѣтъ этой книжки. Я предлагаю стихи по догадкѣ. Русская Царица съ ласкою принимала всѣ извѣщенія сердечныя и въ прозѣ и въ стихахъ. Въ бытность Ея въ Казани, *Лузинъ* читалъ Ей на распѣвъ длинную и нескладную оду. Екатерина слушала ее благосклонно, ибо слышала голосъ усердія. И шакъ и праху сей ласковой Государыни пріятно посвящать новыя изліянія усердія.

Л и з а.

,Приди, Царица душъ! подъ сельскій скром-
 ный кровъ;
 Не стелемъ для тебя мы пышныхъ здѣсь ко-
 вровъ;
 Душистыми швой путь усѣемъ лишь цвѣтами;
 А встрѣтимъ въ хижинѣ усердными сердцами.
 Присутствіемъ своимъ ты дашь жизнь нову
 намъ;
 И скромна хижина преобразится въ храмъ.“

И вдругъ—какъ будто бы по мано-
 венію волшебнаго жезла, смиренная хи-
 жина преобразилась въ великолѣпный
 храмъ побѣды. Два крыльца вели въ оный.
 При дверяхъ каждаго входа стояли спа-
 шуи, предспавлявшія побѣды, увѣнчав-
 шія оружіе Россіянъ. Въ срединѣ свода
 парилъ орелъ съ распростертыми крыль-
 ями; на груди его сіяло имя Импера-
 рицы, а въ когтяхъ держалъ онъ сви-
 токъ съ надписью: *Екатеринѣ Второй
 Побѣдительницѣ.*

Учредишель празднества, сообразу-
 ясь съ качествами Русской Царицы, ко-
 торая съ *малыми средствами* дости-
 гала *великой цѣли*, скромную хижину
 преобразилъ въ храмъ побѣды.

Два перехода, наполненные воинами,
 окружали храмъ. Гремѣла музыка воинс-
 кая, и блистало бранное оружіе. Стол-
 бы обвиты были лаврами, пальмами и

трофеями. На верьху храма, среди
огненныхъ сосудовъ, являлась Слава съ
шрубою.

Изъ внушренности храма вышелъ
Геній побѣды, и поднеся *Екатеринѣ*
лавровый вѣнецъ, вѣщалъ:

„Вѣнчанна славою, любимая сердцами,
Для щастья Россіянъ хранима Небесами;
Что принесемъ тебѣ? сердца!—онѣ твои;
Тобой вкушаемъ мы злашаго вѣка дни.
Съ душою Ангельской, ты браней не хотѣла;
И лучшею изъ всѣхъ побѣдою владѣла:
Побѣда благости лестнѣе всѣхъ побѣдъ;
Побѣдой сей къ сердцамъ ты проложила слѣдъ.
Но буйный врагъ возсталъ; и—гордостью вле-
комый,
Неотразимые на насъ мнилъ бросишь громы;
Ты ополчилась за чадъ—возсталъ масть;
И врагъ кичливый сталъ повсюду шепешать.
Не лавровъ ищешь ты, но щастья странъ
подвластныхъ;
Ты дни свои ведешь для насъ въ трудахъ все-
часныхъ.
Живи! намъ даръ Небесъ власть крошкая твоя;
Всѣ Россы то гласятъ, что здѣсь вѣщаю я.

Екатерина вступила въ храмъ, и
картины, представлявшія *трофеи*, пре-
врапились въ изображеніе слѣдующихъ
шести побѣдъ.

Первая. Взятіе Хошина 9 Сентя-
бря 1769 года. *Геній* въ радужномъ сія-

нії надѣ городомъ, гласилъ: *сопротивленіе было бы тщетно.*

Вторая. Сраженіе при рѣкѣ Ларгѣ 7 Іюля 1770 года. Слава, парившая на облакахъ, вѣщала: *не силѣ однихъ конгится.*

Третья. Кагульская битва 21 Іюля 1770 года. Минерва, взиравшая съ превыспренняго свода, показывала свитокъ съ симъ начертаніемъ: *число преодолено храбростію.*

Четвертая. Сожженіе Опшоманскаго флота при Чесмѣ. Орелъ, парившій въ небесахъ и испускавшій молніи, держалъ свитокъ съ надписью: *небывалое исполнилось.*

Пятая. Взятіе Бендеръ 16 Сентября 1770 года. На шверди небесной являлась Беллона, метавшая на городъ стрѣлы. Въ одной рукѣ держала она пылавшій факелъ, а въ другой хартію съ надписью: *что можетъ устоять?*

Шестая. Покореніе Кафы и всего Крыма 1771 года. Слава, парившая среди лучезарныхъ облаковъ, держала въ рукахъ лавры для увѣнчанія Героевъ-Россовъ. Крымъ, восхищенный владычествомъ Екатерины, показывалъ свитокъ съ надписью: *Коль сладокъ нычѣ жребій мой!*

Отъ Русскихъ памятниковъ славы и побѣдъ, Екатерина перешла въ Ки-

тайское урочище. Дома, сады и ппичники,—все было тамъ во вкусѣ Кишайскомъ. Домашніе служители были въ Кишайской одеждѣ, музыка играла Кишайская; среди домовъ возвышалась горка, сопавленная изъ рѣдкихъ морскихъ раковинъ, разноцвѣтныхъ камней и окаменѣлыхъ растѣній. На площади возвышались мачты, украшенныя Кишайскими *пагодами*, съ колокольчиками и разноцвѣтными флагами.

„Усердье всѣ мѣста сближаетъ;
Властитель щастливыхъ сердецъ
Всѣ части міра тамъ встрѣчаетъ,
Гдѣ даръ небесъ—его вѣнецъ.“

Опдохнувъ нѣсколько въ *Китайскомъ урочищѣ*, Екатерина черезъ небольшой мостъ перешла въ правую сторону рощи.

„И вдругъ—раздался звукъ рожковъ,
Предстало поселянъ селенье;
Отозвалось сердечно пѣнье;
Изчезъ узорчатый Кишай,
Родной явился Русской край.
Тамъ хижины обгорожены,
Привольемъ щастливымъ снабженны,
Своею милой простошой
Сердца и взоръ обворожали.
Тамъ нивы жатвой золотой
При солнечныхъ лучахъ блистали;
Тамъ пчельниковъ являлся рядъ;

Тамъ всѣхъ стеченіе отрадъ
 Безъ блеска—сердце восхищало,
 И вѣкъ злошой напоминало.“

Словомъ: въ семъ мѣстѣ устроено было селеніе *закитогныхъ Русскихъ крестьянъ*. Полюбовавшись симъ сельскимъ щасіемъ, которое Русская Царица искренно желала водворить повсемѣстно, она возвратилась къ Кишайскимъ домикамъ, а опшуда направила путь къ площади храма, намощенной досками. Загремѣла огромная музыка, и начались различныя пляски.

Великолѣпный ужинъ приготоувленъ былъ Екатеринѣ въ домѣ хозяина, а двѣ тысячи посѣпителей угощаемы были въ разныхъ бесѣдкахъ. Освѣщеніе было повсемѣстное и разноцвѣтное. Наружный блескъ сливался съ блескомъ, озарявшимъ всѣ души. Не одинъ блестящій санъ Екатерины, но ея слава, а еще болѣе любовь ея къ народу, возбуждали во всѣхъ сердцахъ непришворный восторгъ. Тогда слава ея была въ полномъ сіяніи. Но сія слава блеснула, мелькнула и—исчезла. Громы новыхъ побѣдъ заглушили громы дней прошедшихъ. Что же осталось съ Екатериною? Любовь, кошо-роу она отъ чистаго сердца дарила свой народъ; и по праву сей любви, она всегда будетъ жить въ сердцахъ: сія

неунирающая жизнь принадлежишь
Екатеринь.

Послѣ ужина при рѣкѣ *Красной* зажженъ былъ фейерверкъ. На щитѣ являлась *Астрейя*, въ одной рукѣ державшая рогъ изобилія, а въ другой *вѣсы правосудія*. Въ низу изображены были паспухи со spadaми своими. Распри и раздоры бѣжали отъ сихъ щастливыхъ мѣстъ. То было изображеніе золотого вѣка.

„Нѣтъ вѣка на землѣ златова,
Нѣтъ тамъ его, гдѣ мрачность буръ
Темнитъ небесную лазурь;
Гдѣ съ жизнью вмѣстѣ—смерть сурова;
Гдѣ добродѣтель слезы льетъ;
Гдѣ сильный слабого гнететъ;
Гдѣ все дано—на мигъ единый....
Но вѣкъ златой Екатерины
Былъ вѣкомъ по любви златымъ;
И мы его въ душахъ хранимъ.“

По сожженіи щипа, Екатерина вышла изъ палатки, откуда смотрѣла на *фейерверкъ*. Новое зрѣлище поразило изумленныхъ посѣщителей. Подъ тѣнью древесной открылось прозрачное огненное явленіе, представлявшее на колесницѣ *Феба*, державшаго въ рукахъ вѣнзелевое Импераприцы имя, озарявшее всѣхъ лучами своими. Подъ симъ лучезарнымъ именемъ изображенъ былъ престарѣлый *Браминъ*, стоявшій между пальмою и алоемъ. Воздѣвъ руки къ

небесамъ, и покланяясь сему блестящему свѣшину, казалось, онъ вѣшалъ:

„Какъ солнце все живитъ и мѣръ весь о-
вѣщаетъ,

Такъ вѣщеносная все благость оживляетъ,

И кровъ соломенный и пышности чертогъ

Сіянемъ солнечнымъ все озаряетъ Богъ.

И власть такъ Царская съ любовью сопряжена,

Все озаряетъ собой бываетъ устремлена;

Величье безъ любви дивитъ, а не живитъ;

Средь мрака и средь бурь любовь всегда блестя-
титъ.

О солнце нашихъ дней, источникъ оживленья!
Блещай, свѣши, сіяй, не вѣдай заходенья.“

Уже посѣщипели воображали, что все кончилось, и готовились развѣзжашься; но внезапно открылся мраморный столбъ, освѣщенный среди перспективы. На вершинѣ его парилъ двуглавый орелъ съ лучезарнымъ именемъ Екатерины. На подножии, сооруженномъ изъ дикаго камня, на мѣдныхъ доскахъ бронзовыми буквами изображена была слѣдующая надпись: *Сей изъ обрѣтеннаго въ Сибири мрамора сдѣланный и отъ всещедрой Екатерины Второй въ даръ полученный столбъ, въ залогъ незабвенной своей благодарности къ Ея Императорскому Величеству, на семъ мѣстѣ поставилъ Левъ Нарышкинъ, въ годъ прибвтія Россійскаго флота въ*

Морею и истребленія Турецкихъ морскихъ силъ.

Къ увѣнчанію сего торжества, на верху столба блеснуло искусственное восходившее солнце, и озарило рошу лучами своими. Еслибъ не было тогда полночи, то можнобъ было подумашъ, что наступилъ день.

Одинъ изъ стихотворцевъ того времени тогда же написалъ карандашемъ слѣдующіе стихи:

„О чудо новое! что видишь здѣсь народъ?
Въ необычайный часъ зримъ солнечный восходъ.
Конечно Фебъ, узнавъ приходъ Екатерины,
Вознесся въ полночь здѣсь изъ влажныхъ пучи-
ны,
И не хотя еще взойти на твердь небесъ,
Урѣшь ее спѣшилъ онъ въ *Левендальской* лѣсѣ.“

XXXVI.

МОСКОВСКІЯ ЯМСКІЯ СЛОБОДЫ.

По преданію изустному, то есть, по сему первоначальному основанію всемірныхъ лѣтописей, и теперъ еще существуешъ сказаніе въ семействахъ Московскихъ ямщиковъ, что учрежденіе ихъ относится ко времени перваго и

достопамятнаго похода подъ Казань Царя Ивана Васильевича.

Нѣшѣ писменныхъ сему свидѣтельствѣ, но есть правдоподобіе.

Первый походъ перваго Русскаго Царя, предпринятый подъ Казань 1550 года, сопровождаемъ былъ непогодливою и бурною зимою. Войско прешерпѣвало сильный уронъ въ людяхъ, и сверхъ того надлежало преодолевать и трудности бездорожья (*).

Необычайныя обстоятельства требуютъ и необычайныхъ мѣръ. И такъ къ сбереженію войска, огнеспрѣльныхъ орудій, снарядовъ и продовольствія, надлежало учредить особенныхъ *подводниковъ* или *ялщиковъ*.

Сочинитель книжки: *О старинныхъ Московскихъ приказахъ*, предполагаетъ, что *Ямскія Московскія слободы* воспріяли существованіе свое при Царѣ Борисѣ Годуновѣ или тогда, когда онъ былъ полновластнымъ Правителемъ Россіи при Царѣ Феодорѣ Ивановичѣ (**). Хотя и сего не лзя утвердить письменными памятниками; но сіе сближеніе съ царствованіемъ Ивана Васильевича,

(*) Смол. Опытъ Казанской Исторіи Рычкова, глава 10, сшран. 126.

(**) Смол. Древнюю Россійскую Вивліюеину, Часть 20, сшран. 413.

покорителя Казани, свидѣтельствуешъ, что ямщики могли быть и въ его время.

Въ трех-лѣтнее междуцарствіе, когда, по словамъ Русскихъ Лѣтописцевъ, вдовствовалъ Царскій престолъ и сиротѣла земля Русская, ямщики или подводчики съ неупомимымъ раченіемъ и скоростію развозили порохъ и оружіе, служившія къ защитѣ земли Русской (*).

„Важное происшествіе, сказано въ вышеупомянутой книжкѣ, преобразившее значительное число гражданъ и крестьянъ въ ямщики, и въ слѣдствіе того снабженіе ихъ изобильнымъ владѣніемъ земель, почти ушвердительно можно отнести къ царствованію Михаила Θεодоровича. Изъ записной книги 1627 года, Марта 8 явствуетъ, что сей Государь и Великій его родитель, Святейшій Папріархъ Филаретъ Никитичъ, указали давать опредѣленное число подводъ и Властемъ и Бояромъ и Околнѣтѣмъ и Думнымъ и всякихъ тиновъ людемъ по сеоему Государскому уложенію (**).

Весьма вѣроятно, что Папріархъ Филаретъ Никитичъ, знавшій о важныхъ пользахъ, доставленныхъ въ трех-лѣтнемъ междуцарствіи подводчиками

(*) Смол. Грамоты того времени.

(**) Смол. Древнюю Россійскую Вивліювику, Часть 20, стран. 413.

или ямщиками; содѣйствовалъ къ учрежденію ихъ слободъ. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ оныхъ основался и *Ямской Приказъ*. Въ сей Приказъ назначились чиновники, изъ *знатнѣйшихъ тиновъ*, съ копорыми засѣдали и *Дьяки*. Въ 1628 и 1629 годахъ засѣдалъ въ Ямскомъ Приказѣ незабвенный сынъ Опечества, защитникъ Москвы и Россіи Князь *Дмитрій Михайловичъ Пожарскій*.

Царь Алексѣй Михайловичъ, ограждая безопасностію почтовую гоньбу и въ изъявленіе довѣренности своей къ ямщикамъ, приказалъ сшить имъ *шесть кафтановъ суконныхъ, Амбурскаго сукна цвѣта*, и нашить на оныхъ орлы, изображенные на красномъ сукнѣ. Симъ почетнымъ ямщикамъ препоручено было надзирать, чѣобы за границу не провозили изъ Россіи ни золота, ни серебра, ни жемчуга. Такимъ образомъ ямщики были охранителями сокровищъ Государственныхъ (*).

Благошворное вниманіе Русскихъ Государей ко всѣмъ сословіямъ Русскаго народа и нынѣ еще въ полной мѣрѣ продолжается.

1818 Года Іюня 15 дня, по соизволенію ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, Тверской *Ямской*

(*) Смѣтри Древ. Рос. Ист. стр. 548.

слободы ямщикъ Яковъ Семеновъ Ершовъ за усердный десяти-лѣтній подрядъ для отвоза кормилицъ съ пищикомъ, награжденъ бархатнымъ кафтаномъ съ золотымъ гасомъ. Тотъ же самый ямщикъ удостоился получить 1822 Декабря 29 серебряную медаль за различные усердные подвиги, оказанные въ отношеніи къ Воспитательному Дому.

1820 Года, по представленію бывшаго Почтв-Директора, Его Превосходительства Константина Яковлевича Булгакова, ямщики Тверской слободы Пешръ Ивановъ Сочкинъ и Егоръ Васильевъ Какоринъ, за точное и ревностное исправленіе обязанностей по почтовымъ *станціямъ* Московской Губерніи, пожалованы Милосердымъ ГОСУДАРЕМЪ богатыми суконными малиноваго цвѣта кафтанами съ позументомъ.

Предложимъ здѣсь о ямскихъ Московскихъ слободахъ изъ прошенія къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, лично поданнаго ямщиками 1816 года.

„Московскія ямскія пять слободъ: Тверская, Драгомиловская, Коломенская, Переславская и Рогожская, со времени населенія ихъ по мѣстоположенію своему за Землянымъ городомъ Москвы, состояли въ предмѣстіяхъ города на

правѣ уѣздныхъ жителей. Въ тѣ времена, въ царствованіе вѣчно достойной памяти Великихъ Князей, Царей и Государей Всероссійскихъ, за нашихъ предковъ усердную и вѣрную службу пожалованы удѣломъ земель въ вѣчное и потомственное владѣніе, и припомъ отъ всѣхъ податей, налоговъ и отъ рекрутской повинности были освобождены.

„Отъ времени до времени Москва распространилась своимъ населеніемъ до того, что черта города, бывшая по земляному валу, назначена по другому, такъ называемому Камеръ-Коллежскому валу.—И ямскія слободы, войдя такимъ образомъ въ существенную окрестность города, содѣлались настоящими его улицами.“

Предусмотрительный Государь, неусыпно сохраняя и соблюдая благо и собственность каждого изъ подданныхъ, врученныхъ ему Провидѣніемъ, излилъ на ямскія слободы слѣдующія новыя благодѣянія, означенныя въ предписаніи отъ 16 Марша 1817 года, бывшему Московскому Генералъ-Губернатору, Генералу отъ Кавалеріи Графу Тормасову:

1) Числющуюся на ямщикахъ недоимку поземельнаго сбора съ заспроенной и незаспроенной земли, а равно и пѣню по сей недоимкѣ, сложить съ нихъ

по 1817й годѣ не въ примѣръ другимъ обывателямъ, съ которыми не имѣящихъ они равнаго права приобрѣтать въ собственность землю и располагать ею.

2) Въ замѣну поземельнаго сбора и въ замѣну предполагаемаго съ оцѣнки домовъ, брашь съ ямщиковъ въ пользу города процентныя деньги съ получаемаго ими дохода, съ лавокъ по шести, а съ постоянныхъ дворовъ по три процента съ рубля. Сего требуетъ справедливость, ибо съ одной стороны земля, ямщикомъ занимаемая, не есть собственность его, какъ выше сказано. Слѣдовательно и самая оцѣнка дома, на такой землѣ находящагося, будетъ ничтожна, когда не можетъ домъ быть проданъ въ другіе руки иначе, какъ на съездъ; а съ другой не лзя не принять въ уваженіе и того, что ямщикъ платитъ подати и повинности вдвое противу мѣщанина.

3) Купеческимъ акцизомъ облагать тѣхъ только ямщиковъ, кои производятъ торговлю, купеческву присвоенную; но тѣхъ изъ нихъ, кои занимающія мѣлочнымъ торгомъ менше суммы, опредѣленной для купца 3 ей гильдіи, или кои занимающія торгомъ и промысломъ крестьянамъ дозволенными, обложить акцизомъ, равнымъ съ крестьянами, не принуждая къ плажежу противъ

купца з ей гильдіи, когда у шаковаго ямщика и повару находится едва на равную сумму прѣбуемой Градскою Думою подаши.

4) Ямщиковъ, занимающихся ремесломъ, на примѣрѣ: кузнецовъ, колесниковъ и тому подобныхъ, не облагать другимъ какимъ акцизомъ, кромѣ причисленія въ ремесленные цехи.

5) Впрочемъ, не взирая на распоряженіе сіе, облегченіе ямщиковъ единственно въ себѣ заключающее, они должны оспаваться въ настоящемъ ямскомъ состояніи и выполнять по оному безъ упущенія всѣ обязанности, равно содержать и мостовую въ своихъ слободахъ.“

По необычайному спеченію дивныхъ событій на лицѣ земли, благотворное вниманіе АЛЕКСАНДРА Перваго обращено было на ямскія Московскія слободы, послѣ разоренія, прешерпѣннаго Москвою 1812 года: послѣ шаковаго же 12 го, ш. е. 1612 года, воспослѣдовало льготное предписаніе въ пользу Московскихъ ямщиковъ. „А послѣ Московскаго раззоренія, сказано въ ономъ, которой гонецъ подводу надсади шѣмъ же обычаемъ, и за шѣ подводы правила на гонцахъ деньги пропивъ купли, справясь съ записными книгами на конной

площадкѣ, потому что предѣ прежними лѣшами лошади дороги.“

Вѣ подтвержденіе того, что я упомянулѣ о важныхъ заслугахъ ямщиковѣ въ прехѣ-лѣпное между-царствіе, въ воспослѣдовавшемъ потомѣ Указѣ Царя Михаила Ѳеодоровича изображено: „Ямщикамѣ на Воеводѣ никакого сдѣля не дѣлашъ, и городского и *осторожнаго дѣла* (*) сѣ посадскими людьми дѣлашъ не велѣно, а велѣно ямщикамѣ гоняшъ ямскую гоньбу.“

Благодѣтельные С а м о д е р ж ц ы Россіи на все обращали опеческое вниманіе и шѣмѣ самимѣ подвигали сыновѣ Россіи кѣ душевнымѣ и неограниченнымѣ пожертвованіямѣ во всѣхъ случаяхъ, когда Вѣра, Престолѣ и Опечесшво того шребовали. Хошя, по Указу Царя Михаила Ѳеодоровича, ямщики уволены были отѣ *сторожеваго дѣла*, ш. е. отѣ спражи воинской; но вѣ 1790 году, когда Шведскій Король, предполагая, что Россія, озабоченная войною сѣ Опшоманскою Порпою, не вѣ силахъ будетѣ ему прошивустоять, вознамѣрился овладѣшъ Пешербургомѣ: ямщики вызваны были на службу. Полкѣ, изъ нихъ сосшавленный, дѣйствовалѣ на по-

(*) *Осторожнаго дѣла*, кажешся, означаешъ дѣло, опшоящееся кѣ воинской службѣ.

лѣ грозныхъ бишѣвъ, и Русскіе ямщики раздѣлили славу и честь съ воинами. Въ достопамятный 1812й годъ ямщики новыми пожертвованіями ознаменовали рвеніе свое къ Престолу и Опе-
честву. Соревнуя Дворянамъ, Ямская *Рогожская слобода* выспавила въ рап-
ники 20 человекъ; а подражая купече-
ству, пожертвовала *пятью тысячами*
рублей, которые тогдашнему Москов-
скому Градоначальнику Графу Теодору
Васильевичу Распопчину вручилъ пре-
старѣлый житель ямской Рогожской
слободы, Иванъ Семеновъ Ширяевъ, из-
вѣстный долготѣпными заслугами по
званію своему. Онъ имѣлъ счастье встрѣ-
чать съ хлѣбомъ и солью и Императрицу
Екатерину II и Императора
Павла Перваго, и Императора АЛЕК-
САНДРА Перваго.

Всѣ обстоятельство, относящіяся
къ симъ радостнымъ и торжествен-
нымъ случаямъ, и всѣ милости Царскія
живо напечатлѣны въ памяти и въ сердцахъ
Московскихъ ямщиковъ.

Упомянемъ о Высочайшей милости,
оказанной ямскому сословію 1824
года. Престарѣлый, но не охладѣваю-
щій никогда въ ревности къ пользѣ об-
щей, житель слободы Рогожской, Иванъ
Семеновъ Ширяевъ съ поварищами,
имѣлъ счастье встрѣпить ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА въ одиннадцати верстахъ отъ Серпухова у села *Лушковъ*. Вмѣстѣ съ хлѣбъ-солью ямщики удостоились подать прошеніе. „Это что такое? спросилъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, съ обыкновенною Своею Отеческою снисходительностію. Престарѣлый Ширяевъ отвѣчалъ: „Просимъ Тебя, Милосердый ГОСУДАРЬ, о вѣпоричной отсрочкѣ ссудной суммы. Если можно, яви сію милость.“—Можно, сказалъ ГОСУДАРЬ.—И симъ однимъ словомъ Вѣнценосный Ангелъ отсрочилъ сотни тысячъ. Награждая сею милостию ямщиковъ, ГОСУДАРЬ прибавилъ: „Пусть богатѣютъ, да Бога не забываютъ.“

XXXVII.

ВЗЯТІЕ КРѢПОСТИ ЛАНКОРАНА
31 Декабря 1812 года Генераломъ
Котляревскимъ.

Герой Грузіи, увѣнчанный свѣжими лаврами, пожалыми за *Араколъ*, при отважномъ нападеніи на *Абасъ-Мирзу* и при взятіи его стана, Генералъ *Котляревскій* съ храброю дружиною Русскихъ воиновъ приступилъ 26 Декабря 1812 года къ *Ланкорану*, укрѣпленному

по образцу Европейскихъ крѣпостей, и гдѣ было около пяти тысячъ Персіянъ. Котляревскій требовалъ сдачи крѣпости у *Сардара Садыхъ Хана*. Кичливый Ханъ отвѣчалъ, что онъ будетъ защищаться. Къ нанесенію важнѣйшаго вреда крѣпости, 27 Декабря свезена была съ корабля трехпудовая *мортира*, изъ которой продолжалась бомбандировка до 29 числа. Слава украшается челолюбіемъ. По опыту предшествовавшихъ побѣдъ, *Котляревскій* увѣренъ былъ, что Персіяне не устоятъ, и что оружіе Русскихъ снова обогришся ихъ кровію. И такъ впорично отпировилъ онъ чиновника ко всѣмъ *Ханамъ* и убѣждалъ ихъ: «чтобы они пощадили себя, женъ, дѣтей, имущесіва и не упорствоваали бѣ защищаться противъ войскъ побѣдоносныхъ.» Гордый врагъ отвѣчалъ—однимъ безмолвіемъ.

Между тѣмъ снаряды истощались. Малочисленной дружинѣ Русскихъ оставалось или *побѣдить* или *умереть*. Опсупленіе повлекло бы за собою голодъ и бесполезную гибель: ибо непріятель безпокоилъ бы наши войска по всѣмъ дорогамъ. Сверхъ того въ руки Персіянъ навсегда бы досталось *Талышинское владѣніе*. Въ сихъ обстоятельствахъ Герой, призвавъ на помощь Бога, рѣшился штурмовать.

„Воины!“ сказалъ онъ: „щещно убѣждали мы непріателя къ сдачѣ крѣпости. Мы не желали его гибели, онъ самъ спремился къ ней. Намъ остался одинъ *штурмъ*. Опсупленія не будетъ. Намъ должно или взять *Ланкоранъ*, или умереть. Мы за тѣмъ сюда пришли. Непріатель два раза опвергъ наши предложенія: онъ узнаетъ силу Русскаго шпыка. Русскіе брали и не такія крѣпости. Воины! послушаніе и быспрый полетъ на стѣны сохраняя людей и скорѣ рѣшаю жребій приступа. Въ царствованіе Александра Перваго правило Русскихъ: побѣждаю, или умереть. Умремъ, или побѣдимъ! съ нами Богъ!“

Декабря 31 начался *штурмъ* и продолжался при часа. Персіане упошребляли всѣ неисповыя средства, рогашины, пики, ручныя гранаты; упошребляли все—но щещно. Самъ Богъ вступилъ за правоту и невинность. Онъ наказалъ Персіанъ, захватившихъ *Талышинское владѣніе*. Непріатель погибалъ и въ стѣнахъ крѣпости и въ рѣчкѣ *Алкоранъ*, гдѣ думалъ спасися вплавъ. Пули и шпыки вездѣ его настигали. Высокомѣрный *Срадаръ Садыхъ Ханъ*, родственикъ *Баба-Хана*, за упорство свое заплашилъ жизнью. Тысяча пятьсотъ Русскихъ низложили и стѣны крѣпости и чепыре тысячи Персіанъ. Въ

числѣ Русскихъ чиновниковъ убитъ былъ храбрый Полковникъ *Ушаковъ*, а Генералъ *Котляревскій* получилъ три раны: „Но, писалъ Герой, я благодарю Бога, запечатлѣвшаго успѣхъ сего дѣла собственною моею кровію; надѣюсь, что сейже самый успѣхъ облегчитъ мои спрданія (1).“

Персіяне почивали неприступною крѣпостъ *Ланкоранъ*, устроенную на Каспійскомъ морѣ, при впаденіи въ оное рѣчки *Ланкорани*. Абасъ-Мирза предприсылалъ защищать до послѣдней капли крови сей *клятва къ сердцу Персіи*. Онъ самъ поспѣшалъ къ ней на помощь. Но узнавъ, что нѣтъ *Ланкорана*, нѣтъ ключа Персіи, онъ устремился въ быстрое бѣгство.

Не лзя пропустишь безъ вниманія и того, что сія крѣпостъ взята была наканунѣ перехода Русскихъ войскъ за границу 1 Января 1813 года. Сколько воспоминаній сливаются въ однѣ сущи! Въ то самое время, когда *Наполеонъ* бѣжалъ изъ Россіи, Опечесство наше озярилось и новою славою въ предѣлахъ Персіи и предпріятымъ подвигомъ къ спасенію Европы и человѣчества.

(1) Подлинныя слова Генерала Котляревскаго, изъ донесенія его тогдашнему Главнокомандующему въ Грузіи Н. О. Ршицеву.

XXXVIII.

О БЛАГОУСТРОЙСТВѢ
И ВЕЛИКОЛѢПІИ ДВОРА
ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

„Вступая въ Царскую палату, говорилъ Издапель Записокъ о *Графѣ Карлилѣ*, мы то же ощутили, что случается съ тѣми, которые послѣ мрака внезапно поражающся солнечными лучами: чрезвычайное сіяніе ослѣпило взоры наши. Казалось, что блескъ драгоценныхъ камней спорилъ въ превосходствѣ съ блескомъ дневнаго свѣтила. Мы какъ будто бы исчезли въ сліяніи свѣта и славы! Русской Царь, подобно солнцу свѣтозарному, сіяя и разпространяя повсемѣстно лучи, величественно сидѣлъ на престолахъ: вѣнецъ, скипетръ, порфира, все изумляло взоры и воображеніе; по споронамъ, у подножія престола, шестью или семью ступенями возвышеннаго отъ помоста, стояли чешыре Боярина, держа на плечахъ сѣкиры. Одѣяніе соотвѣтствовало величественному ихъ виду. Взглядывая по временамъ то на насъ, то на Царя своего, они какъ будто бы говорили: *кто величественнѣе Царя нашего? Взирайте и*

благоговѣйте! Сонмъ Царскихъ Бояръ еще болѣе поразилъ насъ удивленіемъ; они представлялись намъ лучами, опдѣляющимися отъ солнца, возносящагося на торжественной колесницѣ, и опять съ благоговѣніемъ возвращающимися къ лучезарному источнику, откуда испекли... У входа палаты было нѣсколько *гостей*, или купцовъ.“

«Въ такомъ велелѣпнѣ обрѣли мы Царя, важнаго видомъ, величественнаго осанкой, цвѣтущаго красою и мужествомъ. Величіе Царя, пышность Двора, всеобщее благоустройство не только восхищали насъ, но даже исполнили прелесть и удивленія; словомъ, казалось, что намъ предстало не собраніе людей, но боговъ (1)!“

(1) Записки оѣ посольствѣ Графа Карниля въ Россію, стр. 160.

